

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

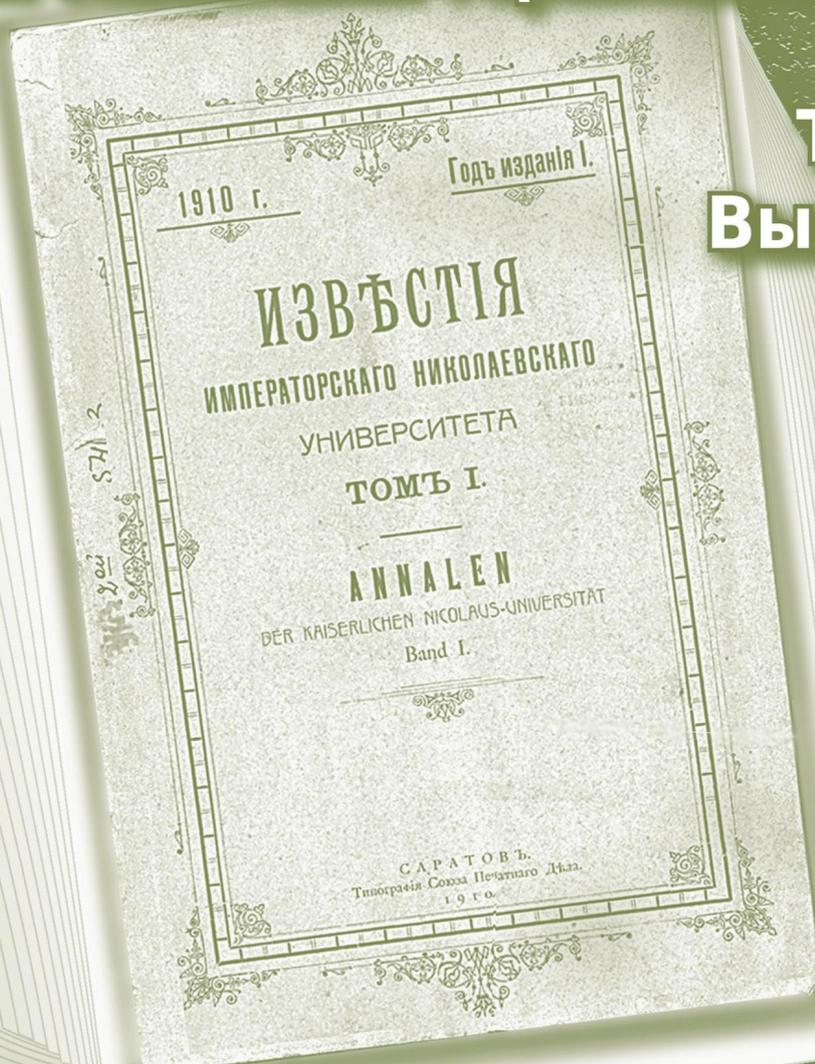
Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2023

Том 23

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

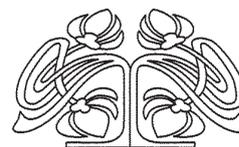
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В.

Противоречия системы миграционных отношений:
методология исследования

368

Барышников А. Н., Киреева Н. А. Продовольственная политика
и экономическая безопасность аграрного сектора экономики России:
опыт институционального анализа

379

Порезанова Е. В. Синергетические эффекты взаимодействия
экономических агентов

391

Управление

Наумова О. Н., Николаева Н. А. Региональная
и отраслевая экономика технологического суверенитета России

398

Петровская М. В., Цыпин А. П., Шарыкина Э. А.
Сравнительный статистический анализ развития промышленности
в постсоветских странах за период 1990–2021 гг.

411

Тусков А. А., Спиридонова А. А. Формирование и развитие
цифровой экономики на региональном уровне

420

Вешнева И. В. Технологии искусственного интеллекта:
классификация, ограничения, перспективы и угрозы

428

Право

Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Некоторые размышления
по поводу 20-летия Федерального закона «Об общих принципах
организации местного самоуправления в Российской Федерации»

439

Малый А. Ф. О методике исследования конституционного
субъективного права

446

Романовская О. В. Государственное регулирование
и дерегулирование: право и экономика в современной России

450

Бердникова Е. В., Куликова С. А. Политико-правовые механизмы
формирования российской конституционной идентичности
в условиях информационного общества

460

Ересько П. В. Правовые проблемы использования виртуального
пространства метавселенной в образовательном процессе вуза

471

Тогузаева Е. Н. Пропаганда бизнес-этики в России:
правовые основы

478

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.2023.
Подписано в свет 30.11.2023.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 134-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S.G., Suvorova V. V.
Contradictions of the migration relations system:
Research methodology 368

Baryshnikova N. A., Kireeva N. A. Food policy
and economic security of the Russian agricultural sector:
Institutional analysis experience 379

Porezanova E. V. Synergistic effects of interaction
between economic agents 391

Management

Naumova O. N., Nikolaeva N. A. Regional and sectoral
economy of technological sovereignty of Russia 398

Petrovskaya M. V., Tsy-pin A. P., Sharykina E. A.
Comparative statistical analysis of industrial development
in post-Soviet countries for the period 1990–2021 411

Tuskov A. A., Spiridonova A. A. Digital economy formation
and development at the regional level 420

Veshneva I. V. Artificial intelligence technologies:
Classification, limitations, prospects and threats 428

Law

Mikheeva T. N., Mikheev D. S. Some reflections
on the 20th anniversary of the Federal Law
“On the General Principles of the Organization
of Local Self-Government in the Russian Federation” 439

Malyj A. F. Methodology of research into constitutional
subjective law 446

Romanovskaya O. V. State regulation and deregulation:
Law and economics in modern Russia 450

Berdnikova E. V., Kulikova S. A. Political and legal mechanisms
for the formation of Russian constitutional identity in the conditions
of information society 460

Eresko P. V. Legal problems of using the virtual space
of the metaverse in the educational process of the university 471

Toguzayeva E. N. Promoting business ethics in Russia:
Legal framework 478

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

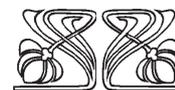
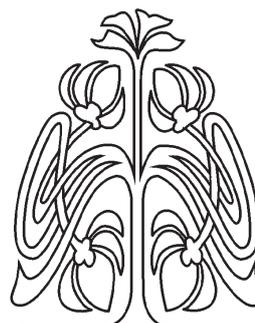
Vitali N. Khrustaluv (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

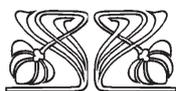
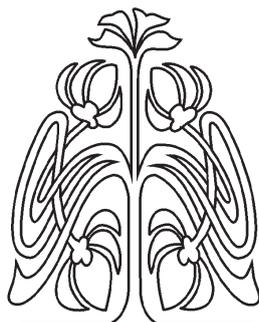

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

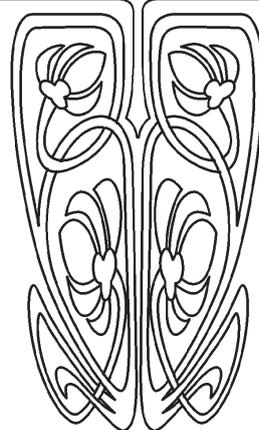

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 368–378
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 368–378
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-368-378>

EDN: MCREXC

Научная статья
УДК 331.55+339.9

Противоречия системы миграционных отношений: методология исследования

Н. С. Землянухина¹✉, С. Г. Землянухина², В. В. Суворова³

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

³Балаковский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Россия, 413853, Саратовская обл., г. Балаково, ул. Чапаева, д. 140

Землянухина Надежда Сергеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, nadezhda_zeml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>

Землянухина Светлана Георгиевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и маркетинга, swet.zemlyanuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6716-5470>

Суворова Виктория Васильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика, организация и управление на предприятиях», VVSuvorova@mephi.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1683-1062>

Аннотация. Введение. Современные условия в сфере международных отношений актуализировали проблему миграционных отношений, в том числе и их регулирования в процессе реализации миграционной политики. Потребности регулирования складывающейся миграционной ситуации обуславливают необходимость выявления противоречий системы миграционных отношений и нахождения адекватных форм разрешения этих противоречий. **Теоретический анализ.** В статье предложена методология исследования противоречий системы миграционных отношений, основанная на единстве системного и диалектического методов. Рассмотрение миграционных отношений как системы, состоящей из политических, юридических, экономических, психологических, культурологических, этических и других отношений, дало возможность конкретизировать объект противоречий миграционных отношений, состоящий в территориальном перемещении населения, и дать характеристику субъектов и предметов противоречий применительно к каждому конкретному элементу системы миграционных отношений. Применение категориального подхода при исследовании причин и последствий миграции позволило показать специфические особенности различных категорий мигрантов, в том числе вынужденных мигрантов, политико-идеологических эмигрантов, трудовых мигрантов. **Результаты.** Исследование противоречий системы миграционных отношений применительно к каждому элементу и к каждому уровню этой системы позволило прийти к выводу о том, что в связи с междисциплинарностью проблемы нахождения адекватных форм разрешения противоречий этой системы в процессе выработки и реализации миграционной политики предполагает консолидацию усилий представителей разных общественных наук, субъектов всех элементов системы миграционных отношений, институтов гражданского общества и органов государственной власти на всех уровнях.

Ключевые слова: методология, противоречия, миграционные отношения, миграция, миграционная политика, социально-культурная адаптация

Для цитирования: Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В. Противоречия системы миграционных отношений: методология исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 368–378. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-368-378>, EDN: MCREXC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Contradictions of the migration relations system: Research methodology

N. S. Zemlyanukhina¹✉, S. G. Zemlyanukhina², V. V. Suvorova³

¹ Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

² Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

³ Balakovo of Engineering and Technology Institute branch of National Research Nuclear University MEPhI, 140 Chapaev St., Balakovo 413853, Saratov region, Russia

Nadezhda S. Zemlyanukhina, nadezhda_zeml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>

Swetlana G. Zemlyanukhina, swet.zemlyanuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6716-5470>

Victoria V. Suvorova, VVSuvorova@mephi.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1683-1062>

Abstract. Introduction. Modern conditions in the sphere of international relations are characterized by the growth of global instability, confrontation and competition of world powers, the conduct of hostilities during the special military operation in Ukraine caused by the need to protect the national and state interests of Russia. In the sphere of migration relations for Russia, these conditions are reflected both in the mass “anti-war” emigration from Russia and in the large-scale influx of refugees from the war-torn territories of Ukraine. All this has actualized the problem of migration relations, including their regulation in the process of implementing migration policy. The need to regulate the current migration situation makes it necessary to identify migration contradictions and find adequate forms of resolving these contradictions.

Theoretical analysis. The article proposes a methodology for studying the contradictions of the migration relations system, based on the unity of systemic and dialectical methods. Consideration of migration relations as a system consisting of political, legal, economic, psychological, cultural, ethical and other relations made it possible to define the migration relations' contradiction object, which lies in the population's territorial displacement, and to characterize the subjects and objects of contradictions in relation to each specific element of the migration relations system. The application of a categorical approach to the study of migration causes and consequences allowed us to show the specific features of various categories of migrants, including forced migrants, political and ideological emigrants, labor migrants. **Results.** The study of the migration relations system contradictions in relation to each element and to each level of this system allowed us to come to the conclusion that, due to the interdisciplinarity of the problem, finding adequate forms of resolving the contradictions of this system in the process of developing and implementing migration policy involves consolidating the efforts of various social science representatives and those of all the migration relations system elements' subjects, of civil society institutions and public authorities at all levels.

Keywords: methodology, contradictions, migration relations, migration, migration policy, socio-cultural adaptation

For citation: Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S. G., Suvorova V. V. Contradictions of the migration relations system: Research methodology. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 368–378 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-368-378>, EDN: MCREXC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные условия в сфере международных отношений характеризуются ростом глобальной нестабильности, противостоянием и конкуренцией мировых держав, ведением боевых действий в ходе специальной военной операции на Украине. В сфере миграционных отношений для России эти условия нашли отражение как в эмиграции из России, так и в масштабном притоке беженцев с охваченных войной территорий Украины. Все это актуализировало проблему миграционных отношений, в том числе и их регулирования в процессе реализации миграционной политики. Потребности регулирования складывающейся миграционной ситуации обуславливают необходимость выявления

противоречий миграции и нахождения адекватных форм разрешения этих противоречий.

Сущность понятия «миграция» представляет собой территориальные перемещения населения как за пределы, так и внутри границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории. В данной статье будет рассматриваться только внешняя миграция. В процессе территориального перемещения населения складывается обширный круг миграционных отношений, которые могут быть представлены как система, состоящая из политических, юридических, экономических, идеологических, психологических, этических, этнических, культурологических и других от-

ношений. В связи с многообразием миграционных отношений они исследуются различными общественными науками, каждая из которых ставит свои цели изучения и дает характеристику миграции применительно к своему аспекту этих отношений. На наш взгляд, исследование миграционных отношений в качестве системы (в том числе и противоречий этой системы) представляет собой междисциплинарную проблему, что предполагает использование возможностей и преимуществ междисциплинарного подхода, комплексный подход и взаимодействие разных наук в процессе исследования. Попытка такого междисциплинарного подхода предпринята в этой статье.

Теоретический анализ

Методологической основой исследования противоречий системы миграционных отношений является признание того, что противоречие выступает структурным элементом каждого отдельного миграционного отношения, отражая его наиболее глубокий, сущностный уровень. Сложность исследования противоречий системы миграционных отношений состоит в том, что необходимо выявить и дать характеристику противоречия, как отдельного миграционного отношения, так и противоречий между элементами (или аспектами) системы миграционных отношений.

Противоречия складываются между субъектами отношений по поводу тех или иных объектов, выступающих необходимым структурным элементом любого отношения. Объектом миграционных отношений выступают действия субъектов, связанные с территориальными перемещениями и сменой постоянного места жительства. Наряду с понятием «объект» при рассмотрении противоречий используется понятие «предмет противоречия». Если объект противоречия характеризует, по поводу чего складываются отношения и взаимодействие между субъектами, а следовательно, возникают противоречия, то предмет противоречия конкретизирует свойства, функции объекта, это та или иная сторона объекта и процесса его функционирования, которая выделяется в процессе исследования исходя из целей исследователя [1, с. 9].

Конкретизация объекта противоречий миграционных отношений, состоящего в действиях по территориальному перемещению населения, должна состоять в установлении предмета противоречий применительно к каждому конкретному элементу системы миграционных отношений, который, обладая относительной

обособленностью и самостоятельностью, находится во взаимной связи, зависимости и взаимодействии с другими элементами этой системы, что выступает основой ее целостности и единства. В процессе взаимодействия элементов системы миграционных отношений обнаруживаются противоречия между ними. Эти противоречия обусловлены тем, что каждый элемент в системе миграционных отношений выполняет определенную функцию, обеспечивающую территориальные перемещения мигрантов. В качестве таких функций могут выступать действия субъектов по обеспечению пространственного движения мигрантов, размещения, обустройства и их интеграции на новом месте жительства, по трудоустройству, по социально-культурной адаптации приезжих на территории государства и (или) в отдельных его регионах и т. п. Дальнейшая конкретизация функций каждого элемента миграционных отношений (а значит, и предметов противоречий) предполагает уточнение специфики выполняемых ролевых функций каждым из элементов системы в процессе ее функционирования и значимости реализации этих функций для достижения целей субъектами миграционных отношений. Реализация этой задачи предполагает также характеристику субъектов системы миграционных отношений как в целом для системы, так и каждого из ее элементов.

Основным субъектом системы миграционных отношений является сам мигрант. Можно согласиться с формулировкой этого понятия, предложенного юристами на основе ряда сущностных признаков: мигрантом «признается иностранный гражданин или лицо без гражданства, выразивший и (или) реализующий свою волю относительно пространственного перемещения, осуществляющий такое передвижение через границы конкретного государства, территорию которого он с определенной целью избирает местом своего пребывания, приобретающий в результате реализации своего волеизъявления особый правовой статус, и подлежащий контролю со стороны государства» [2]. В качестве второй стороны миграционного отношения, вступающей в юридические взаимодействия с мигрантом, выступают: государственные органы исполнительной власти, наделенные специальной компетенцией в сфере миграции; юридические лица или частные предприниматели, вступающие с мигрантом в трудовые отношения; общественные объединения, представляющие интересы мигрантов, или другие структуры гражданского общества (различные

правозащитные общества, фонды, комиссии и т.п.), а также соответствующие международно-правовые организации.

В зависимости от правового положения всех субъектов системы миграционных отношений можно разделить на две категории: субъекты, имеющие властные полномочия в миграционной сфере (управляющие), и субъекты, занимающие подчиненное положение в миграционных правоотношениях (управляемые). К первой категории относятся органы власти, наделенные компетенцией в миграционной сфере, и их должностные лица (прежде всего, органы внутренних дел), ко второй категории – мигранты, большинство из которых являются иностранными гражданами [3, с. 108].

Дальнейшая спецификация субъектов элементов системы миграционных отношений может быть произведена в зависимости от выполняемых ими функций. Так, функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции возлагаются на такого субъекта миграционных отношений, как Главное управление по вопросам миграции МВД РФ. Противоречия между мигрантами и работниками миграционной службы могут складываться по поводу регистрации людей, осуществивших въезд на территорию России, оформления прописок и временных регистраций, выдачи и замены гражданских и загранпаспортов, выдачи разрешений на работу для иностранных граждан и т.п. Предметами противоречий миграционных отношений в зависимости от специфики каждого конкретного правоотношения могут быть: пересечение границы, регистрация, учет, оформление трудовых отношений, контроль за пребыванием и проживанием мигрантов, выдворение их за пределы государства и т. п.

В целом юридические отношения, связанные с правовым регулированием складывающейся миграционной ситуации, включают в себя правоотношения разнопланового характера: правовой статус иностранных граждан, гражданство Российской Федерации, документирование документами, удостоверяющими личность граждан Российской Федерации, и их регистрационный учет [4, с. 59]. Правовое регулирование миграционных процессов в России осуществляется в соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622, с изменениями, внесенными в эту концепцию Указом Президента РФ от 12 мая

2023 г. № 342 [5, 6]. В странах Европейского союза проблемы правового регулирования миграционных процессов на современном этапе связаны с правовым обеспечением легальной миграции и предоставлением убежища в условиях пандемии Covid-19 и проведении специальной операции на Украине, ввиду которой в ЕС двинулась волна беженцев [7].

Следует обратить внимание на тесную взаимосвязь юридических и политических элементов системы миграционных отношений – политические отношения, обусловленные политическими причинами миграции (бегство от политических репрессий, расовых и религиозных притеснений, репатриация в связи с изменением политических условий или государственных границ), воплощаются в государственной миграционной политике, а эффективность миграционной политики зависит от качества правового регулирования. Несовершенство юридического законодательства о миграции, отсутствие действенных механизмов контроля и регулирования миграционных потоков способствуют возникновению межнациональных конфликтов, формированию этнических анклавов, ухудшению социальной обстановки.

Психологические элементы системы миграционных отношений обусловлены потребностью в поддержании психологического благополучия, так как психика и эмоциональная сфера в процессе миграции испытывает высокие нагрузки. Психологический аспект миграционных отношений связан как с процессом принятия решений о миграции, так и с социально-психологической адаптацией мигрантов на новом месте жительства. Мотивы миграции могут быть связаны с неудовлетворением ряда психологических потребностей индивида, сама потребность в перемещении у мигрантов формируется под воздействием внутреннего психологического импульса, устойчивого психического напряжения, возникающего в силу неудовлетворения некоторых потребностей, которое индивид не в состоянии преодолеть стандартными способами по причине особенностей психики или окружающих условий [8].

И если на этапе принятия решений о миграции может наблюдаться внутриличностный (или внутрисемейный) конфликт (противоречие) между потребностями, мотивами, ценностями и установками самого человека или членов его семьи по поводу смены места жительства, выбора конкретного региона или страны переезда, то в процессе социально-психологической адаптации к новой социокультурной (возможно, и чужерод-

ной) среде на новом месте жительства выявляются противоречия между принципами, нормами, традициями местного населения и приезжих мигрантов. Проявлением этого противоречия могут выступать такие психологические явления, как тревожность, апатия, депрессия, агрессивные реакции, чувство отверженности, напряжения и т. п. Психоэмоциональные переживания мигрантов могут сопровождаться травматизацией психики и превышать психофизиологические возможности человека, что особенно характерно для вынужденных мигрантов (беженцев).

Травмирование психоэмоционального состояния вынужденных мигрантов обусловлено причинами миграции, связанными с насилием, преследованием, вооруженными конфликтами. Как отметил в своем послании Президент РФ, после 2001 г. более 38 млн чел. стали беженцами в результате войн, которые развязали США [9]. На заседании Совета безопасности РФ, проведенном в октябре 2022 г. и посвященном изменениям политики в отношении миграции, было отмечено, что убежище в нашей стране нашли более пяти миллионов жителей востока Украины [10]. Психоэмоциональное состояние вынужденных мигрантов обусловлено тем, что ситуация вынужденной миграции для человека является травмирующей, неординарной, поэтому эмоциональные реакции, переживания, действия людей нужно трактовать как нормальную реакцию на ненормальные обстоятельства. В этом случае требуется коррекция нарушений в психоэмоциональном состоянии вынужденных мигрантов. своевременная психокоррекция аффективных, мотивационных, когнитивных и поведенческих нарушений вынужденных мигрантов [11, с. 185].

Противоречия в культурном элементе системы миграционных отношений обусловлены наличием культурологических барьеров между мигрантами и местным населением, различиями в ценностных ориентациях, культурных устоях и национальных традициях. Эти противоречия проявляются в процессе социально-культурной адаптации мигрантов к новой культурной среде и сопровождаются сильными эмоциональными переживаниями, т. е. наряду с социально-культурной происходит и социально-психологическая адаптация. Наиболее острыми сферами внутриличностных психологических противоречий и конфликтов мигрантов исследователи этих отношений называют следующие: несоответствие уровня притязаний и уровня достижений; потребность в независимости и необходимость быть зависимым, получать помощь и опеку; несоответствие норм и внутренних агрессивных тен-

денций (невозможность выразить свои чувства) [12, с. 95]. Отсюда вывод – во внутриличностных противоречиях миграционных отношений в процессе социально-культурной адаптации проявляются и взаимодействуют и психологические, и культурологические элементы системы миграционных отношений, при этом обострение противоречий в культурной среде вызывает углубление противоречий и в психологическом элементе миграционных отношений.

Наличие культурологических барьеров между мигрантами и местным населением в процессе социально-культурной адаптации мигрантов не только выступает причиной их внутриличностных противоречий, но находит проявление в противоречиях, конфликтах (и даже столкновениях) как между мигрантами, так и между мигрантами и местным населением. К деструктивным проявлениям миграции населения Л. А. Кононов относит: массовые беспорядки на почве обострения противоречий между мигрантами и местным населением; организованную преступность в миграционной среде; формирование этнических анклавов мигрантов, экстремизм и терроризм в миграционных отношениях и др. [13, с. 10]. Исследователь приходит к выводу о том, что если активизация миграционных процессов является одной из причин определенного деструктивного эффекта миграционных процессов, то культура миграционных отношений выступает как фактор обеспечения стабильности и национальной безопасности [13]. Нам представляется, что культура миграционных отношений выступает не только фактором, влияющим на последствия миграции (стабильность и безопасность в обществе), но отношения культуры входят в систему миграционных отношений, являются их элементом.

Социально-культурная адаптация мигрантов связана с умением «вписываться» и эффективно взаимодействовать в новой культурной среде. Она включает образование, доход, свободное владение языком и контакты с местным сообществом [10]. Успешность социально-культурной адаптации мигрантов проявляется в установлении позитивных связей с новой средой, в решении ежедневных житейских проблем (школа, семья, быт, работа), в участии в социальной и культурной жизни принимающего общества, в адекватности в общении и в межкультурных отношениях, в продуктивности и производительности в трудовой деятельности [14]. Отсутствие успешной социально-культурной адаптации находит проявление в межэтнических столкновениях и конфликтах, в массовых беспорядках на почве обострения противоречий

между мигрантами и местным населением, в организованной преступности в миграционной среде, в экстремизме и терроризме.

Сложность и противоречивость культурологических аспектов миграционных отношений нашли отражение в таком политико-идеологическом феномене, как мультикультурализм. Мультикультурализм определяется и как некая доктрина, мировоззрение, устойчивая система взглядов, т. е. идеология, направленная на реализацию показавших свою эффективность правовых и политических технологий, поддерживающих этническую стабильность общества. В то же время мультикультурализм определяется и как определенная система мер, предпринимаемых государством с целью поддержания культурного разнообразия, и как социальные практики мирного сосуществования и взаимодействия разнообразных культур на пространстве единой территории в условиях равных возможностей самоутверждения каждого носителя национальной культуры [15].

Мультикультурализм отражает не только взаимосвязь и противоречивость культурологических и политико-идеологических аспектов миграционных отношений, но также и антагонистические точки зрения на эти процессы в лице сторонников и противников мультикультурализма. Если сторонники мультикультурализма ратуют за обеспечение на территории одного государства возможности равноправного сосуществования представителей различных национальных культур, основанного на принципах свободы, терпимости, уважения чести и достоинства личности, то противники мультикультурализма подчеркивают, что практическое применение его принципов (сохранение национальной и культурной идентичности мигрантов) приводит к абсолютному разрушению сложившихся многовековых культурных устоев и развитых культурных традиций населения страны, принимающей мигрантов.

Практическое применение доктрины мультикультурализма в миграционной политике стран западных демократий со второй половины XX в. характеризовалось взлетами и падениями идеологии мультикультурализма [16]. В частности, трансформация взглядов на мультикультурализм наблюдалась в Швеции, правительство которой во второй половине XX в., руководствуясь морально-этическими императивами, взяло курс на построение в стране мультикультурного общества. Непонимание значительной частью населения перспектив политики мультикультурализма, неспособность традиционных демократических

сил разрешить социальные проблемы, возникающие на почве межэтнических отношений, а также неспособность правящих элит справиться с наплывом беженцев с Ближнего Востока и других регионов мира – всё это привело в Швеции в середине второго десятилетия XXI в. к активизации сторонников националистических идей [17].

Подобные процессы наблюдались и в других странах, что обусловило отказ от политики мультикультурализма и возрождение идеи государственного строительства через общие ценности и идентичности. Однако сама по себе идеология и политика мультикультурализма сохраняет свою значимость, утверждение о смерти мультикультурализма оспаривается по следующим причинам: 1) предпринятые эксперименты в мультикультурализме носили неверный характер; 2) степень проблем мультикультурализма была преувеличена; 3) была произведена неверная оценка реальных трудностей и ограничений, с которыми пришлось столкнуться. Поэтому, несмотря на все разговоры о падении мультикультурализма, можно согласиться с тем, что данная политика в общем и целом имеет большое будущее [16].

Одной из причин трансформации взглядов на мультикультурализм выступает упорное нежелание мигрантов интегрироваться в окружающую действительность, что формирует враждебное отношение ко всем представителям национальных меньшинств, провоцируя вспышки межэтнических столкновений и конфликтов [18]. Важным фактором конфликтов становятся и религиозные противоречия в связи с расширением влияния ислама на территории многих государств, что приводит немусульман, по мнению В. В. Ким, к необходимости защиты веры и традиций [19, с. 107].

При рассмотрении противоречий, причин и последствий миграции, на наш взгляд, необходимо применение категориального подхода, который позволяет учесть специфические особенности различных категорий мигрантов, таких как вынужденные мигранты и беженцы, покинувшие свою страну в связи с геополитической обстановкой и военными действиями, трудовые мигранты, нелегальные мигранты и т. п. Если вынужденные мигранты покидают место жительства вследствие совершенного в отношении их насилия или преследования либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка и т.п., то такая категория, как политико-идеологические мигранты, добровольно покидают свою страну. В

основе перемещения этих мигрантов за пределы страны лежат идеологические установки. Так, специальная военная операция, проводимая Россией на Украине, выявила противоречия между традиционной и западной системой ценностей, что выразилось в возникновении в российском обществе сторонников и противников спецоперации на Украине. Западно-ориентированная часть «духовной элиты» России (журналисты, актеры, музыканты, фотографы, блогеры, дизайнеры и т. п.) продемонстрировала свое отношение к СВО на Украине в форме выезда за пределы России. В основе принятия решений этой категорией эмигрантов лежат факторы идеологического характера, граждане, выехавшие за границу в связи с объявлением о частичной мобилизации, выразили таким образом свое нежелание участвовать в спецоперации.

В систему миграционных отношений входят также и нравственно-этические элементы, которые находят свое проявление не только на этапе принятия решений о миграции, но и в процессе социально-культурной адаптации мигрантов в виде расхождения нравственных установок субъектов миграционных отношений с моральными принципами и требованиями, выработанными принимающими обществами. В этой связи в местах массового заселения мигрантов для государственных органов и органов местного самоуправления возникает проблема формулирования моральных принципов поведения мигрантов и местного населения, а также проблема контроля и оценки соответствия поступков субъектов миграционных отношений сформулированным принципам. Сложность и противоречивость реализации такой установки подтверждает ситуация, сложившаяся в Швейцарии. Так, в стране существует Закон о миграции, согласно которому всякая помощь (деньгами, предоставлением крова или пищи) человеку, находящемуся в стране на нелегальном положении – например, получившему отказ в статусе беженца, – квалифицируется как нарушение закона и наказывается денежным штрафом или тюремным сроком [20, с. 81]. То есть здесь налицо противоречие между швейцарским законодательством в сфере миграции и фундаментальными принципами гуманизма, состоящими в гостеприимстве и помощи ближнему.

При всей значимости культурных, этнических и этических различий между мигрантами и остальным населением в качестве причин социальных потрясений все-таки определяющими причинами противоречий системы миграционных отношений выступают экономические.

Дело в том, что миграция требует расходования ресурсов принимающего общества, связанного как с жизнеобеспечением материальными и духовными благами мигрантов в процессе их перемещения, переселения, размещения, обустройства и интеграции на территории государства и (или) в отдельных его регионах, так и с их трудоустройством, содержанием, условиями и оплатой труда мигрантов. Именно эти проблемы выступают определяющими причинами противоречий миграционных отношений.

При исследовании экономического аспекта миграционных отношений следует разграничивать причины и последствия миграции, как для самих мигрантов, так и для стран, откуда уезжают и куда приезжают мигранты. Главная причина миграции населения – экономическая, а именно поиски более высокого уровня и качества жизни, благоприятных условий труда и социального обеспечения. Активные миграционные процессы сегодня выражаются в том, что миграционные потоки устремляются в более экономически развитые страны. Представление об уровне развития стран дают результаты международных сопоставлений, проводимых по программе ООН, по показателям, характеризующим уровень развития экономики различных стран. В частности, значения такого показателя, как индекс физического объема ВВП на душу населения (отношение ВВП на душу населения сопоставляемой страны к ВВП на душу населения базовой страны), в 2017 г. в сопоставлении с США, принятом за базовую страну, составляли: в США – 100%, в России – 43, в Германии – 88, в Великобритании – 76, во Франции – 74, в Австрии – 90, в Израиле – 65, в Канаде – 80. Наблюдается определенная корреляция между уровнем экономического развития страны, уровнем конечного потребления домашних хозяйств и миграционным приростом – экономически развитые страны с высоким уровнем конечного потребления домашних хозяйств имеют и высокий положительный коэффициент миграционного прироста (таблица).

Люди бегут от нищеты и безработицы, надеясь на улучшение жизни, что существенно влияет на уровень и качество жизни населения, принимающего мигрантов на свою территорию. Для коренного населения увеличение количества иммигрантов чревато обострением жилищной проблемы и повышением цен на жилье, снижением обеспеченности социальными услугами и социальной инфраструктурой, снижением уровня оплаты труда из-за высокого предложения рабочей силы и конкуренции на рынке труда.

Характеристика уровня экономического развития и миграционного прироста отдельных стран
Table. Characteristics of the economic development level and migration growth of individual countries

Страна	Индекс физического объема ВВП на душу населения в 2017 г.	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности на душу населения, 2017, %	Год подсчета коэффициента миграционного прироста	Коэффициент миграционного прироста (на 1000 человек населения)
Россия	43	100	2021	2,9
Германия	88	200	2020	2,4
Великобритания	76	187	2019	4,0
Франция	74	179	2020	0,8
Австрия	90	194	2020	4,4
Израиль	65	141	2020	2,7
Канада	80	191	2019	11,5
США	100	261	2019	0,6

Сост. по: [21, с. 63, 111, 120–121].

Compiled according to: [21, p. 63, 111, 120–121].

Эти проблемы обостряются в случае прибытия в страну вынужденных переселенцев, которым оказывается социальная поддержка в виде получения единовременного денежного пособия на каждого члена семьи, проживания в центре временного размещения вынужденных переселенцев, получения питания, пользования коммунальными услугами и т. п. Осуществление этой социальной поддержки предполагает выделение средств из бюджетов регионов на эти цели, что сокращает возможности реализации функции по социальной защите как граждан страны, так и беженцев и переселенцев, создает предпосылки к возникновению социальной напряженности. В то же время это создает возможности социального иждивенчества среди беженцев и вынужденных переселенцев, выражающегося в сознательном стремлении существования в социуме за счет окружающих людей, общества и государства, не принося последним никакой пользы в ответ на предоставляемые возможности.

В настоящее время в миграционных процессах появилась такая особенность, как возможность мигрантов сделать выбор в сторону паразитического существования на социальные пособия, которые во многих семьях бывших трудовых мигрантов с Востока уже становятся печальной «семейной традицией». Маргинализация иммигрантов с такого рода настроен носит почти необратимый характер и практически закрывает дверь для их социокультурной адаптации, ограничивая круг общения и любой деловой активности исключительно пределами диаспоры [22].

Применение категориального подхода к рассмотрению влияния трудовой миграции на экономическое развитие стран предполагает уточнение такой характеристики мигрантов, как уровень квалификации. Если происходит отток из страны высококвалифицированных кадров (например, «утечка мозгов» из России в Европу и на Запад в целом), то страна выступает в качестве донора трудового, образовательного и научного потенциала для других стран, а для страны выезда такая ситуация создает реальную угрозу для сохранения и расширенного воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы страны, приводит к дефициту высокопрофессиональной рабочей силы, препятствует созданию и внедрению прорывных инновационных технологий. В свою очередь, страна-импортер высококвалифицированной рабочей силы экономит на затратах на образование и профессиональную подготовку, на социальных пособиях (иностранцы работники не обеспечиваются пенсиями и не учитываются при реализации разного рода социальных программ). В странах-реципиентах рабочей силы с помощью иммигрантов высокой квалификации развиваются наука, сфера высоких технологий, медицина и т.д.

Если же основной поток въезжающих в страну (например, в Россию из бывших республик Советского Союза) представляет собой низкоквалифицированную рабочую силу, то в качестве последствий такой миграции для страны-импортера рабочей силы выступает сохранение низкого уровня заработной платы, так как наличие низкооплачиваемых иммигрантов

позволяет российским предпринимателям не вкладывать средства в модернизацию производства для повышения производительности труда, а заполнение вакансий на рынке труда низкооплачиваемыми иностранными рабочими снижает цену национальной рабочей силы.

Значительное влияние на экономику стран-экспортеров низкоквалифицированной рабочей силы оказывают потоки денежных переводов мигрантов, которые вносят значительный вклад в ВВП этих стран, выступают фактором повышения уровня жизни населения. Также отмечается положительное воздействие на рынки труда трудоизбыточных стран отъезда работников за рубеж, что может выступать фактором сокращения масштабов безработицы и снижения социальной напряженности в стране.

Структуру противоречий системы миграционных отношений можно представить не только по ее элементам, но и по уровням возникновения противоречий: наноуровень, микроуровень, макроуровень, мегауровень. Предметами противоречий на наноуровне (домохозяйства) могут выступать разногласия между интересами и потребностями членов семьи, связанные с процессом принятия решений о миграции, с конкретизацией места переселения, несовпадение потребности в финансовом обеспечении переселения и бюджетными возможностями удовлетворения этой потребности и т. п. На микроуровне противоречия миграционных отношений ярче всего проявляются в процессе использования труда мигрантов, т. е. в экономическом (а более точно – в трудовом) элементе миграционных отношений. Предметами этого противоречия выступают все компоненты качества трудовой жизни – содержание, условия и оплата труда, продолжительность рабочего дня, интенсивность труда.

Сущность противоречия трудовых миграционных отношений составляет противоположность интересов субъектов этого противоречия – интерес работодателя как субъекта трудовых отношений состоит в том, чтобы увеличить продолжительность и интенсивность труда и минимизировать оплату труда работника, а интерес трудящегося мигранта – максимизировать оплату труда и сохранить свою рабочую силу. Это противоречие применительно к трудовым мигрантам усугубляется в том случае, если имеет место миграция без регистрации или неформальная занятость, что оборачивается эксплуатацией трудящихся мигрантов недобросовестными работодателями в части, например,

отсутствия должного медицинского и социального обеспечения, отсутствия достойной оплаты труда, средств индивидуальной защиты, достойных условий труда и т. п. Формируется отношение работодателей к мигрантам как к дешевой и низкоквалифицированной рабочей силе, не способной отстаивать свои права. Отсюда значимым и приоритетным для таких занятых становится совершенствование законодательства в отношении трудовых мигрантов и обеспечение эффективного контроля за его соблюдением, что выступает прерогативой государственных органов и осуществляется на макро- и мегауровне.

Противоречия миграционных отношений на мегауровне возникают по поводу разработки международных норм и стандартов защиты прав мигрантов в мировом сообществе, по поводу имплементации этих норм в национальные правовые системы и их исполнения. В частности, отмечаются противоречия между положениями о трудовой миграции в Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и национальными миграционными законодательствами государств-членов ЕАЭС, что ставит проблему унифицирования системы миграционного законодательства в рамках этого интеграционного международного объединения с целью приведения его в соответствие с международным правом. Применительно к вынужденным мигрантам противоречия складываются между государствами-членами Евросоюза в связи с необходимостью соблюдения принципа уважения и защиты прав беженцев и необходимостью ограничения их потока на территорию развитых государств, между необходимостью соблюдения правил «политики открытых дверей» и требованиями национальной безопасности государств.

Выводы

Исследование противоречий системы миграционных отношений применительно к каждому элементу и к каждому уровню этой системы позволило прийти к выводу о том, что в связи с междисциплинарностью проблемы нахождения адекватных форм разрешения противоречий этой системы в процессе выработки и реализации миграционной политики предполагает консолидацию усилий представителей разных общественных наук, субъектов всех элементов системы миграционных отношений и институтов гражданского общества и органов государственной власти на всех уровнях.

Список литературы

1. Землянухина С. Г. Противоречия системы воспроизводства рабочей силы в России: факторы формирования и формы разрешения. Саратов : Саратовский гос. техн. ун-т, 2020. 200 с.
2. Степенко В. Е., Пацкевич В. С. Теоретико-правовая категория «мигрант»: некоторые подходы к определению понятия // Миграционное право. 2020. № 3. С. 3–6. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2020-3-3-6>, EDN: UMNKYF
3. Кудин О. В. К определению понятия «мигрант» в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 108–110. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-108-110>
4. Прудников А. С. О ряде проблем и противоречий в законодательстве в сфере миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 58–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-58-60>
5. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Собр. законодательства. Рос. Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.
6. О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 : указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003?index=6&rangeSize=1> (дата обращения: 12.05.2023).
7. Мартиросян Д. Г. Проблемы правового регулирования миграционных процессов в ЕС на современном этапе // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 2–3. С. 120–131. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-2-3-12>, EDN: LHXCMH
8. Нургалеев В. С., Юдин П. А. Психологические особенности мигранта и факторы, влияющие на них // Мир науки, культуры и образования. 2016. № 6 (61). С. 301–303.
9. Стенограмма выступления Владимира Путина с Посланием к Федеральному Собранию. URL: <https://rg.ru/2023/02/21/stenogramma-vystupleniia-vladimiraputina-s-poslaniem-k-federalnomu-sobraniiu.html> (дата обращения: 21.02.2023).
10. На заседании Совета безопасности РФ обсудили вопросы миграции, а также связанные с ними вызовы и угрозы. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-10-19/439948-na_zasedanii_soveta_bezopasnosti_rf_obsudili_voprosy_migratsii_a_takzhe_svyazannye_s_nimi_vyzovy_i_ugrozy (дата обращения: 21.02.2023).
11. Рябова Е. И., Щупленков Н. О. Этносоциокультурная миграциология : конспект лекций. М. : Этносоциум, 2019. 234 с. EDN: RXYBTL
12. Кобзева Н. В. Психологические особенности внутриличностных конфликтов в различных ситуациях миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 86–101. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2018-2-86-101>
13. Кононов Л. А. Культура миграционных отношений как фактор обеспечения стабильности в обществе // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 10–23. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-2-10-23>, EDN: UYIATW
14. Родионова Е. А. «Пришельцы» (Психологические аспекты миграции) // Психология для руководителя. 2010. № 12/А (36). С. 54–57.
15. Лапин Д. В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 2 (16). С. 20–26.
16. Кимлика У. Взлет и падение мультикультурализма // Дискурс-ПИ. 2013. Вып. 11–12. С. 71–82.
17. Евтушенко А. С. Эволюция политики Швеции в отношении мигрантов и беженцев во второй половине XX – первых десятилетиях XXI в. // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Краснодар, 1 декабря 2022 г.) Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 55–63.
18. Черняк А. В. Мультикультурализм и миграционная политика // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 73–78.
19. Ким В. В. Противоречия ценностей в миграционных процессах и формирование фанатизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (43) : в 3 ч. Ч. 2. С. 104–108. EDN: SEFEAN
20. Клот Л. СМИ и противоречия современного миграционного дискурса в Европе // Современные медиа: процессы и контексты : материалы VI и VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ярославль, 1–28 февраля 2022 г.). Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2022. С. 75–83. EDN: DSVTOP
21. Россия и страны мира. 2022 : стат. сб. М. : Росстат, 2022. 400 с.
22. Старовойтова И. Е., Кожевникова Л. В. Риски утраты социокультурной идентичности в контексте миграционных процессов // Общество. Доверие. Риски : материалы Ежегодного Междунар. форума (Москва, 28 октября 2020 г.) / под общ. ред. И. В. Грошева. М. : Гос. ун-т управления, 2020. С. 257–260.

References

1. Zemlyanukhina S. G. *Protivorechiya sistemy vosproizvodstva rabochey sily v Rossii: faktory formirovaniya i formy razresheniya* [Contradictions of the labor force reproduction system in Russia: Factors of formation and forms of resolution]. Saratov, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov Publ., 2020. 200 p. (in Russian).
2. Stepenko V. E., Patskevich V. S. The theoretical and legal category MIGRANT: Some approaches to the concept definition. *Migratsionnoe pravo* [Migration Law], 2020, no. 3, pp. 3–6 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2020-3-3-6>, EDN: UMNKYF

3. Kudin O. V. On the definition of the concept of «migrant» in Russian legislation. *Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 2, pp. 108–110 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-108-110>
4. Prudnikov A. S. On a number of problems and contradictions in the legislation in the field of migration. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 4, pp. 58–60 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-58-60>
5. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018, no. 622. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2018, no. 45, art. 6917 (in Russian).
6. On amending the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 no. 622. Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023 no. 342. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003?index=6&rangeSize=1> (accessed May 12, 2023) (in Russian).
7. Martirosian D. G. Problems of legal regulation of migration processes in the EU at the current stage. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1: Economics and Law], 2022, no. 2–3, pp. 120–131 (in Russian). <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-2-3-12>, EDN: LHXCMMH
8. Nurgaleev V. S., Yudin P. A. Psychological features of workers and factors affecting them. *World of Science, Culture and Education*, 2016. № 6 (61), pp. 301–303 (in Russian).
9. *Stenogramma vystupleniya Vladimira Putina s Poslaniem k Federal'nomu Sobraniyu* (Transcript for Vladimir Putin delivers Address to the Federal Assembly). Available at: <https://rg.ru/2023/02/21/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-s-poslaniem-k-federalnomu-sobraniuu.html> (accessed February 21, 2023) (in Russian).
10. *Na zasedanii Soveta bezopasnosti RF obsudili voprosy migratsii, a takzhe svyazannye s nimi vyzovy i ugrozy* (At a meeting of the Security Council of the Russian Federation, they discussed migration issues, as well as related challenges and threats). Available at: https://www.1tv.ru/news/2022-10-19/439948-na_zasedanii_soveta_bezopasnosti_rf_obsudili_voprosy_migratsii_a_takzhe_svyazannye_s_nimi_vyzovy_i_ugrozy (accessed February 21, 2023) (in Russian).
11. Riabova E. I., Shchuplenkov N. O. *Etnosotsiokul'turnaya migratsiologiya: konspekt lektsiy* [Ethnocultural Migration: Lecture Notes]. Moscow, Etnosotsium, 2019. 234 p. (in Russian). EDN: RXYBTL
12. Kobzeva N. V. Psychological characteristics of the intrapersonal conflicts in various situations of migration. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 86–101 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2018-2-86-101>
13. Kononov L. A. Culture of the migration relations as a factor of the stability securing in society. *Issues of Ethnopolitics*, 2019, no. 2, pp. 10–23 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-2-10-23>, EDN: UYIATW
14. Rodionova E.A. “Aliens” (Psychological Aspects of Migration). *Psikhologiya dlya rukovoditelya* [Psychology for the Executive], 2010, no. 12/A (36), pp. 54–57 (in Russian).
15. Lapin D. V. Multiculturalism: A political concept and scientific phenomenon. *Ideas and Ideals*, 2013, vol. 2, no. 2 (16), pp. 20–26 (in Russian).
16. Kimlika U. The rise and fall of multiculturalism? *Discourse-P*, 2013, iss. 11–12, pp. 71–82 (in Russian).
17. Evtushenko A. S. Evolution of Sweden's migrant and refugee policies in the second half of the 20th and first decades of the 21st century. *Etnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsional'nykh otnosheniy* [Ethnos and society in the context of interethnic relations. Materials of the VIII All-Russian (with international participation) of a scientific and practical conference (Krasnodar, December 1, 2022)]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2022, pp. 55–63 (in Russian).
18. Cherniak A. V. Multiculturalism and Migration Policy. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Bulletin of State and Municipal Administration], 2014. no. 3. pp. 73–78 (in Russian).
19. Kim V. V. Contradictions of values in migration processes and the formation of fanaticism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2014, no. 5 (43), pt. 2, pp. 104–108 (in Russian). EDN: SEFEAN
20. Klot L. Mass media and contradictions of modern migration discourse in Europe. *Sovremennye media: protsessy i konteksty* [Modern Media: Processes and Context. Materials of the VI and VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Yaroslavl, February 1–28, 2022)]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., 2022, pp. 75–83 (in Russian). EDN: DSVTOP
21. *Rossiia i strany mira. 2022* [Russia and the Countries of the World. 2022. Statistical collection]. Moscow, Rosstat, 2022. 400 p. (in Russian).
22. Starovoitova I. E. Risks of loss of socio-cultural identity in the context of migration processes. In: *Obshchestvo. Doverie. Riski. Pod obchsh. red I. V. Grosheva* [Groshev I. V. (ed.) Society. Trust. Risks. Materials of the Annual International Forum (Moscow, October 28, 2020)]. Moscow, State University of Management Publ., 2020, pp. 257–260 (in Russian).

Поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 20.08.2023
The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 20.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 379–390
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 379–390
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-379-390>, EDN: NRFUCS

Научная статья
УДК 338.439

Продовольственная политика и экономическая безопасность аграрного сектора экономики России: опыт институционального анализа

Н. А. Барышникова, Н. А. Киреева ✉

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Барышникова Наталья Анатольевна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, nvas_2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6645-8212>

Киреева Наталья Аркадьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, nataalkireeva1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9410-5190>

Аннотация. Введение. Необходимость адаптации аграрной экономики к условиям турбулентной внешней среды требует повышения эффективности государственного регулирования. Решение этой проблемы должно быть основано на переосмыслении теоретико-методологической базы исследования результативности современной продовольственной политики с позиций институционального анализа. **Теоретический анализ.** Упорядоченный набор формальных и неформальных институтов составляет институциональную структуру агропродовольственного комплекса. Институциональный анализ позволяет ответить на вопрос, насколько современные институты задают именно те рамки функционирования аграрной экономики, которые отвечают целям и задачам ее экономической безопасности. Элементы институционального анализа включают описание содержания института и его функций, выявление закономерностей эволюции института и институциональных конфликтов, оценку эффективности института. Это позволяет выстроить траекторию трансформации института в контексте обеспечения экономической безопасности аграрного сектора экономики. **Эмпирический анализ.** Для современной институциональной среды АПК характерны существенные деформации под воздействием формальных норм и правил, а также под влиянием частичного замещения их неформальными институтами, что негативно сказывается на эффективности государственного регулирования и приводит к росту транзакционных издержек. Детальный анализ института бюджетной поддержки свидетельствует о недостаточном уровне его комплементарности с другими институтами, замещении его неформальным институтом «близости к власти», что приводит к региональной асимметрии и ущемлению интересов малого агробизнеса в распределении дотаций и субсидий. Недостаточный для решения системных проблем размер поддержки, непрозрачность бюджетных расходов, слабая их ориентация на технологическую, инновационную модернизацию формируют приоритет экономической стабильности над развитием, создают ловушки инерционного развития. **Результаты.** Вследствие недостаточной эффективности формальных институтов развития аграрного сектора совершенствование продовольственной политики приобретает первостепенную важность. Под возрастающим влиянием неформальных институтов будет формироваться «гибридная» продовольственная политика. В этих условиях траектория развития институциональной среды аграрной экономики – модернизация на базе инклюзивных институтов, что обеспечит модель устойчивого развития и экономическую безопасность аграрного сектора.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, институты, продовольственная политика, экономическая безопасность

Для цитирования: Барышникова Н. А., Киреева Н. А. Продовольственная политика и экономическая безопасность аграрного сектора экономики России: опыт институционального анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 379–390. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-379-390>, EDN: NRFUCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Food policy and economic security of the Russian agricultural sector: Institutional analysis experience

Н. А. Baryshnikova, N. A. Kireeva ✉

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Natalia A. Baryshnikova, nvas_2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6645-8212>

Natalia A. Kireeva, nataalkireeva1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9410-5190>

Abstract. Introduction. The need to adapt agriculture to the conditions of a turbulent external environment requires an increase in the efficiency of state regulation. Solving this problem should be based on rethinking the theoretical and methodological base of the modern food policy effectiveness study from the point of view of institutional analysis. **Theoretical analysis.** An ordered set of formal and informal institutions constitutes the institutional structure of the agro-food complex. Institutional analysis allows us to answer the question of how modern institu-

tions set exactly the framework for the functioning of the agri-food complex that meets the goals and objectives of its economic security. The elements of institutional analysis include a description of the institute's content and its functions, the identification of the institute's evolution patterns and institutional conflicts, the evaluation of the institute's effectiveness. This makes it possible to build the trajectory of the institute's transformation in the context of ensuring the economic security of the agricultural sector. **Empirical analysis.** Modern institutional environment of the agro-industrial complex is characterized by significant deformations under the influence of formal norms and rules, as well as under the influence of their partial replacement by informal institutions, which negatively affects the effectiveness of state regulation and leads to an increase in transaction costs. A detailed analysis of the budget support institute indicates an insufficient level of its complementarity with other institutions, its replacement by an informal institution of "proximity to power", which leads to regional asymmetry and infringement of the small agribusiness interests in the subsidies distribution. Insufficient amount of support, lack of budget expenditures transparency, their being low-oriented on technological, innovative modernization, form the priority of economic stability over development, create traps of inertial development. **Results.** Due to low effectiveness of formal institutions for the development of the agricultural sector, the improvement of food policy is of paramount importance. Under the increasing influence of informal institutions, a "hybrid" food policy will be formed. Under these conditions, the trajectory of the agrarian economy institutional environment development is modernization based on inclusive institutions, which will provide a model of sustainable development and economic security of the agricultural sector.

Keywords: agro-food complex, institutions, food policy, economic security

For citation: Baryshnikova N. A., Kireeva N. A. Food policy and economic security of the Russian agricultural sector: Institutional analysis experience. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 379–390 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-379-390>, EDN: NRFUCS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Аграрный сектор экономики России – стратегически значимая отрасль, устойчивое функционирование которой не только обеспечивает продовольственную безопасность, но и является мультипликатором роста для всей экономики и имеет огромный потенциал для интеграции в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Российское сельское хозяйство обладает внутренними источниками жизнестойкости для того, чтобы противостоять современным угрозам и вызовам. Однако сложные геополитические, макроэкономические, социальные условия, обусловленные санкциями, деформацией мировых продовольственных цепочек создания стоимости, действием валютных, ценовых рисков, трансформируют институциональную среду функционирования аграрного сектора.

В этих условиях первостепенное значение приобретает исследование контуров трансформации продовольственной политики государства с целью создания системы эффективных институтов, обеспечивающих достижение экономической безопасности аграрного сектора. При этом речь идет не только о корректировке уже действующих формальных норм и правил, но и о создании новых комплементарных институтов, характерных для современной институциональной матрицы. Рассматривая экономическую безопасность аграрного сектора с системных позиций, необходимо акцентировать внимание на том, что институты должны дополнять друг друга, обеспечивать согласованность интересов основных акторов (государства, бизнеса, населения). Стратегические цели устойчивого развития

и достижения экономической безопасности достигаются только на основе взаимосвязанных институциональных изменений.

Теоретический анализ

В экономических исследованиях институциональный анализ и институты представляют собой широко распространенные, но все еще малоизученные области познания. Основоположниками неинституционализма были Р. Коуз, Д. Норт, Г. Саймон, Г. Беккер, О. Уильямсон, Э. Остром и другие видные представители экономической науки. В России неинституционализм является относительно молодым течением экономической теории. Первоначально отечественные ученые исходили из уже сформированного базиса новой экономической теории институционализма, однако в дальнейшем их исследования фокусировались на попытках (довольно успешных) объяснить экономическое устройство России, формы и направления его трансформации с позиции неинституционального подхода. Наиболее яркими представителями отечественного институционального анализа являются А. Аузан, Е. Балацкий, В. Вольчик, Р. Капелюшников, С. Кирдина, Р. Нуреев, В. Тамбовцев, А. Олейник, В. Полтерович, О. Сухарев, А. Шаститко, Д. Фролов и многие другие.

Отдельный пласт исследований связан не столько с развитием парадигмы неинституционализма в российской экономической науке, сколько с использованием инструментария институционального анализа для решения конкретных прикладных проблем социально-экономического развития России, изучения различных

подсистем национальной экономики и идущих в них процессов. Однако проблемам институционального анализа агропродовольственной системы России посвящено относительно небольшое число научных публикаций.

Ряд авторов используют институциональный анализ с целью изучения закономерностей системной трансформации аграрного сектора экономики. Так, в монографии Г. Н. Никоновой с позиции институциональной теории дается оценка результатов преобразований на селе, обосновываются методические подходы к разработке региональных программ развития АПК, исследуются вопросы адаптации сельских товаропроизводителей к рынку [1]. В работе Т. П. Максимовой исследуется влияние институтов на трансформационные процессы в аграрной сфере национальной экономики [2]. А. Г. Эфендиев и И. А. Болотина на основе результатов социологических исследований жителей сел Белгородской области предпринимая попытку институционального анализа изменений социальной жизни села [3]. А. С. Молчан и О. Ю. Франциско формализуют институциональную структуру АПК (выделяя в ней институты власти, институты нормы, институты организации, институты контракты и др.) и рассуждают о ее комплексной модернизации [4]. О. И. Боткин с соавт. изучают институциональные аспекты устойчивого функционирования региональной продовольственной системы, делая вывод о необходимости устранения институциональных противоречий и барьеров как на региональном, так и на национальном уровне [5].

Другие ученые концентрируются на институциональном анализе отдельных аспектов функционирования АПК. Так, С. М. Горлов использует институциональный подход с целью решения проблемы хозяйственного самоуправления и государственной поддержки аграрного производства [6], А. С. Елагина изучает институциональные механизмы субсидирования молочного животноводства России [7], А. Н. и Н. И. Герасимовы исследуют институциональные трансформации АПК на региональном уровне [8], Н. Г. Володина с соавт. анализируют неформальные институты инновационной деятельности в АПК [9]. Предметом исследования некоторых ученых является проблема собственности на землю как основной фактор аграрного производства, изучаемая с помощью институционального подхода. Так, Н. И. Шагайда рассматривает оборот сельскохозяйственных земель [10], И. И. Рязанцев анализирует институциональные изменения структуры земельной

собственности в процессе реформирования АПК [11], Е. Ф. Заворотин с соавт. исследуют тенденции и факторы эффективного землепользования в сельском хозяйстве [12].

Тем не менее многие аспекты институционального анализа аграрной сферы пока остаются за пределами исследований. К таким аспектам можно отнести, например, системный анализ институциональной среды и ее трансформации (включая эволюцию институтов), соотношение и взаимное влияние, а также методику оценки эффективности формальных и неформальных институтов и др.

Целью исследования является институциональный анализ агропродовольственного комплекса России и проводимой в его отношении государственной политики в контексте обеспечения экономической безопасности. Объектом исследования выступает АПК России, представляющий собой систему экономических отношений и видов деятельности в сфере производства, распределения, обмена сельскохозяйственного сырья и продовольствия, функционирование которой нацелено на обеспечение продовольственной безопасности государства. Предмет исследования – институциональная среда агропродовольственного комплекса, эффективность институтов.

Методологически исследование основано на следующих предпосылках.

1. В настоящем исследовании эффективность институтов, регламентирующих функционирование АПК, будет рассматриваться, прежде всего, с качественной точки зрения, т. е. с позиции их способности оказывать воздействие на общественные отношения в сфере производства и потребления продовольствия. Для этого будут рассмотрены структура и содержание системы формальных и неформальных институтов, конструкция отдельных норм и стандартов экономического поведения, взаимосвязь институтов в системе, наличие структурных деформаций и институциональных ловушек, а также степень достижения конечной цели функционирования агропродовольственного комплекса.

2. Важным методологическим аспектом институционального анализа агропродовольственной системы, по мнению авторов, является эволюция институтов. Различная степень эффективности институтов обуславливает направление и темпы институциональной трансформации, когда эффективные институты, имеющие минимальные транзакционные издержки, вытесняют неэффективные. При этом скорость институциональной эволюции определяется

целым рядом факторов, одним из которых является наличие институциональных ловушек. По классическому определению В. М. Полтеровича, «институциональная ловушка – это неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер» [13]. В статье авторы стремятся доказать существование институциональных ловушек, деформирующих институциональную среду агропродовольственного комплекса и снижающих эффективность государственной продовольственной политики.

3. Комплексное исследование институциональной среды невозможно без анализа взаимосвязи формальных и неформальных институтов. В анализе мы будем исходить из того, что в аграрном секторе взаимосвязь институтов может проявляться следующими способами [14]: симбиоз (наиболее предпочтителен), при котором формальные и неформальные институты сосуществуют, имеет место синергетический эффект; альтернатива, при которой неформальные институты оказываются более эффективными и заменяют формальные; разделение, проявляющееся в том, что формальные и неформальные институты не пересекаются; коррекция, при которой неформальные институты корректируют формальные, придавая специфику экономическому поведению.

Методами, использованными в настоящем исследовании, являются формально-логический (выявление содержания формальных и неформальных институтов), экспертный (выявление институциональных ловушек), сравнительный (сравнительный анализ институтов), расчетно-статистический (оценка эффективности институтов).

Институциональная среда агропродовольственного комплекса – это совокупность институтов, обеспечивающих благоприятные и непротиворечивые условия осуществления экономической деятельности всех субъектов, входящих в него. Она включает ряд взаимосвязанных формальных и неформальных институтов, регламентирующих различные аспекты функционирования агробизнеса и призванных обеспечить устойчивость и конкурентоспособность агропродовольственного комплекса и эффективность трансакций, осуществляемых в процессе производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания.

Упорядоченный набор формальных и неформальных институтов, формирующих матрицы экономического поведения производителей продовольствия, составляет институциональную

структуру, каркас агропродовольственного комплекса. По уровням можно выделить следующие составляющие институциональной среды АПК в части формальных институтов:

- макроуровень – включает системные экономические, правовые и социальные институты, определяющие сущность экономической системы, порядка и регулирующие общественные отношения в агропродовольственном комплексе на уровне национальной экономики. Набор системных институтов образует институциональную матрицу общества;

- мезоуровень, институты которого регламентируют хозяйственную деятельность на региональном и (или) отраслевом уровне;

- микроуровень – элемент институциональной среды, регламентирующий экономическое поведение организаций агропродовольственного комплекса и их взаимодействие;

- наноуровень – институты, упорядочивающие деятельность конкретных индивидов.

Внешние рамки поведения экономических субъектов агробизнеса задают макро- и мезоинституциональная среда, в то время как микро- и наноуровни охватывают институциональные соглашения, формируемые самими участниками в соответствии с их целями, ограничениями и стандартами поведения. Помимо формальных институтов экономическое поведение субъектов АПК детерминируют и неформальные – традиции, обычаи, морально-ценностные ограничения, стандарты поведения, стереотипы мышления, неписанные правила и обычаи делового оборота и др.

Главным «источником» формальных норм является государство, устанавливающее правовые рамки хозяйственной деятельности субъектов агропродовольственной системы и реализующее экономическую политику, направленную на стимулирование развития данного сектора экономики. В условиях огромного влияния внешних неблагоприятных факторов иногда возникают условия, когда трансформация экономической политики приобретает деформирующий институциональную среду характер. Полагаем, что это обусловлено стремлением государства отразить угрозы и риски в краткосрочном периоде, что часто влечет за собой утрату значимости долгосрочных целей развития. Таким образом, происходят институциональные деформации – изменение формальных норм и правил, а также частичное замещение их неформальными институтами, что снижает эффективность государственного регулирования и приводит к росту трансакционных издержек.

Попытаемся проанализировать, насколько действующие в настоящее время институты задают именно те рамки функционирования аграрной экономики, которые отвечают целям и задачам ее экономической безопасности. В качестве объекта анализа возьмем такой стратегически значимый институт, как институт бюджетной поддержки АПК. Исходя из цели и методологии исследования, комплексный анализ института будет включать следующие элементы:

- 1) содержание, структура института, его функции;
- 2) эволюция института и его взаимосвязь с другими институтами, наличие институциональных конфликтов и ловушек системного или структурного характера;
- 3) эффективность института, т. е. его способность позитивно влиять на достижение конечной цели функционирования АПК;
- 4) предлагаемая траектория трансформации института в контексте обеспечения экономической безопасности аграрного сектора экономики.

Эмпирический анализ

Аграрная экономика России в 2022 г. продемонстрировала положительные темпы роста на фоне спада ВВП и замедления развития ряда других отраслей. По предварительной оценке, темпы роста сельского хозяйства за прошедший год находятся в диапазоне 4–5%, что является наивысшим показателем с 2013 г. Основной фактор положительной динамики – рекордный урожай зерновых и масличных культур. Прошедший год еще раз показал, что устойчивость развития аграрного сектора России непосредственно зависит от природно-климатических факторов.

Высокая степень зависимости от естественных условий влияет на текущую финансово-хозяйственную деятельность производителей продовольствия и их стратегическое поведение, а также обуславливает необходимость участия государства в снижении рисков. Таким образом, институт бюджетной поддержки является формальным институтом, обеспечивающим устойчивое развитие сельскохозяйственного производства как наиболее уязвимой отрасли экономики. Достаточно высокая плотность институциональной среды здесь обусловлена выполняемыми институтом функциями: стимулирующей, направленной на устойчивый рост сельского хозяйства; инновационной, обеспечивающей переход аграрного сектора к новому этапу технологического развития (Agriculture 4.0, 5.0); координирующей, интегрирующей различные этапы цепочки создания добавленной

стоимости; контрольной, направленной на эффективность использования бюджетных средств.

Сегодня институт бюджетной поддержки является комплексным формальным институтом, включающим в себя:

- институты власти (Министерство сельского хозяйства РФ);
- институты-нормы (Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденная постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717);
- институты-организации (Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный центр развития экспорта продукции агропромышленного комплекса Российской Федерации»).

Бюджетная поддержка АПК в России основана на использовании системы инструментов поддержки, осуществляемой в различных формах, начиная от субсидирования сельскохозяйственного производства и заканчивая закупками продовольствия для государственных нужд. Анализируя эволюцию института, следует отметить, что институт бюджетной поддержки за более чем 15-летний период неоднократно подвергался существенному реформированию. Основным механизмом реализации бюджетной поддержки сегодня является Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, предусматривающая два этапа (1-й этап – 2013–2021 гг.; 2-й этап – 2022–2030 гг.). Госпрограмме предшествовала реализация с 2006 г. Национального проекта «Приоритетное развитие АПК», который в 2008 г. был преобразован в программную форму. В дополнение к программе в настоящее время реализуется еще ряд программ: Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации; «Развитие рыбохозяйственного комплекса»; Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы.

С 2018 г. Государственная программа развития сельского хозяйства приобрела проектный формат. В ее проектную часть вошли федеральные и ведомственные проекты («Экспорт продукции АПК», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», «Техническая модернизация агропромышленного комплекса», «Стимулирование инвести-

ционной деятельности в агропромышленном комплексе» и др.). Также предусмотрена процессная часть программы, куда среди прочих вошла программа «Устойчивое развитие сельских территорий».

Институт бюджетной поддержки тесно связан с другими элементами институциональной среды агропродовольственного комплекса. В-первых, следует отметить его связь с базовыми институтами рыночной экономики (институт собственности, институт конкуренции) и с основными институтами экономической политики государства (бюджетно-налоговой, денежно-кредитной, инновационной, социальной, внешнеэкономической, региональной политикой). Во-вторых, налицо взаимосвязь института с неформальными институтами – менталитетом, традициями, неписаными правилами и стандартами поведения людей.

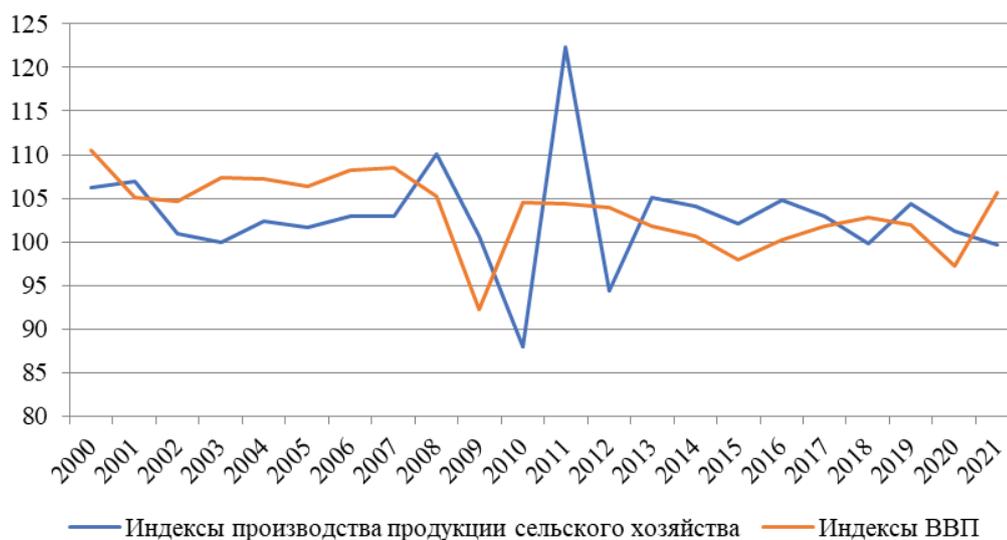
Что касается характера взаимосвязи институтов, то она во многих случаях не является симбиотической. Проиллюстрируем неоднозначность взаимодействия институтов на примере института внешнеэкономической политики государства в отношении АПК, который приобрел особую актуальность в условиях санкционной экономики. В настоящее время экспортоориентированные хозяйства несут огромные потери из-за введенных экспортных пошлин, которые отрицательно сказываются на финансовом состоянии и увеличивают потребность этих хозяйств государственной поддержке. В результате предприятия теряют мотивацию к наращиванию производства, модернизации, теряют инвестиционную привлекательность. По предварительной оценке Союза экспортеров зерна, в сезоне 2022–2023 гг. недопоставки на внешний рынок могут составить 2–3 млн т зерна, а в следующем сезоне есть риск не вывезти до 10 млн т на фоне серьезных опасений банкротства ряда компаний из-за фактической заморозки их операционной деятельности. Многие малые и средние экспортеры, у которых нет достаточного собственного капитала и транспортной инфраструктуры, оказались отрезанными от мирового рынка, что грозит им банкротством. Особо примечательным является то, что в 2023 г. планируется сокращение объемов поддержки льготного кредитования экспортоориентированных предприятий.

Существенна связь формального института бюджетной поддержки и с рядом неформальных институтов, причем действие формальных механизмов частично замещается работой неформальных. Примером может являться институт

недоверия экономических агентов формальным институтам, который может коренным образом трансформировать поведенческие практики. Так, формальный институт бюджетной поддержки часто замещается неформальным институтом «близости к власти», возможностью лоббирования региональных властей в получении бюджетных средств. По мнению С. Ю. Барсуковой, катализатором такого замещения стал национальный проект «Развитие АПК» (2006–2007 гг.), в процессе реализации которого близость к власти стала основным фактором экономических возможностей (крупные кредиты выдавались только при поддержке региональной власти, которая удостоверяла целесообразность проекта для развития экономики региона, а при недостаточности залога выступала гарантом перед банками) [15]. А истоки данного явления следует искать, по нашему мнению, в сохранении отдельных элементов институциональной матрицы СССР, которые, сталкиваясь с «новыми», рыночными институтами, демонстрируют большую эффективность вследствие несовершенства последних. Усугубляет провалы в распределении бюджетных средств и то, что на протяжении вот уже трех десятилетий аграрная политика является производной от политической ситуации [15].

В процессе развития институтов рыночной экономики в России сформировались институциональные ловушки, деформирующие институциональную среду и тормозящие достижение национальных целей в области развития АПК и обеспечения продовольственной безопасности. Наиболее опасной системной институциональной ловушкой является ловушка инерционности. Ее действие в аграрной сфере проявляется следующим образом: при относительно высоких темпах роста производства и достигнутых положительных сдвигах в технологическом развитии сельское хозяйство России отстает от мировых темпов роста производительности труда, не соответствуя критериям инвестиционной и инновационной безопасности.

С одной стороны, аграрная экономика России обладает значительными адаптационными характеристиками и действительно является одним из мультипликаторов роста российской экономики. График (рисунок) иллюстрирует более высокие темпы роста сельского хозяйства по сравнению с динамикой ВВП в периоды спада экономики. Но, с другой стороны, в России сохраняется инерционный, догоняющий подход к развитию аграрной экономики, в результате чего все негативные последствия «колеи» (path

Динамика производства продукции сельского хозяйства и ВВП России в 2000–2021 гг., % [16]
(цвет онлайн)

Figure. Dynamics of agricultural production and Russia's GDP in 2000–2021, % [16] (color online)

dependance, ошибки первоначального институционального выбора) проявляются в полной мере. Ловушка инерционности означает отставание от мировых лидеров в уровне производительности сельскохозяйственного труда и конкурентоспособности отечественного аграрного производства и таит в себе опасность превращения России в сырьевой придаток на мировом продовольственном рынке.

Полагаем, что ловушка инерционного развития формирует такую государственную продовольственную политику, при которой во главу угла поставлены в первую очередь не приоритеты системной модернизации аграрного сектора, а тактическое маневрирование доступными ресурсами поддержки и механизмами управления (например, налогового, внешнеторгового) с целью сохранения статус-кво между группами интересов. Это проявляется и в структуре господдержки: больше финансовых ресурсов направляется, например, на поддержку экспорта, нежели на научно-технологическое развитие АПК [17]. Таким образом, приоритет экономической стабильности над развитием налицо.

На уровне отдельных индивидов (руководителей сельхозпредприятий, работников) имеют большое значение особенности менталитета: консерватизм, стремление планировать от достигнутого уровня, желание решить поступившие проблемы «здесь и сейчас», отсутствие стратегического мышления. Аграрный сектор – очень инерционный сегмент, связанный с особенностями сельской жизни.

Поэтому рыночный механизм хозяйствования все еще сочетается с сохранением отдельных элементов общинного порядка жизни, «советского» менталитета. Трансплантация института фермерства в России не вполне удалась: основными производителями отдельных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия стали не фермерские хозяйства западного типа, а ЛПХ, играющие огромную роль как средство адаптации и способ выживания.

Далее подробно остановимся на различных аспектах эффективности функционирования института бюджетной поддержки.

Используемый сегодня проектный формат реализации функций института бюджетной поддержки в идеале должен представлять собой эффективный механизм управления и решения масштабных задач. Однако на практике он не в полной мере обеспечивает оптимальное распределение бюджетных средств и сбалансированность количественных и качественных целевых и производственно-хозяйственных показателей с имеющимися ресурсами в отраслевом и региональном разрезах [18]. Эффективность поддержки снижает то, что постоянно наблюдается смена институционального сопровождения проектного управления, меняются приоритеты в связи с решением тактических задач, трансформируются механизм и структура финансирования, пересматривается методика распределения субсидий и т.д. Только за прошедшие девять лет (2013–2021 гг.) в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования

рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия 29 раз вносились изменения, меняющие как отдельные приоритеты развития аграрного сектора, так и весь механизм поддержки. С одной стороны, это означает развитие института и обеспечивает его адаптивность, но с другой – затрудняет выработку стратегических решений на отраслевом и региональном уровнях, взаимную увязку приоритетных направлений развития аграрного сектора.

Оценивая эффективность института бюджетной поддержки количественно, следует

отметить, что, безусловно, реализуемая в настоящее время государственная продовольственная политика ориентирована на нейтрализацию, нивелирование современных угроз и рисков. Тем не менее, анализ бюджетной политики позволяет сделать вывод о недостаточной ориентированности федерального бюджета России на развитие сельского хозяйства (таблица). В условиях дефицита государственного бюджета и смены приоритетов в направлении расходования средств высока вероятность снижения финансирования федеральных национальных проектов.

Индикаторы бюджетной поддержки сельского хозяйства России
Table. Indicators of budget support for agriculture in Russia

Индикаторы	Факт				План	
	2016	2018	2020	2022	2023	2024
Бюджетные ассигнования по Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, млрд руб.	218,1	249,5	271,3	285,1	304,7	326,9
Удельный вес в расходах федерального бюджета, %	1,328	1,493	1,189	0,916	1,049	1,111
Доля сельского хозяйства в ВВП, %	4,2	3,7	4,1	3,8	3,9	3,9
Индекс ориентации государственных расходов на сельское хозяйство (АОИ)	0,316	0,403	0,290	0,241	0,269	0,285
Индекс производства продукции сельского хозяйства, % к предыдущему году*	102	101,7	100,5	110,0	100,9	102,6

Примечание. *Индексы производства в 2023–2024 гг. рассчитаны по отношению к уровню 2020 г.

Рассчитано по: Национальные доклады о ходе и результатах реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (<https://mcx.gov.ru/>); Паспорт государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (<https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/25>).

Note. *Production indices in 2023-2024 calculated in relation to 2020.

Calculated according to: National reports on the progress and results of the implementation of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of agricultural products, raw materials and food markets (<https://mcx.gov.ru/>); Passport of the State program (complex program) of the Russian Federation «The State Program for the Development of Agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets» (<https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/25>).

Таким образом, эффективность института бюджетной поддержки можно оценить как недостаточную для решения стратегических задач по развитию аграрного сектора экономики. Полагаем, что увеличение объемов бюджетного финансирования не сможет в краткосрочной перспективе решить такие системные проблемы, как высокая степень зависимости от импорта средств и предметов труда в сельском хозяйстве, недостаточное развитие рыночной инфраструктуры, низкая обеспеченность квалифицированными кадрами, снижение доли сельского населения, низкая производительность аграрного труда.

Также можно утверждать, что эффективность института бюджетной поддержки опре-

деляется не только размером выделяемых бюджетных средств, но и в определенной степени обеспечением уровня доходности, приемлемого для воспроизводственного процесса в аграрном секторе. В качестве факторов, негативно влияющих на эффективность данного института, исследователи выделяют следующие: непрозрачность бюджетных расходов, недостаточная поддержка общих услуг, особенно науки и инноваций, непредсказуемость поддержки, перемещение субсидий, макроэкономические факторы и регионализация поддержки. Подчеркнем, что для экономического роста в сельском хозяйстве важен не столько общий уровень поддержки, сколько то, как именно расходуются средства: на

общие услуги или на поддержку отдельных производителей. Так, в исследовании по панельным данным ряда стран Латинской Америки было показано, что перераспределение 10% бюджета с субсидий на поддержку общих услуг приводит к 5%-ному увеличению добавленной стоимости в сельском хозяйстве [19]. Таким образом, в России институт бюджетной поддержки в его современном виде нацелен скорее на выживаемость аграрного сектора, чем на реализацию инновационной функции, обеспечивающей переход сельского хозяйства на более высокий технологический уклад.

Также нельзя признать достаточным уровень комплементарности института бюджетной поддержки на макро-, мезо-, микроуровнях, что также существенно снижает его эффективность. Это проявляется в региональной асимметрии распределения бюджетных средств, низкой степени увязки вклада того или иного региона в создание валовой добавленной стоимости в сельском хозяйстве и размером выделяемых субсидий. Используемый механизм бюджетной поддержки на федеральном и региональном уровнях приводит к региональной дифференциации уровня субсидирования сельского хозяйства. Одной из причин этого является ничем не ограниченное право субъектов Российской Федерации софинансировать поддержку сельского хозяйства, а также определять конечные условия предоставления субсидий. По мнению академика РАН А. Петрикова, с одной стороны, это позволяет более точно учитывать региональные условия хозяйствования, но с другой – не способствует формированию единого агропродовольственного рынка и единого экономического пространства, тормозит региональную специализацию [20].

Одним из критериев эффективности формального института является его влияние на снижение транзакционных издержек. Полагаем, что институт бюджетной поддержки сельского хозяйства не отвечает этой задаче. Особенно ярко это проявляется в сфере регулирования малого и среднего агробизнеса. По-прежнему ренту от бюджетной поддержки в основном получают крупные производители, агрохолдинги. С одной стороны, это обуславливает интенсивный рост производства, наполнение внутреннего рынка и наращивание экспортного потенциала, но с другой – противоречит институту справедливой конкуренции, при котором все хозяйствующие субъекты должны иметь равные возможности для развития, в том числе в получении бюджетной поддержки.

Это противоречие формирует и соответствующее стратегическое поведение среднего и малого агробизнеса. Так, по данным АККОР, с 2017 по 2020 г. как минимум в 17 субъектах Российской Федерации снизилось количество КФХ, получивших поддержку, а в 2021-м по сравнению с 2020 г. это снижение наблюдалось уже в 30 регионах. В 2019 г. поддержку получили 8,7% фермеров, в 2020 г. – только 8,2%, а в 2021 г. – 11,0%. Такая динамика объясняется тем, что для получения поддержки фермеру необходимо соответствовать большому количеству условий, выполнение которых ведет к значительному увеличению затрат. По оценкам экспертов, есть субъекты Российской Федерации, в которых перечень требований для получения субсидий на гектар доходит до 23 позиций. Многие КФХ не в состоянии выполнить эти требования; кроме того, потенциальная сумма субсидий на 1 га не покрывает высоких издержек. К тому же, как уже было отмечено выше, «правила игры», а именно механизмы предоставления государственной поддержки, часто меняются. В результате фермеры, обладающие небольшой посевной площадью или незначительным поголовьем, даже не пытаются обращаться за субсидиями. По оценке экспертов, их получает только 1 из 10 фермеров, реально ведущих производственную деятельность.

Не в полной мере современный институт бюджетной поддержки отвечает задачам стимулирования аграрного производства. Так, например, достаточно сложным и неэффективным является механизм распределения субсидий на стимулирующие и компенсирующие. По результатам проверки Счетной палатой эффективности использования бюджетных средств, существенные различия между компенсирующей и стимулирующей субсидиями заложены только в механизмах распределения средств между бюджетами субъектов Российской Федерации. При этом искусственность деления, по существу, единой производственной субсидии на компенсирующую и стимулирующую части усложняет условия ее предоставления, но не усиливает стимулирующего воздействия на рост объемов производства [20].

Излишний динамизм механизмов реализации института бюджетной поддержки затрудняет выполнение им контрольной функции. Традиционно используемая методика сравнения плановых и фактических показателей не дает полной картины эффективности использования бюджетных средств. Достаточно острой проблемой является возможность завышения фактических

отчетных данных в регионах для достижения показателей, подтверждающих обоснованность использования федеральных субсидий.

В заключение анализа, рассуждая о возможной траектории трансформации института в контексте обеспечения экономической безопасности аграрного сектора экономики, отметим, что оппортунистическое поведение агентов (чиновников, сельхозпроизводителей) предопределено, если получение федеральной субсидии сопровождается необходимостью определенных обязательств, а невыполнение обязательств предполагает санкции. По мнению Н. И. Шагайда, директора Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС, с которым мы полностью согласны, более продуктивным является доведение системы государственных субсидий до уровня, который бы не требовал ужесточения контроля, увеличения расходов на администрирование использования субсидий и снижал роль субъективных оценок контролирующих использование субсидий лиц.

Полагаем, что в существующей институциональной среде АПК протекционистская продовольственная политика будет дополняться негосударственной стратегией адаптации населения к снижению экономической доступности продуктов питания, т. е. можно предположить, что будет формироваться гибридная стратегия на базе протекционизма и развития продовольственного суверенитета «снизу». О возможности данной стратегии свидетельствует мировой опыт, в соответствии с которым реализация продовольственной политики возможна в виде трех базовых стратегий:

– либеральной с фокусом на свободную торговлю, высокую эффективность глобальных продовольственных цепочек, экономическую рациональность;

– протекционистской, делающей упор на продовольственную независимость как элемент национальной безопасности и жесткий контроль импорта для гарантий противодействия внешним рискам и угрозам;

– крестьянско-кооперативной как стратегии архаичного самообеспечения, выживания семей и продовольственного суверенитета «снизу» на базе малых форм хозяйствования с общественным контролем за справедливым распределением прибыли [21].

При реализации данной стратегии продовольственной безопасности в наполнение ресурсов продовольственного рынка активно включатся малые формы агробизнеса, хозяйства населения. Самообеспечение как стратегия выживания семей не будет пересекаться с государственной

политикой по обеспечению продовольственной безопасности. Государство и народ будут решать свои проблемы изолированно друг от друга [22], а неформальные институты призваны выполнять здесь корректирующую роль, восполняя неэффективность формальных. В то же время такое достаточно архаичное самообеспечение создаст условия для развития теневой экономики, которая в данном случае будет играть амортизирующую роль.

Для преобразования архаичного самообеспечения в товарное производство необходимы соответствующие институциональные структуры – кооперация, контрактация и пр. Иными словами, необходимы инклюзивные, «вовлекающие» институты, создающие возможности для экономической активности широких слоев населения. Очевидно, что сегодня вместо этого Россия уверенно продвигается по пути создания экстрактивных институтов, ориентированных на защиту интересов узкого слоя, извлекающего выгоды из существующей экономической системы [22].

Результаты

Нельзя не отметить, что реализуемая в настоящее время продовольственная политика направлена на всестороннюю поддержку агробизнеса, в том числе малого. Но несмотря на все меры поддержки, потенциал малого агробизнеса реализован не полностью. По-прежнему существенным барьером для него является неравная конкуренция с крупными агрохолдингами в доступе к материально-техническим, финансовым, квалифицированным трудовым ресурсам, продвижению и каналам реализации продукции. Именно для этого сектора характерна асимметричность отношений и информации. Поэтому, действительно, только модернизация институциональной структуры аграрной экономики на базе инклюзивных институтов обеспечит модель устойчивого развития и экономическую безопасность аграрной экономики.

Вследствие недостаточной эффективности формальных институтов развития АПК трансформация продовольственной политики в условиях роста социального напряжения, роста бедности на фоне увеличения продовольственной инфляции и снижения экономической доступности продуктов питания приобретает первостепенную важность. Полагаем, что в этой трансформации значительной будет роль неформальных институтов – менталитета, традиций и стандартов поведения россиян.

Кроме того, относительно невысокая эффективность института бюджетной поддержки во многом определяется недостаточным использованием такого института, как институт оценки

регулирующего воздействия (ОРВ), в частности, при определении приоритетных направлений развития аграрной экономики. В настоящее время научно-исследовательские институты и экспертное сообщество к решению этой задачи не привлекаются. Полагаем, что проектирование институциональной трансформации на основе оценки регулирующего воздействия должно стать неотъемлемой частью экономической политики государства во всех сферах экономики. Этот процесс должен быть тесно связан с прогнозированием экономических, социальных, экологических, правовых и иных последствий изменения институтов, включающим научно-практический анализ позитивных и негативных эффектов развития института, проверку системности и полноты регулирования экономических отношений, оценку выполнения институтом своих основополагающих функций в результате его корректировки, а также прогноз возможных рисков будущей институциональной модели.

Список литературы

1. Никонова Г. Н. Трансформация аграрного сектора экономики: вопросы теории и практики. Екатеринбург : Уральская гос. с/х акад., 2000. 238 с.
2. Максимова Т. П. Противоречивый характер влияния институтов на трансформационные процессы в аграрной сфере национальной экономики // Вопросы экономики и права. 2012. № 50. С. 121–126.
3. Эфендиев А. Г., Болотина И. А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11, № 4. С. 83–125. EDN: MENALY
4. Молчан А. С., Франциско О. Ю. Модернизация институциональной структуры АПК // Экономика устойчивого развития. 2015. № 2 (22). С. 208–214. <https://doi.org/10.18411/elit-034>, EDN: UBNDBG
5. Боткин О. И., Сутыгина А. И., Сутыгин П. Ф. Институциональные аспекты устойчивого функционирования региональной продовольственной системы // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 1 (41). С. 40–50. <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2019.1.40>, EDN: ZDZGEX
6. Горлов С. М. Институциональный подход к решению проблемы хозяйственного самоуправления и государственной поддержки аграрного производства // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 3. С. 224–229. EDN: OCRXZN
7. Елагина А. С. Институциональные механизмы субсидирования молочного животноводства России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8, № 7В. С. 173–182.
8. Герасимов А. Н., Герасимов Н. И. Институциональные трансформации и развитие предпринимательства в АПК Ставропольского края // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 2, ч. 2. С. 65–68. EDN: PVRKGF
9. Володина Н. Г., Акканина Н. В., Макаров И. В. Анализ неформальных институтов инновационной деятельности в АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 12. С. 77–81. EDN: VECLUB
10. Шагайда Н. И. Особенности оборота сельскохозяйственных земель в России: институциональный анализ. М. : Всерос. ин-т аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, 2006. 224 с.
11. Рязанцев И. И. Институциональные изменения структуры земельной собственности в процессе реформирования АПК // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2013. № 1 (36). С. 398–404.
12. Заворотин Е. Ф., Гордополова А. А., Тюрина Н. С. Система факторов эффективного землепользования в сельском хозяйстве // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 9. С. 49–53.
13. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы: доклад на III Международном симпозиуме «Эволюционная экономика и “мэйн-стрим”» (Пушино, 30–31 мая 1998 г.). URL: <http://mathecon.cemi.rssi.ru/> (дата обращения: 17.03.2023).
14. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: Курс лекций. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 354 с.
15. Барсукова С. Ю. Аграрная политика России // ОНС: Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 31–45. EDN: ZFMKVL
16. Российский статистический ежегодник. 2022 : стат. сб. М. : Росстат, 2022. 691 с.
17. Петриков А. В. Новые тенденции в развитии сельского хозяйства и приоритеты аграрной политики в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 275–284. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-275-284>
18. Холодова М. А., Подгорская С. В., Криничная Е. П., Егорова О. В. Реализация программно-целевого подхода в решении ключевых проблем развития сельского хозяйства. Пос. Рассвет : ООО «АзовПринт», 2020. 120 с. <https://doi.org/10.34924/FRARC.2020.18.13.001>, EDN: ROBR CZ
19. Шик О. В., Серова Е. В., Янбых Р. Г. Исследование системы бюджетной поддержки аграрного сектора в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 145–167. EDN: TAUBZO
20. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Агропромышленный комплекс. 2022. № 3 (292). URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-3-2022> (дата обращения: 17.03.2023).
21. Барсукова С. Ю., Дюфи К. Продовольственная безопасность: российский контекст // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 3 (82). С. 71–89. EDN: XQZSHF
22. Аджемоллу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ, 2015. 760 с.

References

1. Nikonova G. N. *Transformatsiya agrarnogo sektora ekonomiki: voprosy teorii i praktiki* [Transformation of the agricultural sector of the economy: Issues of theory and practice]. Ekaterinburg, Ural State Agricultural Academy Publ., 2000. 238 p. (in Russian).
2. Maksimova T. P. The contradictory nature of the influence of institutions on transformational processes in the agrarian sphere of the national economy. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2012, no. 50, pp. 121–126 (in Russian).
3. Jefendiev A. G., Bolotina I. A. Modern Russian village: at the turning point of epochs and reforms. Institutional analysis experience. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2002, vol. 11, no. 4, pp. 83–125 (in Russian). EDN: MENALY
4. Molchan A. S., Francisko O. Y. Modernization of the institutional structure of agriculture. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development], 2015, no. 2 (22), pp. 208–214 (in Russian). <https://doi.org/10.18411/elit-034>, EDN: UBNDBG
5. Botkin O. I., Sutygina A. I., Sutygin P. F. Institutional aspects for the stable functioning of regional food system. *Vestnik of Volga State University of Technology. Series "Economy and Management"*, 2019, no. 1 (41), pp. 40–50 (in Russian). <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2019.1.40>, EDN: ZDZGEX
6. Gorlov S. M. Institutional approach to solving the problem of economic self-government and state support of agricultural production. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus State Technical University], 2011, no. 3, pp. 224–229 (in Russian). EDN: OCRXZN
7. Elagina A. S. Institutional mechanisms of subsidizing dairy cattle breeding in Russia. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2018, vol. 8, iss. 8A, pp. 173–182 (in Russian).
8. Gerasimov A. N., Gerasimov N. I. Institutional transformations and development of entrepreneurship in the agro-industrial complex of the Stavropol Territory. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov State University], 2007, vol. 5, no. 2, pt. 2, pp. 65–68 (in Russian). EDN: PVRKGF
9. Volodina N. G., Akkanina N. V., Makarov I. V. The analysis of informal institutes of innovative activity in agrarian and industrial complex. *Ekonomika sel'skogo khoziaystva Rossii* [Agricultural Economics of Russia], 2015, no. 12, pp. 77–81 (in Russian). EDN: VECLUB
10. Shagayda N. I. *Osobennosti oborota sel'skokhoiaystvennykh zemel' v Rossii: institutsional'nyy analiz* [Features of agricultural land turnover in Russia: Institutional analysis]. Moscow, All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A. A. Nikonova Publ., 2006. 224 p. (in Russian).
11. Ryazantsev I. I. Institutional transformations of the structure of land ownership in the process of reforming of agro-industrial complex. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Vestnik of Voronezh State Agrarian University], 2013, no. 1 (36), pp. 398–404 (in Russian).
12. Zavorotin E. F., Gordopolova A. A., Tjurina N. S. The system of factors of effective land use in agriculture. *Ekonomika sel'skogo khoziaystva Rossii* [Agricultural Economics of Russia], 2017, no. 9, pp. 49–53 (in Russian).
13. Polterovich V. M. *Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reform: doklad na III Mezhdunarodnom simpoziume «Evolyucionnaya ekonomika i "meynstrim"» (Pushchino, 30–31 maya 1998 g.)* (Institutional traps and economic reforms. Report at the III International Symposium "Evolutionary Economics and the Mainstream" (Pushchino, May 30–31, 1998)). Available at: <http://mathecon.cemi.rssi.ru/> (accessed March 17, 2023) (in Russian).
14. Barsukova S. Yu. *Neformal'naya ekonomika: Kurs lektsiy* [Informal economy. Lecture course]. Moscow, Publ. house of State University Higher School of Economics, 2009. 354 p. (in Russian).
15. Barsukova S. Yu. Agricultural policy of Russia. *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2017, no. 5, pp. 31–45 (in Russian). EDN: ZFMKVL
16. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2022* [Russian statistical yearbook. 2022. Statistical collection]. Moscow, Rosstat, 2022. 691 p. (in Russian).
17. Petrikov A. V. New trends in the development of agriculture and priorities of agricultural policy in Russia. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 2021, vol. 230, no. 4, pp. 275–284 (in Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-275-284>
18. Holodova M. A., Podgorskaya S. V., Krinichnaya E. P., Egorova O. V. *Realizatsiya programmno-tselevogo podhoda v reshenii klyuchevykh problem razvitiya sel'skogo khoziaystva* [Implementation of a program-targeted approach to solving key problems of agricultural development]. Vill. Rassvet, AzovPrint, 2020. 120 p. (in Russian). <https://doi.org/10.34924/FRARC.2020.18.13.001>, EDN: ROBRZ
19. Shik O. V., Serova E. V., Yanbykh R. G. Review of the budget support system for the agricultural sector in Russia. *Public Administration Issues*, 2020, no. 2, pp. 145–167 (in Russian). EDN: TAUBZO
20. *Bulleten' Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii. Agropromyshlennyi kompleks* (Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Agro-industrial complex), 2022, no. 3 (292). Available at: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-3-2022> (accessed March 17, 2023) (in Russian).
21. Barsukova S. Yu., Djufi K. Food security: The Russian context. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2016, no. 3 (82), pp. 71–89 (in Russian). EDN: XQZSHF
22. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Publishers, 2012. 571 p. (Russ. ed: Moscow, AST, 2015. 760 p.)

Поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 30.05.2023
The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 30.05.2023

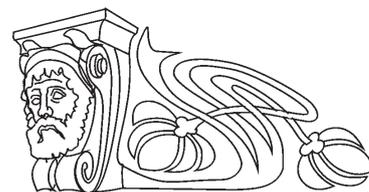

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 391–397
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 391–397
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-391-397>, EDN: NVMMDDQ

Научная статья
УДК 334.4

Синергетические эффекты взаимодействия экономических агентов

Е. В. Порезанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Порезанова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, porezanova.elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5010-1270>

Аннотация. Введение. В экономике все процессы и явления постоянно изменяются и взаимодействуют. Появляются новые связи, взаимозависимости, а также новые взаимодействия. Вследствие изменившейся структуры экономики важно раскрыть виды взаимодействия хозяйствующих субъектов (агентов экономики). Они приводят к возникновению разнообразных синергетических эффектов. Проанализировать эти взаимодействия и возникающие при этом эффекты синергии – цель нашего исследования. **Теоретический анализ.** Можно выделить несколько аспектов категории «взаимодействие»: как характерная черта системы, и как алгоритм действий, и как способ коммуникации, внутреннего единства элементов, а также как элемент движения систем и ее составляющих. В зависимости от разных критериев обозначены разные виды взаимодействия в экономической системе. При этом возникают различные синергетические эффекты: положительные и отрицательные. Интерес представляет анализ преобразования позитивных синергетических эффектов в негативные и наоборот. Обосновывается мысль, что возрастающая турбулентность экономики может превратить некие положительные процессы в отрицательные, следовательно, позитивные эффекты синергии постепенно превратятся в негативные. Возможно и обратное преобразование. **Эмпирический анализ.** Рассмотрены позитивные и негативные синергетические эффекты в пред- и постпандемийный период на основе анализа фактических данных функционирования российской экономики за ряд лет. Показано, что они имеют системный характер. **Результаты.** Доказано, что позитивные синергетические эффекты отражают положительную динамику развития хозяйственной системы, а отрицательные – связаны с негативными процессами в этой системе и, как правило, оказывают разрушающее воздействие на экономику страны. Отражены их взаимовлияние и взаимосвязь. Обосновывается мысль, что существует и действует закон преобразования негативных эффектов синергии в позитивные эффекты и наоборот. **Ключевые слова:** взаимодействие, положительные и отрицательные синергетические эффекты, ресинергизм, десинергизм, квазисинергизм, полисинергетические последствия

Для цитирования: Порезанова Е. В. Синергетические эффекты взаимодействия экономических агентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 391–397. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-391-397>, EDN: NVMMDDQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Synergistic effects of interaction between economic agents

E. V. Porezanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Porezanova, porezanova.elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5010-1270>

Abstract. Introduction. In economics, all processes and phenomena are constantly changing and interacting. There are new connections, interdependencies, as well as new interactions. Due to the changed structure of the economy, it is important to reveal the types of economic entities' interactions (agents of the economy). They lead to a variety of synergistic effects. Analyzing these interactions and the resulting synergetic effects is an important task of the study. This is the relevance of the research topic. **Theoretical analysis.** There are several aspects of the "interaction" category: as a peculiarity of the system, as a process, as a form of communication, and as an element of the systems' movement and its components. Depending on different criteria, different types of interactions in the economic system are indicated. At the same time, various synergistic effects arise, both positive and negative. The analysis of the positive synergistic effects transformation into negative ones, and vice versa, may be of particular interest. The idea is substantiated that the increasing turbulence of the economy can turn some positive processes into negative ones. The reverse transformation is also possible. **Empirical analysis.** The positive and negative synergetic effects in the pre- and post-pandemic period are considered based on the analysis of the actual data of Russian economy functioning over a number of years. It is shown that they are systemic in nature. **Results.** It is proved that positive synergetic effects reflect the positive dynamics of the economic system development, and

negative ones are associated with negative processes in this system and, as a rule, have a destructive effect on the country's economy. Their mutual influence and interrelation is reflected. The idea is substantiated that a new law may appear – the law of the transformation of negative synergetic effects into positive effects and vice versa.

Keywords: interaction, positive and negative synergetic effects, resineratism, desineratism, quasi-syneratism, polysynergetic consequences

For citation: Porezanova E. V. Synergetic effects of interaction between economic agents. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 391–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-391-397>, EDN: NVMMMDQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных условиях постпандемийного развития взаимодействие между агентами экономики претерпевает определенные изменения, связанные с нестандартными реалиями, экономической турбулентностью, трансформацией отношений в мировой экономике, формированием креативных форм хозяйствования и становлением новых, самобытных экономических отношений в этих динамичных условиях. Вследствие изменившейся структуры экономики важно раскрыть виды взаимодействия хозяйствующих субъектов (агентов экономики), приводящие к возникновению разнообразных синергетических эффектов. Поэтому задачами исследования являются: во-первых, рассмотрение взаимодействия как экономической категории; во-вторых, анализ разных видов взаимодействия экономических субъектов (агентов); в-третьих, выявление возникающих синергетических эффектов этих видов взаимодействия. Данные проблемы особенно актуальны в настоящее время – в непростой экономической ситуации в экономике России и турбулентных процессах в мировой экономике.

Теоретический анализ

Взаимодействие связано с понятием «взаимосвязь». Все изменения, совершающиеся экономическими агентами, предполагают симметричные и асимметричные преобразования в самой экономической системе, ее структуре, а самое главное, в отношениях хозяйственных агентов. При этом любое воздействие мультиколлениарно. Взаимосвязь предполагает корреляцию действий агентов экономики, проявляющуюся в их когерентном поведении, т. е. в последовательно согласованном взаимодействии. Логика познания этой категории такова: от взаимосвязи к взаимодействию через взаимоотношения. Следовательно, взаимодействие – это интегрирующий фактор, посредством которого происходит объединение частей в единое целое на основе их взаимных изменений.

Категория «взаимодействие» коррелирует с понятием «синергетика» в силу возникновения в экономической системе креативных

структур, которые пришли на смену старым и постоянно обновляются. А формы и способы взаимодействия этих структур многообразны и многоуровневые [1, с. 7]. Можно отметить, что экономические агенты, взаимодействуя друг с другом, формируют стабильно-динамичные образования, которые, развиваясь в многополярных условиях, имеют свои законы функционирования и когерентности.

Взаимодействие всегда динамично, при этом происходит изменение одной или всех взаимосвязанных сторон процесса. Исследование категории взаимодействия приводит к выводу о том, что оно может выступать как характерная черта системы, и как алгоритм действий, и как способ коммуникации, внутреннего единства элементов, и как элемент движения систем и ее составляющих. При этом комбинация элементов системы не случайна, они зависимы друг от друга, обусловлены, преемственны и коррелируют между собой, имеют фидбэк, т. е. обратную связь. Все это изменяет как вид системы, так и ее части, элементы, структуру системы. Причем такая трансформация системы может быть как эволюционной, так и революционной, т. е. постепенной, последовательной или скачкообразной, кардинально изменяющей систему.

Исходя из разных критериев, можно выделить виды взаимодействия (таблица).

Вместе с тем разные виды взаимодействия экономических агентов могут приводить к возникновению различных по продолжительности, глубине и охвату синергетическим эффектам. Они носят положительный и отрицательный характер и способствуют развитию положительных и отрицательных последствий. Например, созидающие виды взаимодействия будут способствовать возникновению положительных синергетических эффектов. В пандемийный и постпандемийный период развития экономики возникли новые экономические отношения между хозяйствующими субъектами по поводу развития интернет-торговли, которые привели к положительным синергетическим эффектам – предоптимальным, пролонгированным во времени, желательным эффектам.

Виды взаимодействия в экономике
Table. Types of interaction in the economy

Критерии классификации взаимодействия	Виды взаимодействия
С точки зрения силы воздействия	Сильные и слабые
С точки зрения созидания	Созидающие и разрушающие
С точки зрения расстановки сил	Взаимоисключающие, взаимодействующие. Взаимодополняющие, взаимосодействующие
С точки зрения степени устойчивости	Устойчивые и изменяющиеся
С точки зрения направления движения	Прямые и обратные
С точки зрения степени прогрессивности	Прогрессивные и регрессивные
С точки зрения продолжительности	Продолжительные (длительные) и непродолжительные (короткие)
С точки зрения уровня подхода	Одноуровневые и многоуровневые
По видам среды	Открытые (с выходом во внешнюю среду) и закрытые (внутренние)
По пространственно-временному тренду	Повторяющиеся и неповторяющиеся во времени и пространстве

Возможны и другие сочетания. Если рассмотреть слабые, разрушающие виды взаимодействия, то возможно появление негативных эффектов синергии, которые могут быть как длительными, так и короткими. Если взаимодействие носит взаимодополняющий характер, то возникают позитивные, длительные эффекты, а если взаимоисключающий характер – могут появиться негативные, причем как длительные, так и короткие эффекты. Интересно одноуровневое взаимодействие агентов. В системе обязательно происходят изменения, которые могут привести как к позитивным, если это созидающее воздействие, так и к негативным эффектам, если это разрушающие виды взаимодействия. Сложный характер имеет многоуровневое взаимодействие. Оно может носить как созидающий характер, и тогда возникают позитивные эффекты в экономике, так и разрушающий характер с возникновением при этом негативных эффектов. Взаимодействие бывает открытым, повторяющимся. В этом случае возникают как позитивные (если это созидающее взаимодействие), так и негативные эффекты (при разрушающем взаимодействии агентов). Прогрессивные же виды взаимодействия ведут к позитивным эффектам синергии, а регрессивные – к негативным. Однако нестандартные, самобытные, не проявляющиеся ранее эффекты возникают, если прогрессивные виды взаимодействия пролонгированы во времени и может возникнуть асимптотическая устойчивость, т. е. относительно устойчивое положение, когда позитивные эффекты эволюционируют в негативные или нейтральные. В данном случае такие эффекты можно назвать псевдоэволюционными, гиперкоррелирующимися со многими структурами, агентами и элементами хозяй-

ственной системы. Если взаимодействие носит революционный характер, то могут возникнуть пофазные (на каждой фазе развития системы), скачкообразные (если имеют место резкое изменение структуры экономики) или катастрофические эффекты (как позитивного свойства, так и негативного характера).

Положительный синергетический эффект возникает и в случае внедрения инноваций и увеличения инвестирования капитала в экономику, в основные фонды, о чем пишет О. Ю. Челнокова в своем исследовании [2, с. 249]. В этом случае взаимодействие между агентами будет носить созидающий, прогрессивный характер, не только влияющий на внутреннее развитие экономики, но и затрагивающий внешние факторы, т. е. обуславливающий мирохозяйственные процессы. Исходя из этого, синергетический эффект будет проявляться как в развитии российской экономики, так и мультиплицирующем воздействии на мировую экономику. Такой синергетический эффект можно охарактеризовать как позитивный, пролонгированный во времени, полисинергетический эффект.

Вместе с тем в экономике имеют место дезориентирующие во времени и пространстве алгоритмы, появляющиеся в результате возникновения сингулярных процессов. Они способствуют трансформации системы и недоразвитию всех сфер и отраслей экономики, а также появлению отрицательных синергетических эффектов. О структурных диспропорциях, об экономических и институциональных барьерах говорится в статье Н. В. Найденовой [3, с. 135]. Высота барьеров, их многообразие способствуют образованию негативных эффектов синергии, но при определенных условиях возможно фор-

мирование позитивных мультипликационных эффектов. А это свидетельствует о действии закона преобразования негативных эффектов синергии в позитивные воздействия.

Поскольку система динамична, возникает неупорядоченность ее движения, а следовательно, в экономике образуются отрицательные виды взаимодействия агентов, которые при определенных условиях могут превратить негативные процессы в экономической системе в позитивные. Формируется пролонгированный во времени полинаправленный синергизм. Например, при импортозамещении возникает положительный эффект, а недостаточное инновационное развитие экономики приводит к полусинергизму. Здесь наблюдается превращение положительных синергетических эффектов в отрицательные. Подтверждение этому можно увидеть в статье Ю. Р. Туманяна и М. А. Индустриева [4, с. 402].

Современная экономика имеет сложную структуру. Она многоаспектна, многополярна, многоуровневая, практически никогда не находится в состоянии равновесия. Но при этом возможно относительно устойчивое состояние системы, которое называется асимптотической устойчивостью. Например, небольшая инфляция оказывает позитивное влияние на функционирование экономики, ведет к развитию бизнеса и увеличению инвестиций в разные отрасли экономики, а высокая инфляция приводит к неуправляемым флуктуативным процессам и бифуркационным «взрывам», которые приводят к сокращению деловой активности и ухудшению экономического состояния всех агентов экономики, а следовательно, и к снижению экономической безопасности страны. При этом развитие инфляционных процессов обусловлено рядом факторов, которые могут действовать в противоположных

направлениях и чаще всего приводит к диспропорциональному развитию страны, возникновению неустойчивых состояний, уменьшению экономической стабильности. В этом проявляется действие десинергизма, что приводит к накоплению дестабилизирующих состояний в экономике и негативным мультипликативным эффектам.

Эмпирический анализ

В современных условиях, чтобы выявить особенности функционирования экономики, необходимо рассмотреть взаимодействие агентов на разных уровнях: микро-, мезо- и макроуровне. Анализируя современное экономическое положение России, можно выделить как позитивные, так и негативные синергетические эффекты.

Исследуем возникновение эффектов синергии на микроуровне на примере деятельности конкретного предприятия. Это успешное предприятие Саратовской области – ООО «Молочный комбинат Энгельский» (ГК «Белая долина»). Цель предприятия – удовлетворение потребностей населения в молочных продуктах путем выпуска многообразной линейки таких продуктов, достаточно широкой номенклатуры и хорошего качества.

Судя по данным рис. 1, на протяжении 2015–2022 гг. выручка предприятия увеличивалась, несмотря на трудности пандемийного и постпандемийного периодов. Так, в 2015 г. она составляла 1,396 млрд руб., тогда как в 2018 г. – уже 2,337 млрд руб., или в 1,7 раза больше. При этом в пандемийный период этот показатель деятельности компании возростал и в 2020 г. уже составил 3,181 млрд руб., что больше, чем в 2018 г. в 1,4 раза. А в 2022 г. выручка составила – 3,185 млрд руб., увеличившись к уровню 2015 г. в 2,3 раза.

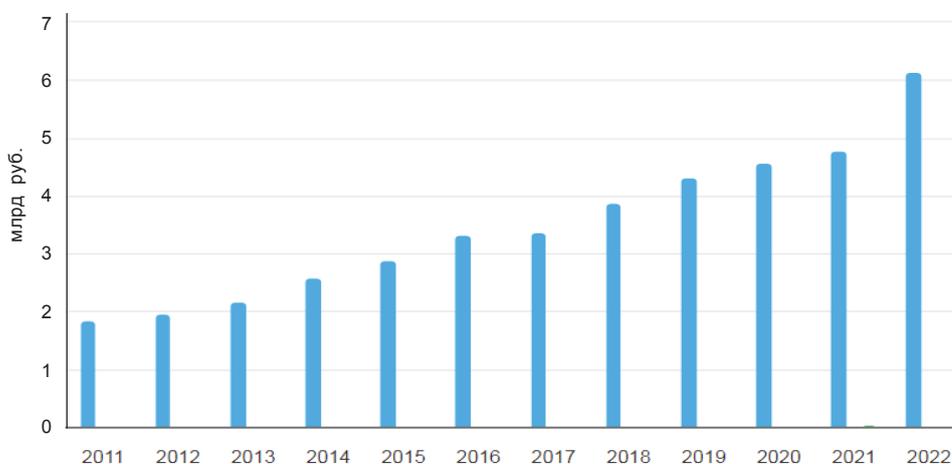

Рис. 1. Выручка предприятия ГК «Белая долина» за 2015–2022 гг. [5]
Fig. 1. Revenue of the Belaya Dolina Group of Companies for 2015–2022 [5]

За 2012–2022 гг. предприятие показало устойчивые темпы роста объемов производства, улучшение финансовых показателей, и можно утверждать, оно финансово устойчивое, конкурентоспособное, перспективное. Представленные данные свидетельствуют, что предприятие работало достаточно стабильно, а следовательно, видно проявление положительного синергетического эффекта. Этот эффект продолжительный, желательный, предоптимальный, поскольку об оптимальном эффекте говорить пока рано. Но у компании есть все шансы его достичь. Основными предложениями по развитию предприятия выступают: расширение ассортимента продукции с помощью отечественных заквасок и дрожжей; активная реклама продукции среди молодежи; создание

перспективных рабочих мест, улучшение продвижения продукции и рост сбыта, что позволит увеличить долю рынка в ближайшие годы.

Если рассматривать возникновение синергетических эффектов на мезоуровне, то следовало бы изучить рынок интернет-торговли в России. Появление позитивных эффектов можно видеть на примере расширения интернет-торговли в последние годы. Так, в 2012 г. количество заказов составляло 114 млн шт., а уже в 2016 г. – 215 млн шт., что больше, чем в 2012 г., в 1,9 раза. В 2021 г. объем рынка розничной интернет-торговли в России составил 4,1 трлн руб. и 1700 млн заказов. За 2021 г. количество онлайн-заказов выросло на 104%, а объем рынка – на 52% [6].

О динамике количества заказов в России за 2012–2022 гг. свидетельствуют данные рис. 2.

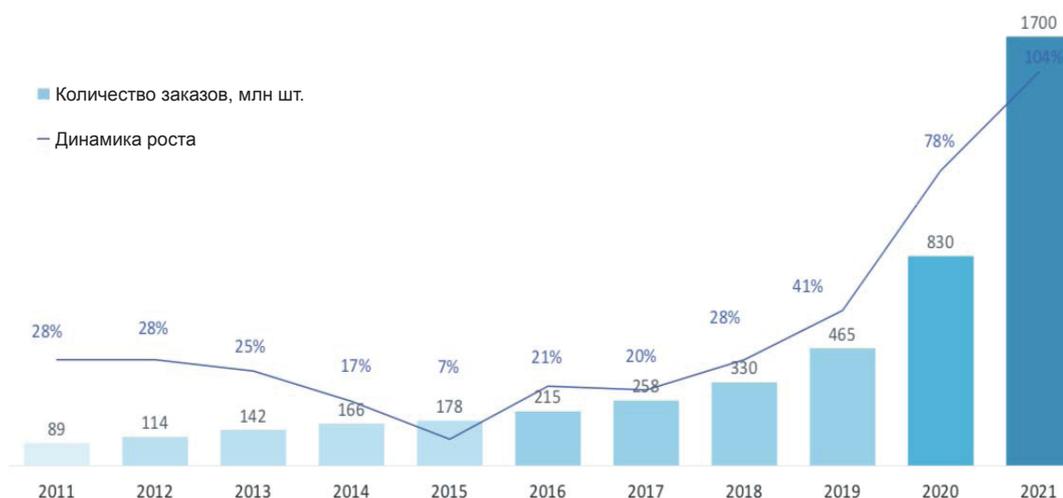

Рис. 2. Динамика количества заказов в России за 2012–2022 гг. [6]

Fig. 2. Dynamics of the number of orders in Russia for 2012–2022 [6]

В 2022 г. количество интернет-заказов выросло в 1,6 раза, а по сравнению с 2020 г. – в 3,4 раза. Особый рост начался в 2019 г. в связи с пандемией. Так, в 2022 г. количество заказов увеличилось по сравнению с 2019 г. в 6,1 раза. Эти данные свидетельствуют о том, что расширение интернет-торговли привело к развитию торговых площадок, росту числа работников-доставщиков и количества арендованных машин и других средств передвижения. В свою очередь, это повлекло за собой рост лизинговых компаний и разнообразие предоставляемых ими услуг, что способствует возникновению положительного синергетического эффекта.

Если говорить о взаимодействии торговых сетей, интернет-магазинов и покупателей, то оно было созидющим и прямым. При этом, с одной стороны, виды взаимодействия постоянно менялись, т. е. были динамичными, но в то

же время наблюдалась устойчивость в виде наметившейся прогрессивной тенденции к росту заказов за 2019–2021 гг.

Если рассматривать макроуровень, то еще один положительный синергетический эффект появляется в циклично-эволюционирующей экономике, в том числе в России в период постпандемийного развития. В этой связи представляет интерес анализ динамики основных показателей хозяйственной деятельности в России за 2016–2022 гг. Если в 2016 г. прирост ВВП составил 3,0% по сравнению с 2015 г., то в 2017 г. произошло увеличение ВВП на 7,3%, а в 2018 г. – на 13,1%. Самое значительное увеличение произошло в 2021 г. – на 25,7%, что связано с постепенным выходом экономики из пандемийного кризиса. В 2020 г. наша экономика столкнулась с негативными последствиями пандемии COVID-19, что привело к снижению ВВП на 1,8% [7].

Взаимодействие экономических агентов в этот период носило разноплановый характер. Оно было одновременно и прогрессивными, и относительно устойчивым, сильным и слабым, учитывая провал в бизнесе за пандемийный период, а также одноуровневым и многоуровневым, повторяющимся (с положительной динамикой) и неповторяющимся (с частично отрицательной динамикой), при этом динамичным, но, учитывая анагенез пандемийного периода, достаточно статичным с небольшим регрессионным изменением.

В экономике имеют место не только положительные, но и отрицательные эффекты синергии. При этом возможно возникновение ресинергизма, т. е. отрицательного синергизма, имеющего мультисинергетические последствия. В Российской Федерации значительную долю от ВВП составляют теневые процессы. Если в 2018 г. теневые процессы в совокупно-

сти составляли 20,7 трлн руб. (20,0% от ВВП), в 2019 г. были на уровне 18,0% в ВВП, в 2020 г. произошло снижение доли теневой экономики до 17,0% в ВВП, то в 2021 г. имело место увеличение этой доли до 18,5% ВВП. Хотелось бы, чтобы в 2022–2023 гг. эта доля снизилась до 10,0–10,5% от ВВП России [8].

Негативные синергетические эффекты могут возникнуть в результате ухудшения экономической ситуации. Так, в период пандемии объем ВВП в России снизился почти на 3,0%, а бюрократически-коррупционная составляющая тоже негативна. Например, в 2019 г. индекс коррупции в России составлял 28 инд. п., в 2020 г. повысился до 30 инд. п., в 2021-м он снизился до 29 инд. п., а в 2022-м составил 28 инд. п. из 100 возможных. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне коррупции в стране. Так, Россия занимала в 2022 г. 137-е место из 180 стран мира [9] (рис. 3).

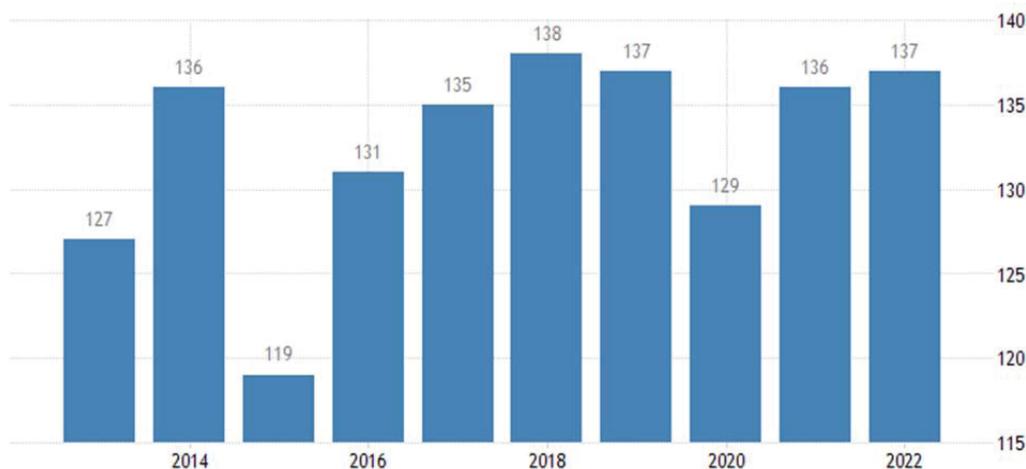

Рис. 3. Место России в индексе коррупции за 2014–2022 гг. [9]

Fig. 3. Russia's place in the corruption Index for 2014–2022 [9]

Как следует из данных рис. 3, в 2014 г. Россия занимала 136-е место из 180 государств, в 2018 г. – 138-е место, а в 2022 г. была на 137-м месте. Только в 2015 г. Россия была на 119-м месте и в 2020 г. – на 129-м месте. Эти данные свидетельствуют о значительном уровне коррупции в России. Возникающий при этом негативный синергетический эффект выражается в ухудшении состояния экономики, трудностях при установлении связей между хозяйствующими субъектами, а также при взаимодействии предприятий и государственных структур в виде высоких административных барьеров, взяточничестве и других нарушениях законодательства.

Системный подход к решению этих проблем состоит в том, что необходимы усиление зоны ответственности государства за теневыми и коррупционными процессами, модернизация экономической системы в области инновационного развития, поддержка фирм-газелей, дающих быструю отдачу и значительный прирост объемов производства и выручки. Следует развивать оптимальные механизмы кредитования предприятий, особенно работающих в высокотехнологичных отраслях нашей экономики. Это будет способствовать поступательному движению экономики, что приведет к новым видам взаимодействия экономических агентов, а следовательно, и к появлению разнообразных позитивных синергетических эффектов.

Результаты

Как показало исследование, в современных условиях развития экономики России возможно возникновение как позитивных, так и негативных эффектов синергии. Эти эффекты были раскрыты на разных уровнях хозяйствования: микро-, мезо- и макроуровне. В хозяйственной системе все взаимосвязано, поэтому взаимодействие экономических агентов взаимообусловлено и взаимодополняет друг друга. Это взаимодействие носит разнообразный характер: при положительных качественных скачках экономики имеют место созидающие и прогрессивные виды взаимодействия, а при отрицательных воздействиях возникают бифуркационно-турбулентные виды, носящие негативно-повторяющиеся отношения между агентами экономики, приводящие к взаиморазрушающим связям и недоразвитию хозяйственной системы.

Можно утверждать, что разноплановое и многоуровневое взаимодействие экономических агентов может формировать как позитивные, так и негативные эффекты синергии, которые под влиянием разных факторов способны преобразовываться: положительные синергетические эффекты в отрицательные, а возможные также обратные превращения. Поскольку это непрерывный процесс, то можно предположить, что существует и действует закон преобразования негативных синергетических эффектов в позитивные эффекты и наоборот. Поэтому важно исследовать как процесс формирования, так и процесс действия этих законов синергетики на повышение стабильности экономики страны и уменьшение турбулентных процессов. А это задача дальнейших исследований в области развития синергетики как междисциплинарной науки и познания ее законов.

Список литературы

1. Порезанова Е. В. Взаимодействие стабильных и динамичных структур экономики России. Саратов : Научная книга, 2009. 93 с.
2. Челнокова О. Ю. Специфика концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий в российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 246–252. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-246-252>, EDN: BJJLIA
3. Найденова Н. В. Неопротекционизм – необходимое условие технологического развития современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 126–136. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-126-136>
4. Туманян Ю. Р., Индустриев М. А. Импортзамещение как фактор инновационного развития экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 396–405. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>, EDN: LFNUSZ
5. Молочный комбинат Энгельсский ГК «Белая долина». URL: <https://dairynews.today/company/russia/pfo/sarovskaya-oblast/molochnyy-kombinat-engelsskiy-oao/> (дата обращения: 19.06.2023).
6. Интернет-торговля в России 2021. URL: <https://datainght.ru> (дата обращения: 16.06.2023).
7. Захаров В. А. Динамика макроэкономических показателей в России // Бизнес и общество. 2023. № 2 (38). EDN: ERZTKW
8. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.06.2023).
9. Индекс коррупции в России 2023. URL: <https://take-profit.org/statistics> (дата обращения: 18.06.2023).

References

1. Porezanova E. V. *Vzaimodeystvie stabil'nykh i dinamichnykh struktur ekonomiki Rossii* [Interaction of Stable and Dynamic Structures of the Russian Economy]. Saratov, Nauchnaia kniga, 2009. 93 p. (in Russian).
2. Chelnokova O. Yu. The specifics of the concentration of investment processes in the field of ICT-technologies in the Russian economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 246–252 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-246-252>, EDN: BJJLIA
3. Naidenova N. V. Neoprotectionism as a necessary condition for the technological development of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 126–136 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-126-136>
4. Tumanyan Yu. R., Industriev M. A. Import substitution as a factor of Russian economy innovative development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 396–405 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>, EDN: LFNUSZ
5. *Molochnyy kombinat Engel'sskiy GK «Belaya dolina»* (Engels dairy plant GC “Belaya Dolina”). Available at: <https://dairynews.today/company/russia/pfo/sarovskaya-oblast/molochnyy-kombinat-engelsskiy-oao/> (accessed June 19, 2023) (in Russian).
6. *Internet-torgovlya v Rossii 2021* (E-commerce in Russia 2021). Available at: https://datainght.ru/eCommerce_2021 (accessed June 16, 2023) (in Russian).
7. Zakharov V. A. Dynamics of macroeconomic indicators in Russia. *Business and Society*, 2023, no. 2 (38). EDN: ERZTKW
8. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed June 17, 2023) (in Russian).
9. *Indeks korruptsii v Rossii 2023* (Corruption Index in Russia 2023). Available at: <http://take-profit.org/statistics> (accessed June 18, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 20.08.2023
The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 20.08.2023

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 398–410

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 398–410

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-398-410>

EDN: TTHDEV

Научная статья
УДК 332.133

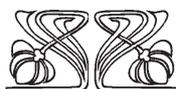
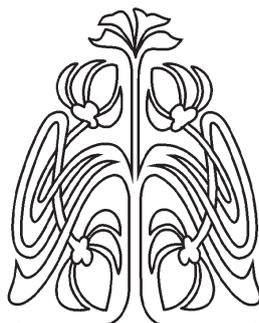
Региональная и отраслевая экономика технологического суверенитета России

О. Н. Наумова, Н. А. Николаева

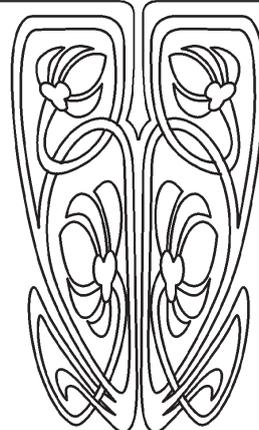
Поволжский государственный университет сервиса, Россия, Самарская область, 445017, г. Тольятти, ул. Гагарина, д. 4

Наумова Ольга Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и бизнеса, onnaumova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8397-0998>

Николаева Надежда Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и бизнеса, nikolaevanadezhda87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4718-1227>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Введение. Современное состояние развития экономики обусловлено длительным периодом становления пространственной инфраструктуры, являющейся основой для формирования актуальной концепции государственной политики по ее приоритетным направлениям. Социально-экономическая стратегия Российской Федерации в настоящее время в силу объективных причин связана с реализацией программы импортозамещения. В актуальной повестке обозначен вопрос о создании концепции формирования технологического суверенитета как основного драйвера развития региональной, отраслевой экономики и экономики страны в целом. **Теоретический анализ.** Введенные против России беспрецедентные экономические санкции были направлены на ослабление роли России в мировом пространстве. Ответной реакцией стало объявление незамедлительного курса государственной политики, направленной на интенсификацию технического и технологического развития страны. За период с 2005 г. Российская Федерация сформировала не только механизмы импортозамещения, но и создала собственную инновационную инфраструктуру для реализации стратегии пространственного экономического развития. **Эмпирический анализ.** Исследование в области формирования концепции технологического суверенитета позволило сформулировать ряд глобальных проблем и вызовов, подлежащих решению. Основой концептуального представления послужили сформулированные Президентом России стратегические направления научно-технического развития на период до 2030 г. Ревитализация отечественной системы является отправной точкой наращивания внутреннего потенциала и установления крепких внешнеэкономических связей. **Результаты.** Рассмотрев существующие формы и механизмы формирования экономического пространства, стало возможным определить основные площадки, на базе которых будут реализовываться приоритетные стратегические направления развития. Ключевые задачи в достижении технологического суверенитета сводятся к изменению системы подготовки кадров, формированию технологического и научного потенциалов, созданию экосистемы, взаимодействию различных представителей, реализации кластерного подхода в промышленности и созданию инвестиционной привлекательности в регионах. В качестве регулирующего механизма достижения технологического суверенитета предложено формирование подходов к определению понятия «техноэкономика» как нового сектора в экономическом пространстве по достижению фундаментальной устойчивости экономики России.

Ключевые слова: технологический суверенитет, приоритеты развития, экономическое пространство, регион, потенциал

Для цитирования: Наумова О. Н., Николаева Н. А. Региональная и отраслевая экономика технологического суверенитета России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 398–410. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-398-410>, EDN: TTHDEV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Regional and sectoral economy of technological sovereignty of Russia

O. N. Naumova, N. A. Nikolaeva ✉

Volga State University of Service, 4 Gagarin St., Togliatti 445017, Samara region, Russia

Olga N. Naumova, onnaumova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8397-0998>

Nadezhda A. Nikolaeva, nikolaevanadezhda87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4718-1227>

Abstract. Introduction. The current state of economic development is due to a long period of spatial infrastructure formation, which is the basis for the formation of a state policy actual concept in its priority areas. The socio-economic strategy of the Russian Federation is currently, for objective reasons, associated with the implementation of the import substitution program. The issue of creating a concept for the formation of technological sovereignty as the main driver of the development of the regional, sectoral economy and the economy of the country as a whole is outlined in the current agenda. **Theoretical analysis.** The unprecedented economic sanctions imposed against Russia were aimed at weakening Russia's role on a global scale. The response was the announcement of an immediate course of state policy aimed at intensifying the technical and technological development of the country. Since 2005, the Russian Federation has formed not only import substitution mechanisms, but also created its own innovative infrastructure for the implementation of the spatial economic development strategy. **Empirical analysis.** Research in the field of the technological sovereignty concept formation has allowed us to formulate a number of global problems and challenges to be solved. The basis of the conceptual presentation were the strategic directions of scientific and technological development formulated by the President of Russia for the period up to 2030. The revitalization of the domestic system is the starting point for building internal potential and establishing stable foreign economic relations. **Results.** Having considered the existing forms and mechanisms of economic space formation, it became possible to identify the main sites on the basis of which priority strategic directions of development will be implemented. The key tasks in achieving technological sovereignty are to change the system of personnel training, the formation of technological and scientific potentials, the creation of an ecosystem of interaction of various representatives, the implementation of a cluster approach in industry and the creation of investment attractiveness in the regions. As a regulatory mechanism for achieving technological sovereignty, the formation of approaches to the definition of the concept of "technoeconomics" as a new sector in the economic space to achieve the fundamental stability of the Russian economy is proposed.

Keywords: technological sovereignty, development priorities, economic space, region, potential

For citation: Naumova O. N., Nikolaeva N. A. Regional and sectoral economy of technological sovereignty of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 398–410 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-398-410>, EDN: TTHDEV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросы технологического развития страны в контексте «промышленной революции», научно-технического прогресса, научно-технической политики государства всегда были приоритетным направлением внутренней и внешней политики. Инновации как результат разработки и внедрения научного проекта, обеспечивающего достижение экономической или социальной эффективности в реализации какого-либо процесса, стали целевым ориентиром, характеризующим уровень развития хозяйствующих субъектов, региональной и отраслевой экономики, экономики страны в целом.

Однако выбор направлений стратегического развития управляемого объекта зависит не только от необходимости улучшения характеристик внутренней среды и экономических результатов хозяйственной деятельности, но и от изменяю-

щихся факторов внешней среды, оказывающих концептуальное воздействие на выбор приоритетов, востребованных государством.

Теоретический анализ

В условиях изменения внешней политики на мировой арене в середине первого десятилетия XXI в. экономика России столкнулась с экономическими санкциями, объявленными странами Европы и США, в нарушение многих ранее достигнутых внешнеэкономических соглашений о сотрудничестве и совместной деятельности, что потребовало кардинального и резкого пересмотра политических взглядов России. Экономические санкции привели к нарушению отлаженных цепей поставок сырья, материалов, комплектующих изделий, потребительских продуктов, нарушился внешнеэкономический баланс между импортом и экспортом во всех сферах жизнедеятельности

общества, реализуемых во внешнеэкономической деятельности. Явления, начинающиеся проявляться и прогнозируемые к проявлению в результатах экономической деятельности России, незамедлительно потребовали объявить курс в государственной политике страны на импортозамещение, способное не только компенсировать потери от нарушения ранее достигнутых соглашений во внешнеэкономической деятельности страны, но и стать новым драйвером в интенсивном развитии всех отраслей и сфер отечественной экономики, включая развитие территорий.

Внутренняя политика России, связанная с интенсивным формированием механизмов импортозамещения в экономике страны, начала реализовываться с 2014 г., в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”» [1], в котором главное направление экономического и технологического развития связывается с формированием и созданием механизмов эффективного функционирования промышленных кластеров.

Выбор приоритетного сценария в развитии отечественной экономики был утвержден Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [2], в котором вопрос оценки состояния и перспектив развития отечественной науки и технологий выходит на уровень формирования и усиления позиций государственной безопасности, максимальной экономической независимости от воздействия факторов внешней среды. Путь взаимодействия научно-технических решений через их импорт признается неэффективным, ведущим к стагнации или даже в ряде случаев к потере экономической независимости России. Сценарий формирования национальной инновационной научно-технологической системы, способной занять лидерские позиции в мировой экономике, выбран в качестве приоритета во внешней и внутренней экономической политике России.

Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [3] определяется новая концептуальная линия – развитие центров экономического роста территорий за счет трансформации пространственной организации экономики России в виде создания на базе промышленных кластеров промышленных технопарков для производства импортозамещающей продукции.

Так постепенно понятие «импортозамещение» трансформируется в понятие «технологический суверенитет», не изменяя своей сущности в узком смысле и усиливая свое предназначение в глобальном масштабе.

Несмотря на то, что целевым ориентиром в развитии науки и технологий всегда было, есть и будет достижение конкурентных преимуществ управляемого объекта, официально термин «технологический суверенитет экономики России» появился в ходе проведения Петербургского международного экономического форума-2022, в котором приняли участие ведущие эксперты и ученые из 130 стран мира, рассматривая глобальные экономические проблемы современности. Выступая на форуме, Президент Российской Федерации В. В. Путин в качестве сквозного принципа развития экономики России на ближайшие 10 лет определил «достижение настоящего технологического суверенитета, независимо от иностранных институтов», создание собственных конкурентных технологий и сервисов, которые «способны стать новыми мировыми стандартами» [4].

Таким образом, технологический суверенитет становится основным фактором, определяющим фундаментальную устойчивость экономики России.

Эмпирический анализ

Стратегические направления в формировании технологического суверенитета России аргументированы с позиций необходимости решения глобальных проблем и вызовов в развитии общества, связанных:

– с невозможностью до бесконечности экстенсивного использования природных ресурсов без их воспроизводства и/или рационального использования за счет применения более рациональных и бережливых технологий изменения содержания и характера формирования энергетических систем, сохранения, передачи и использования различных видов энергии на основе цифровых технологий, роботизированных систем, использования новых материалов, технологий искусственного интеллекта и др.;

– с изменением образа и условий жизни людей, в том числе за счет эволюционных изменений в экологии, микробиологии, требующих новых технологий в борьбе с различными заболеваниями, пандемиями и защитой окружающей среды от воздействия неблагоприятных факторов техногенного характера, в том числе возникающих как результат химического или биологического воздействия, представляющих угрозу жизни населения;

– с изменением уровня национальной безопасности с позиций военной угрозы, требующей формирования превосходства в военно-оборонном суверенитете страны, способного повысить уровень национальной безопасности страны;

– с изменением уровня приверженности населения к национальной культуре и через «культурный код России» повышения уровня патриотизма населения, что требует выработки и реализации технологий «противодействия социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства» [2] за счет содействия со стороны государства в развитии социальных институтов на базе дальнейшего развития гуманитарных и социальных наук;

– с комплексным удовлетворением потребительского спроса населения страны в целом и регионов в отдельности за счет интенсивного развития отраслей отечественной обрабатывающей промышленности, включая агропромышленный комплекс, промышленность, строительство и другие отрасли национальной экономики, а также непромышленной сферы, включая сферу услуг, сферу креативных индустрий, образование, торговлю и другие отрасли, реализуя принцип связности территорий за счет инноваций в транспортно-логистических и телекоммуникационных системах и технологиях.

Формируя стратегические направления научно-технологического развития России на ближайшие 10–15 лет до 2030 г., Президент России определил «новую роль науки и технологий как основополагающих элементов решения многих национальных и глобальных проблем, обеспечения возможности прогнозировать происходящие в мире изменения, учитывать внутренние тенденции, ожидания и потребности российского общества, своевременно распознавать новые большие вызовы и эффективно отвечать на них» [2], переводя ее в статус национальной технологической инициативы, лежащей в основе достижения технологического суверенитета экономики России.

Среди ключевых задач, призванных достичь технологического суверенитета, В. В. Путин обозначил следующие [5]:

- развитие сквозных цифровых технологий;
- цифровая трансформация всех отраслей экономики;
- доступность финансовых ресурсов для развития высокотехнологического производства;
- подготовка инженеров и IT-специалистов, начиная со среднего основного и среднего обще-

го образования, при создании современной материально-технической базы в университетах, способной обеспечить высокое качество подготовки специалистов.

Вырабатывая государственную политику и меры по решению проблемы формирования технологического суверенитета России, усиливая значимость уровня технологического суверенитета в экономике страны, формируя механизмы государственной поддержки интенсивного пути в развитии отечественной науки и инноваций, Координационный центр Правительства РФ 11 апреля 2023 г. провел стратегическую сессию с целью определения мер по повышению экономической и технологической устойчивости России [6]. Премьер-министр М. Мишустин поставил перед правительством задачу разработки концепции технологического развития страны на период до 2030 г., предусмотрев в ней:

– недопущение массового дефицита технологического оборудования, материалов и комплектующих изделий в работе промышленности;

– интенсификацию в развитии отечественных технологий, инженерных решений, применяемых в производстве критически значимой продукции для экономики России;

– формирование, наращивание и использование потенциала собственных компетенций и всех видов ресурсов, включая материальные, трудовые, стоимостные, организационные и информационные ресурсы, тем самым усиливая научный, кадровый и производственный потенциал страны;

– увеличение занятости населения, используя сформированный и формируемый потенциал компетенций, за счет увеличения количества рабочих мест в высокотехнологичных производствах ключевых отраслей экономики, а также в сфере искусственного интеллекта, машинного обучения, робототехники, беспилотных систем и других инновационных направлениях.

По результатам работы Координационного совета принято Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям,

уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» [7]. В данном документе определены 13 приоритетных направлений формирования экономики технологического суверенитета: авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, специализированное машиностроение, станкоинструментальная промышленность, судостроение, фармацевтика, химическая промышленность, электроника и энергетика.

При осмыслении концепции и путей реализации сценария достижения технологического суверенитета в экономике России становится очевидной объективная актуальность ревитализации отечественной системы инженерного образования, заточенной на усиление потенциала собственных компетенций в области научных разработок и инноваций, основанного на возрождении и развитии национальных традиций в инженерной подготовке кадров. Президент России В. В. Путин в своем обращении к Федеральному собранию в феврале 2023 г. четко обозначил на ближайшую перспективу решение задачи создания условий и мер государственной поддержки подготовки квалифицированных инженерных кадров для обеспечения технологического суверенитета страны при активном вовлечении бизнеса и региональных органов власти в процесс реиндустриализации экономики территорий.

Повышение инвестиционной привлекательности территорий как глобальная проблема, обозначенная в развитии региональной экономики, становится приоритетным направлением в социально-экономической стратегии регионов с целью достижения технологического суверенитета посредством создания организационных и экономических условий для подготовки инженерных кадров, формирования целостной экосистемы для реализации производственного потенциала территории путем обеспеченности занятости подготовленных по запросу региона квалифицированных кадров в производственных кластерах, производственных технопарках, создаваемых особых экономических зонах. Ревитализация инженерного образования в области сквозных технологий, которые оказывают влияние на развитие всех отраслей и сфер жизнедеятельности общества, должна стать новой концептуальной линией в экономике знаний системы развития профессионального образования.

Говоря о формировании целостной экосистемы решения проблемы достижения технологического суверенитета в экономике России, следует отметить в качестве уже реализуемой меры государственной поддержки федеральный проект «Передовые инженерные школы» в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [8], нацеленный на создание условий в подготовке специалистов для отраслей и секторов экономики, ориентированных на усиление экспортных позиций России на внешнем рынке. Экономическая эффективность развития передовых инженерных школ в России на государственном и региональном уровнях связана с оценкой степени удовлетворения потребности высокотехнологичных отечественных компаний в подготовке профессиональных кадров, степени практической подготовки и стажировки на реальных объектах, являющихся местом будущего трудоустройства выпускников, доли вовлечения ведущих специалистов из числа промышленных партнеров-заказчиков подготовки кадров в дуальном образовательном процессе. Чем выше будут значения достигнутых показателей, тем выше экономическая эффективность ревитализации инженерной подготовки как фактора достижения технологического суверенитета в экономике России.

В качестве меры государственной поддержки развития инновационной технологической инициативы широко используется предоставление субсидий и грантов за счет средств федерального, регионального, муниципального бюджетов, а также средств хозяйствующих субъектов, выдаваемых по результатам конкурсных процедур на проведение акселерационных программ, разработку стартап-проектов, проведение научных исследований и научных разработок в рамках развития технологического предпринимательства, что в настоящее время является мотивационным фактором для участия в инновационном процессе формирования технологического суверенитета России с целью достижения следующих показателей:

– обеспечить к 2024 г. вовлечение студентов и сотрудников организаций высшего образования в технологическое предпринимательство в количестве не менее 435 тыс. чел.;

– обеспечить к 2024 г. создание стартапов в количестве не менее 8,8 тыс. проектов с объемом инвестиций в них на сумму не менее 9,9 млрд руб.;

– обеспечить подготовку квалифицированных кадров с профессиональным образованием,

соответствующим направлениям развития технологического суверенитета России, к 2030 г. в количестве не менее 30 тыс. чел.

Основными организационными формами или платформами, реализуемыми в процессе интенсивной подготовки и переподготовки профессиональных кадров для создания системы технологического суверенитета России, определены: подготовка, повышение квалификации и переподготовка специалистов по направлениям, специальностям, программам дополнительного профессионального образования, соответствующим концепции формирования технологического суверенитета; массовые тренинги; проведение конкурсных процедур и выделение грантов студентам; открытие и обеспечение функционирования стартап-студий; предоставление займов инвесторам проектов; реализация финансовой

системы возмещений затрат на создание проекта; акселерационные программы; создание открытых площадок – «точки кипения» для вовлечения заинтересованных сторон в развитие технологического предпринимательства в России; предоставление стартап-отпуска и отсрочки от призыва участникам процесса.

Рассматривая организационные формы и механизмы, способные активизировать инженерную подготовку кадров, проектную деятельность и привлечь, а даже, вернее сказать, вовлечь заинтересованные стороны в реализацию формируемой концепции технологического суверенитета России, важно определить основные площадки, на базе которых должны быть реализованы мероприятия, связанные с достижением стратегических целей, обозначенные в качестве приоритетных (рис. 1).

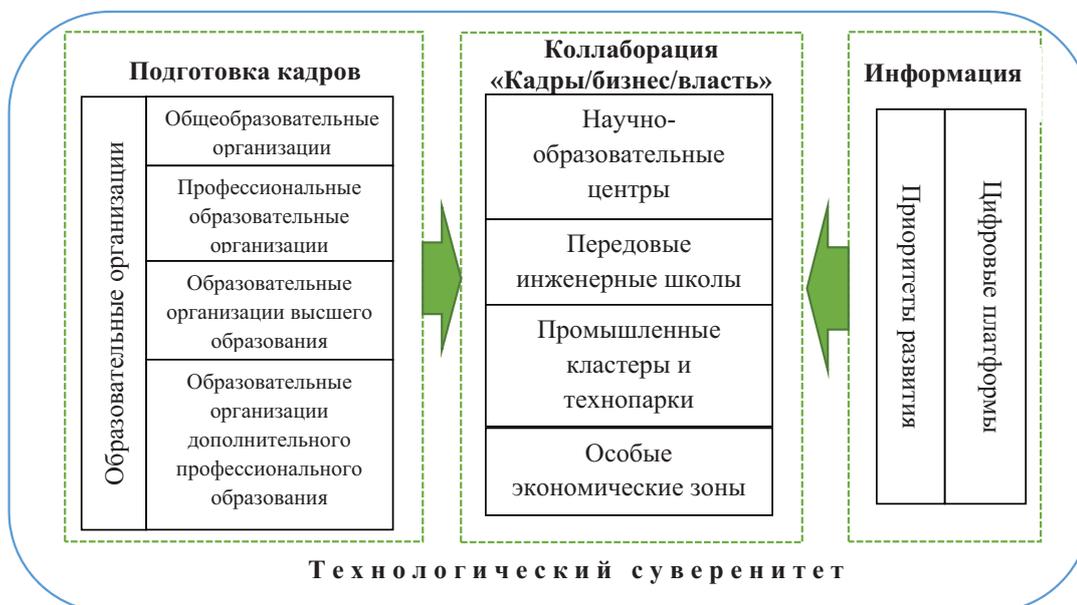

Рис. 1. Основные элементы структуры, участвующей в реализации концепции технологического суверенитета России

Fig. 1. The main elements of the structure involved in the implementation of the concept of technological sovereignty of Russia

Таким образом, согласно формируемой концепции по обеспечению технологического суверенитета России следует выделить ключевые структуры, обеспечивающие реализацию приоритетных направлений в развитии.

Первое – университеты, обеспечивающие подготовку, повышение квалификации и переподготовку кадров по соответствующим образовательным программам, актуальным для формирования кадрового потенциала технологического суверенитета.

При этом, важной составной частью, определяющей научный потенциал и возможности для его развития, является показатель численности населения, занятого исследованиями и разработками, лежащими в основе технологического суверенитета России. Представленные показатели численности занятого населения исследованиями и разработками в России за период 2010–2021 гг., в том числе в разрезе федеральных округов (рис. 2), позволяют определить основные тренды в изменении кадрового потенциала научной сферы:

1) численность исследователей имеет тенденцию к снижению. Так, за анализируемый период она снизилась на 7,8% в целом по Российской Федерации, тенденция снижения данного показателя отмечена в Центральном, Северо-Западном, Сибирском федеральных округах;

2) в Южном, Северо-Кавказском, Приволжском, Уральском, Дальневосточном федеральных округах наблюдается стагнация данного показателя;

3) период 2010–2015 гг. был связан с ростом численности занятых исследованиями и разработками, темп роста показателя по России достиг 102,85%. Однако последующий период, 2016–2021 гг., характеризуется снижением численности занятого населения в научной сфере на 8,16%, что, несомненно, обострило проблему воспроизводства и усиления научного кадрового потенциала в реализации концепции формирования технологического суверенитета России на ближайшие 8–10 лет.

Рис. 2. Ретроспективные тренды изменения численности населения, занятого исследованиями и разработками, чел. (цвет онлайн)

Fig. 2. Retrospective trends of changes in the number of people engaged in research and development, people (color online)

Второе направление связано с формированием экосистемы, представляющей собой коллаборацию университетов, бизнеса, государственных компаний и органов власти, которая может проявляться в различных формах.

Одной из форм является создание в рамках Национального проекта «Наука и университеты» научно-образовательных центров (НОЦ), что будет способствовать реальному наращиванию инвестиций в научные исследования и разработки, профессиональное образование кадров, построенное на принципах удовлетворения заказа индустриальных партнеров при оптимальном сочетании фундаментальной и прикладной подготовки.

Всего за незначительный период времени на территории России создано 15 НОЦ мирового уровня (таблица), участниками которых являются 163 образовательные организации, 138 научных организаций, 346 хозяйствующих

субъектов из числа индустриальных партнеров. НОЦ заявлены обязательства, среди которых увеличение валового регионального продукта и создание дополнительных рабочих мест, в том числе высокотехнологичных, в регионах к 2024 г. в количестве 121 556 единиц.

Специализации НОЦ связаны с направлениями формирования технологического суверенитета России в области биотехнологий, медицинских и фармацевтических технологий, селекционно-генетических исследований в растениеводстве и животноводстве, здоровьесбережении, природопользовании, химии, машиностроения, переработки промышленных отходов, энергосбережения, добычи полезных ископаемых, роботизации, автоматизации и цифровизации производств и сервисов, аэрокосмических технологий, искусственного интеллекта, освоения Арктики, Мирового океана и др.

Структура научных образовательных центров, созданных в России по состоянию на 1 апреля 2023 г.
Table. Structure of scientific educational centers established in Russia as of April 1, 2023

Федеральный округ	Наименование НОЦ	ОО	НО	РС	Результативность (прирост ВРП)*, к 2024 г.	Новых рабочих мест к 2024 г.
ЦФО	«Инновационные решения в АПК»	21	31	28	1200 млрд руб.	3000
	«ТулаТЕХ»	10	1	17	12,0%	3000
СФО	«Кузбасс»	6	5	15	1500 млрд руб.	1200
	«Енисейская Сибирь»	9	5	14	3500 млрд руб.	70 000
СФО/ДФО	«Байкал»	6	5	15	2,5%	400
ДФО	«Север: территория устойчивого развития»	9	22	20	700 млрд руб.	561
ПФО	«Рациональное недропользование»	6	1	20	3725 млрд руб.	8000
	«Нижегородский»	9	5	23	1560 млрд руб.	2400
	«Инженерия будущего»	21	6	20	5,0%	12 000
	«Евразийский научно-образовательный центр мирового уровня»	7	3	27	2021,9 млрд руб.	1246
УФО	«Передовые производственные технологии и материалы»	9	10	54	15,3%	3800
	«Западно-Сибирский»	11	15	15	8,5%	2410
СЗФО	«Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования»	15	10	27	1100 млрд руб.	8500
ЮФО	«Юга России»	15	10	29	1424 млрд руб.	4600
	«МореАгроБиоТех»	9	9	22	28,0%	1000

Примечание. ОО – образовательные организации; НО – научные организации; РС – реальный сектор; * – плановые показатели из программ развития.

Note. OO – educational organizations; NO – scientific organizations; RS – real sector; * – planned indicators from development programs.

Следует отметить, что на первом этапе НОЦ созданы практически во всех федеральных округах за исключением Северо-Кавказского ФО. Наибольшее количество НОЦ создано в Приволжском федеральном округе:

- Пермский научно-образовательный центр мирового уровня «Рациональное недропользование»;
- Научно-образовательный центр мирового уровня «Нижегородский НОЦ»;
- Научно-образовательный центр мирового уровня «Инженерия будущего»;
- Научно-образовательный центр «Евразийский научно-образовательный центр мирового уровня».

В специализации НОЦ Приволжского федерального округа присутствуют практически все направления формирования технологического суверенитета России:

- твердые полезные ископаемые, углеводороды;

- энергетическое машиностроение;
- передовые производственные технологии;
- инновационные производства, новые материалы и вещества;
- химические, медицинские и фармацевтические технологии;
- биомедицина и генетика;
- высокотехнологичная персонализированная медицина и медицинское приборостроение;
- автоматизация и роботизация производств и сервисов;
- передовые цифровые технологии;
- экология и безопасность территорий, новая среда жизни;
- интеллектуальные транспортные системы;
- развитие АПК;
- двигательные и топливные системы нового поколения;
- аэрокосмические технологии и системы;
- сектора новых инженерных компетенций;

– искусственный интеллект в инжиниринге для проектирования, производства и эксплуатации новых изделий;

– цифровая и зеленая химия, энергетика.

В Самарской области создан НОЦ «Инженерия будущего», который объединяет 21 университет Самарской области, Санкт-Петербурга, Томска, Беларуси, 6 научных организаций, 20 промышленных партнеров, совместно работающих в области искусственного интеллекта, развития аэрокосмических технологий, создания двигательных и топливных систем нового поколения. При этом НОЦ взял на себя обязательство в 2024 г. обеспечить прирост валового регионального продукта на 5% и создать 12 000 дополнительных рабочих мест.

Следующей актуальной формой коллаборации университетов, бизнеса и власти является создание передовых инженерных школ. По итогам конкурса 2022 г. среди победителей программ развития передовых инженерных школ было отобрано 30 университетов, которые реализуют направления подготовки в рамках следующих УГНС [9]: 04.00.00 Химия (4 университета), 06.00.00 Биологические науки (2 университета), 09.00.00 Информатика и вычислительная техника (15 университетов), 11.00.00 Электроника, радиотехника

и системы связи (6 университетов), 12.00.00 Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии (4 университета), 13.00.00 Электро- и теплоэнергетика (6 университетов), 14.00.00 Ядерная энергетика и технологии (1 университет), 15.00.00 Машиностроение (11 университетов), 16.00.00 Физико-технические науки и технологии (3 университета), 18.00.00 Химические технологии (5 университетов), 19.00.00 Промышленная экология и биотехнологии (3 университета), 20.00.00 Техносферная безопасность и природообустройство (1 университет), 21.00.00 Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия (1 университет), 22.00.00 Технология материалов (8 университетов), 23.00.00 Техника и технологии наземного транспорта (1 университет), 24.00.00 Авиационная и ракетно-космическая техника (4 университета), 26.00.00 Техника и технологии кораблестроения и водного транспорта (1 университет), 27.00.00 Управление в технологических системах (12 университетов), 28.00.00 Нанотехнологии и наноматериалы (1 университет), 29.00.00 Технология легкой промышленности (0 университетов).

Распределение передовых инженерных школ, созданных в 2022 г., по федеральным округам, их специализации представлены на рис. 3.

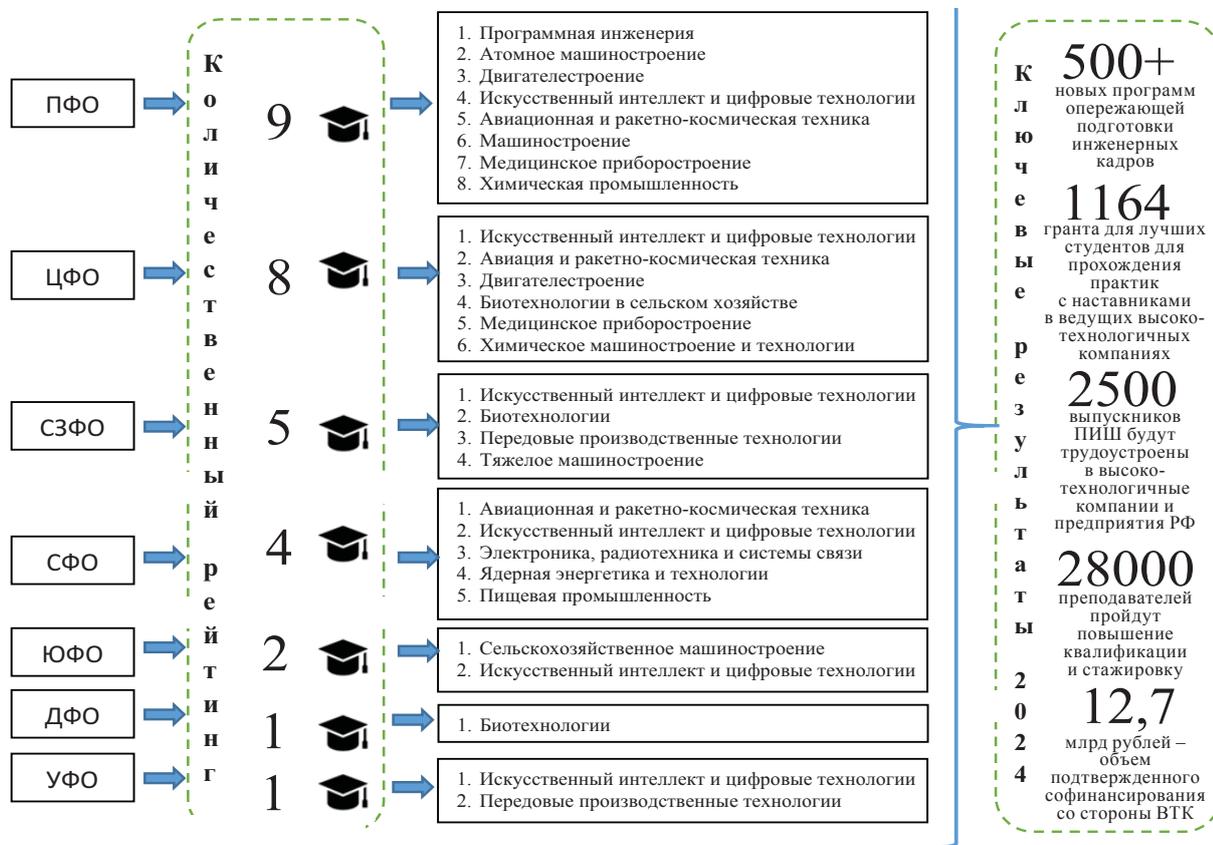

Рис. 3. Передовые инженерные школы, созданные в 2022 г. в федеральных округах

Fig. 3. Advanced engineering schools established in the federal districts in 2022

Анализируя ожидаемые результаты первого этапа ревитализации инженерной подготовки в России, следует отметить:

– во-первых, передовые инженерные школы созданы в тех же федеральных округах, где созданы и НОЦ, в целях формирования комплексной системы кадрового обеспечения задач, стоящих перед НОЦ;

– во-вторых, переориентация классического инженерного образования на востребованное инженерное образование высокотехнологичными компаниями. Уже в 2024 г. экономикой знаний будут разработаны более 500 образовательных программ опережающей инженерной подготовки кадров, выделено более 1164 грантов на прохождение практики и стажировок студентами в высокотехнологичных компаниях, 28 000 преподавателей пройдут специализированное повышение квалификации, более 2500 выпускников будут трудоустроены на предприятиях отраслей, связанных с формированием технологического суверенитета России;

– в-третьих, на реализацию обозначенных мер государством будет выделено на условиях софинансирования 12,7 млрд руб., что свидетельствует о том, что реальное финансовое обеспечение реализации программы развития передовых инженерных школ станет значительно выше за счет второй доли софинансирования со стороны регионов. Это позволит повысить уровень

ответственности регионов за результаты реализации программы и обеспечить формирование необходимого производственного и кадрового потенциала для развития национальной и региональной экономики.

Актуальной организационной формой коллаборации университетов, бизнеса и власти является создание кластеров, в том числе промышленных кластеров, промышленных технопарков, индустриальных парков, обеспечивающих развитие отдельных территорий и их связности в экономике России.

Всего на территории России в настоящее время создано 129 технопарков, основные из них (84,5%) расположены в Центральном (75 технопарков), Приволжском (24) и Уральском федеральных округах (10). Это обусловлено географическим положением, специализацией развития территорий, многими другими факторами, связанными с уровнем развития инфраструктуры и региональной экономики. На рис. 4 отмечены технопарки, вошедшие в ТОП-15 технопарков России. Среди них технопарк «Жигулевская долина», расположенный в городе Тольятти Самарской области ПФО. С целью привлечения в технопарки резидентов используют различные экономические механизмы. Среди основных из них для инвесторов особо актуальными являются заключение государственных и региональных контрактов, в том числе в случае последнего заключение

Рис. 4. Распределение созданных в России промышленных технопарков по федеральным округам, в том числе входящих в ТОП-15 (цвет онлайн)

Fig. 4. Distribution of industrial technoparks created in Russia by federal districts, including those in the TOP 15 (color online)

офсетных контрактов, при которых регион гарантирует на протяжении нескольких лет приобретение продукции на вновь создаваемом в регионе производстве. Такая практика широко используется в Самарской области, что позволяет

содействовать инвестиционной привлекательности территории и реализуемых в ней проектов.

Рассмотрим индустриальные парки как коллаборацию при формировании промышленных кластеров и показатели их развития (рис. 5).

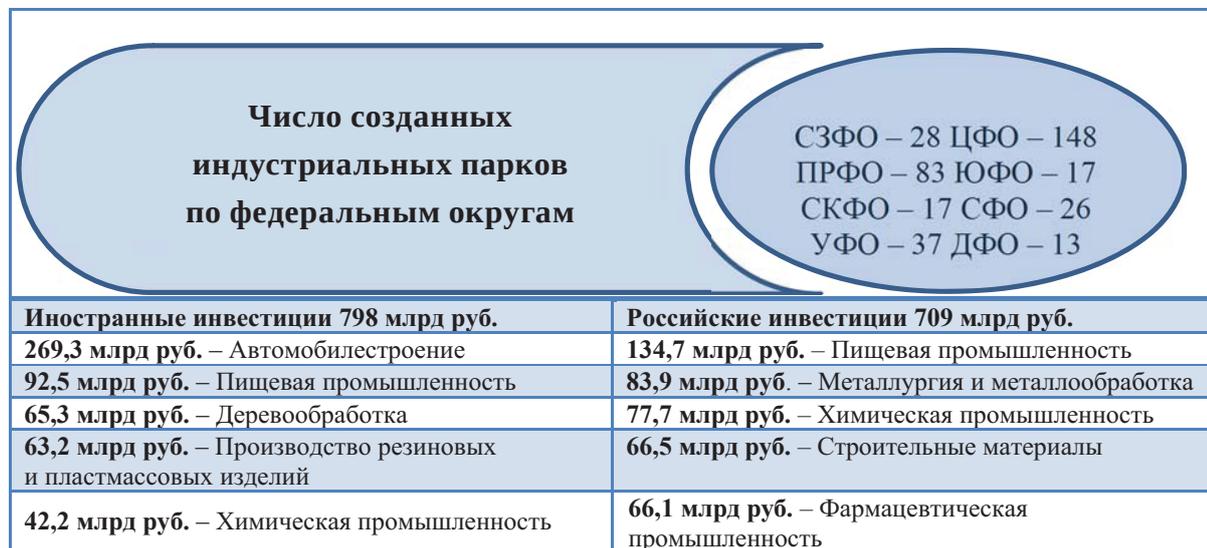

Рис. 5. Распределение индустриальных парков по федеральным округам и показатели их финансирования за 2021 г.
 Fig. 5. Distribution of industrial parks by federal districts and indicators of their financing for 2021

Экономика России насчитывает 369 индустриальных парков, из них основная часть (72,6%) также размещена в Центральном (40,1%), Приволжском (22,5%) и Уральском федеральных округах (10%).

Анализируя источники финансирования индустриальных парков России, отметим следующее:

– во-первых, иностранные и российские инвестиции находятся в зоне паритета даже с небольшим превосходством иностранных инвестиций – на 2,95%;

– во-вторых, приоритетными отраслями для иностранных инвестиций являются автомобилестроение (33,7%), пищевая промышленность (11,6%), деревообработка (8,2%), производство резиновых и пластмассовых изделий (7,9%), химическая промышленность (5,3%);

– в-третьих, приоритетными отраслями для российских инвестиций являются пищевая промышленность (19,0%), металлургия (11,8%), химическая промышленность (11,0%), производство строительных материалов (9,4%), фармацевтическая промышленность (9,3%);

– в-четвертых, сравнивая направления российского и иностранного инвестирования, становится очевидным выбор приоритетов, связанный с реализацией политики импортозамещения в российской экономике.

Рассматривая организационные формы коллаборации университетов, бизнеса и власти, важно отметить создание особых экономических зон, в том числе технологических долин, которые призваны при реализации мер государственной поддержки способствовать наращиванию технологического суверенитета России, предоставляя условия для организации комплекса работ, связанных с научными исследованиями и разработками, опытно-конструкторскими работами, подготовкой, повышением квалификации и переподготовкой кадров, развертыванием высокотехнологичного и экспериментального производства, проведением форумов и других форматов научных дискуссий и экспертных сессий по актуальным вопросам реализации национальных проектов и концепций.

Особые экономические зоны разделяются по следующим типам:

- промышленно производственный тип (ППТ);
- технико-внедренческий тип (ТВТ);
- туристско-рекреационный тип (ТРТ);
- портовые особые экономические зоны (ПОЭЗ).

Динамика создания особых экономических зон в разрезе федеральных округов с 2005 г. по настоящее время (по состоянию на 01.04.2023) представлена на рис. 6. Всего в экономике России создано 50 особых экономических зон.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЦФО	+1				+1			+1			+1	+1		+1	+1	+3	+2	+1	+1
СЗФО	+1							+1			+1						+1	+1	
ЮФО						+1				+1								+1	
СКФО						+2	+2		+2						+1				
ПФО		+1			+1			+1		+1						+2	+1	+2	
УФО						+1										+1			+1
СФО	+1		+2													+2		+1	
ДФО			+1																
Всего	+4	+1	+3	-	+2	+4	+2	+3	+2	+2	+3	+1	-	+1	+2	+8	+4	+6	+2

+ ППТ + ТВТ + ТРТ + ПОЭЗ

1019 компаний-резидентов

822 млрд руб. осуществленных инвестиций

1831 млрд руб. заявленных инвестиций

56 000 рабочих мест

Рис. 6. Динамика создания особых экономических зон в экономике России за период 2005–2023 гг. (по состоянию на 1 апреля 2023 г.) (цвет онлайн)

Fig. 6. Special economic zones creation dynamics in the Russian economy for the period 2005–2023 (as of April 1, 2023) (color online)

Анализируя динамику показателей, характеризующих развитие особых экономических зон в России, следует отметить:

– основное количество особых экономических зон создано в Центральном федеральном округе (17 зон, или 34%), Приволжском ФО (10 зон, или 20%), Северо-Кавказском ФО (7 зон, или 14%), Сибирском ФО (6 зон, или 12%);

– в период до объявления политики импортозамещения в экономике России из 50 особых экономических зон было создано за 10 лет (2005–2015 гг.) 26 зон, или 52% от их количества в настоящее время (2005–2010 гг. – 14 зон, 2011–2015 гг. – 12 зон). Интенсивный курс на импортозамещение в российской экономике сопровождался курсом на создание соответствующей структуры. Так, с 2016 по 2020 г. было открыто еще 12 особых экономических зон, или 24% от их общего количества, а за 2021–2023 гг. (по состоянию на 1 апреля 2023 г.) создано еще 12 особых экономических зон (24%);

– резидентами особых экономических зон являются 1019 резидентов, в том числе 15,6% – с иностранным участием. Это означает, что российская экономика, несмотря на довлеющее влияние в последнее время эконо-

мических зарубежных санкций, не перестает быть инвестиционно привлекательной. Курс на создание и упрочение технологического суверенитета экономики России однозначно связан с формированием фундаментальной устойчивости российской экономики на длительную перспективу.

Результаты

С целью обеспечения условий для цифровой трансформации всех отраслей и сфер российской экономики, в том числе и для создания технологического суверенитета России, важно формирование информационной системы, представляющей собой цифровые платформы для связности инноваций в технике и технологиях и инвесторов для их реализации.

Таким образом, говоря об актуальности решения проблемы импортозамещения и наблюдая за результативностью мер, способствующих решению данной проблемы, внутренняя политика России объективно перешла к необходимости решения более глобальной проблемы – концепции и стратегии формирования технологического суверенитета как фактора достижения фундаментальной устойчивости экономики России, формируя при этом понимание нового сектора в экономике – «техноэкономика».

Список литературы

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 17.04.2023).
 3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 17.04.2023).
 4. Путин назвал ключевые принципы новой российской экономической политики. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/06/2022/62ac88969a7947c64123f0c9> (дата обращения: 17.04.2023).
 5. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69019> (дата обращения: 18.04.2023).
 6. Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию по укреплению технологического суверенитета. URL: <http://government.ru/news/48211/> (дата обращения: 17.04.2023).
 7. Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 8. О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ: постановление Правительства РФ от 08.04.2022 № 619. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202204110041.pdf> (дата обращения 17.04.2023).
 9. Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 5. С. 12–22 <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-5-12-22>
1. On Approval of the State Program of the Russian Federation “Development of Industry and improvement of its Competitiveness. Decree of the Government of the Russian Federation no. 328 of April 15, 2014 (with amendments and additions). *ATP “Garant”* [electronic resource] (in Russian).
 2. On the Strategy of Scientific and technological Development of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 642 of December 1, 2016. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (assessed April 17, 2023) (in Russian).
 3. Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the Government of the Russian Federation no. 207-r of February 13, 2019. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (assessed April 17, 2023) (in Russian).
 4. *Putin nazval klyuchevye printsipy novoy rossiyskoy ekonomicheskoy politiki* (Putin named the key principles of the new Russian economic policy). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/17/06/2022/62ac88969a7947c64123f0c9> (accessed April 17, 2023) (in Russian).
 5. *Zasedaniye Soveta po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nyim proyektam* (Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/69019> (accessed April 18, 2023) (in Russian).
 6. *Mikhail Mishustin provyol strategicheskuyu sessiyu po ukreplenyu tekhnologicheskogo suvereniteta* (Mikhail Mishustin held a strategic session on strengthening technological sovereignty). Available at: <http://government.ru/news/48211/> (assessed April 17, 2023) (in Russian).
 7. On approval of priority directions of projects of Technological sovereignty and projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation and the Regulations on the Conditions for Classifying projects as projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation, on providing information on projects of technological sovereignty and projects of Structural adaptation of the Economy of the Russian Federation and maintaining a register of these projects, as well as on requirements for organizations authorized to submit conclusions on the compliance of projects with the requirements for projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation no. 603 of April 15, 2023. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 8. On measures of state support for the development of advanced engineering schools. Decree of the Government of the Russian Federation no. 619 of April 8, 2022. Available at: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202204110041.pdf> (accessed April 17, 2023) (in Russian).
 9. Konstantinov I. B., Konstantinova E. P. Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 12–22 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-5-12-22>

References

1. On Approval of the State Program of the Russian Federation “Development of Industry and improvement

Поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 10.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 411–419
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 411–419
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-411-419>, EDN: PQSMDZ

Научная статья
УДК 338.33+330.34

Сравнительный статистический анализ развития промышленности в постсоветских странах за период 1990–2021 гг.

М. В. Петровская¹, А. П. Цыпин²✉, Э. А. Шарыкина³

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

³Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Россия, 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 11

Петровская Мария Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, аудита и статистики, maar74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0668-9019>

Цыпин Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента бизнес-аналитики, aptypin@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>

Шарыкина Эльза Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления бизнесом и сервисных технологий, elzagrishkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1082-7821>

Аннотация. Введение. Несмотря на переход экономических систем к цифровой экономике, на сегодняшний день промышленность является драйвером развития экономики любой страны, соответственно, представляет научный интерес рассмотрение особенностей развития этой сферы в постсоветских странах. Отсюда цель проводимого исследования заключается в анализе динамики развития промышленности постсоветских стран в период 1990–2021 гг. **Материалы и методы.** В ходе выполнения исследования были использованы такие методы, как анализ и синтез, табличный и графический, относительных и средних величин. **Результаты.** На старте рыночных преобразований постсоветские страны имели высокий промышленный потенциал, при этом доля ВДС отрасли в ВВП каждого субъекта была выше 20%. По мере удаления от 1990 г. все больше постсоветских стран проявляют тенденцию к снижению удельного веса ВДС, что объясняется совокупностью факторов, главным из которых является воздействие трансформационного перехода и последующих кризисов. Наилучшие результаты в добыче углеводородов показывают страны, обладающие залежами природных ресурсов: Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан, остальные постсоветские страны имеют околонулевые показатели добычи, что снижает их возможности инвестировать «нефтедоллары» в другие отрасли экономики. Косвенным образом на проблемы в обрабатывающей промышленности влияет структура импорта, в которой на момент 2021 г. преобладает ввоз машин и оборудования практически во всех постсоветских странах. **Выводы.** Обобщая полученные в ходе исследования результаты, можно сделать общий вывод по итогам анализа: имея определенный накопленный (сформированный) капитал в промышленности, постсоветские страны не смогли конвертировать его в устойчивое развитие своих экономических систем и на сегодняшний момент времени во многом вынуждены полагаться на импорт машин, оборудования и транспортных средств. Полученные выводы будут полезны исследователям в области интеграции и дезинтеграции постсоветских стран.

Ключевые слова: постсоветские страны, статистика, промышленное производство, динамика, межстрановое сопоставление

Для цитирования: Петровская М. В., Цыпин А. П., Шарыкина Э. А. Сравнительный статистический анализ развития промышленности в постсоветских странах за период 1990–2021 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 411–419. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-411-419>, EDN: PQSMDZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Comparative statistical analysis of industrial development in post-Soviet countries for the period 1990–2021

M. V. Petrovskaya¹, A. P. Tsypin²✉, E. A. Sharykina³

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maclaya St., Moscow 117198, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

³Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), 11 Volokolamskoye Shosse, Moscow 125080, Russia

Mariya V. Petrovskaya, maar74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0668-9019>

Alexander P. Tsypin, aptypin@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>

Elsa A. Sharykina, elzagrishkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1082-7821>

© Петровская М. В., Цыпин А. П., Шарыкина Э. А., 2023

Abstract. Introduction. Despite the transition of economic systems to a digital economy, today industry is a driver of the development of the economy of any country, and accordingly, consideration of the development peculiarities of this sphere in post-Soviet countries is of scientific interest. Hence, the purpose of the study is to analyze the industry development dynamics in the post-Soviet countries in the period of 1990–2021. **Materials and methods.** In the course of the study, methods such as analysis and synthesis, tabular and graphical, relative and average values were used. **Results.** At the start of the market transformation, post-Soviet countries had high industrial potential, while the share of the GVA industry in the GDP of each subject was above 20%. As we move away from 1990, more post-Soviet countries are showing a tendency to reduce the GVA ratio, which is due to the combination of factors, the main of which is the impact of the transformational transition and subsequent crises. The best results in hydrocarbon production are shown by countries with natural resource deposits: Russia, Kazakhstan, Azerbaijan and Turkmenistan, the rest of the post-Soviet countries have near-zero production indicators, which reduces their ability to invest “petrodollars” in other sectors of the economy. Indirectly, the import structure shows problems in the manufacturing industry, in which in 2021 the import of machinery and equipment prevails in almost all post-Soviet countries. **Conclusions.** Summarizing the results obtained during the study, we can draw a general conclusion based on the results of the analysis: having some accumulated (formed) capital in industry, the post-Soviet countries were unable to convert it into sustainable development of their economic systems and at the moment are largely forced to rely on imports of machinery, equipment and vehicles. The findings will be useful to researchers in the field of post-Soviet countries’ integration and disintegration.

Keywords: post-Soviet countries, statistics, industrial production, dynamics, cross-country matching

For citation: Petrovskaya M. V., Tsylin A. P., Sharykina E. A. Comparative statistical analysis of industrial development in post-Soviet countries for the period 1990–2021. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 411–419 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-411-419>, EDN: PQSMDZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В 2020–2021 гг. весь мир пережил кризис, связанный с распространением вируса COVID-19, при этом экономическим системам приходилось адаптироваться к новым условиям. В итоге были запущены и апробированы элементы цифровой экономики, некоторые из которых признаны пригодными для дальнейшего использования. Но несмотря на это, успех развития экономики любой страны до сих пор зависит от уровня развития промышленности. Вопрос наличия, состояния, продуктивности и конкурентоспособности промышленности особо остро стоит в постсоветских странах (республиках бывшего СССР), так как совокупность этих стран фактически заново выстраивала промышленный кластер и адаптировала его к запросам мирового рынка. Соответственно, считаем, что выбранное нами направление по изучению этапов развития промышленности в ретроспективном аспекте указанных республик является актуальным. Данный подход позволил сопоставить уровень развития промышленности, выявить факторы, обусловившие развитие (стагнацию) производств, соизмерить исходные и конечные позиции постсоветских стран в данном направлении.

При теоретико-методологической разработке темы исследования обнаруживаем незначительное число публикаций, отражающих развитие промышленности республик бывшего Советского Союза. В качестве основных научных исследователей, занимавшихся рассматриваемой проблемой, можно назвать М. А. Вилкову [1], Ю. П. Павловскую [2], Л. С. Плакиткину [3], И. А. Родионову и Т. В. Кокуйцеву [4],

А. А. Саякбаеву и С. Б. Макееву [5], Н. В. Стратонову [6], В. И. Часовского [7], А. А. Эралиеву [8], Д. О. Ямпольскую и К. А. Алиеву [9]. При этом в большинстве публикаций основной упор делается на сопоставление и(или) анализ стран, входящих в политико-экономические союзы, такие как СНГ, ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Таким образом, еще раз подчеркивается актуальность нашего исследования.

Материалы и методы

Объектом проведенного исследования являлась промышленность постсоветских стран, к которым мы отнесли 15 республик, до 1991 г. входящих в состав СССР. При этом в качестве условных обозначений были использованы трехбуквенные коды согласно ISO 3166-1. Также стоит отметить, что согласно Распоряжению Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» такие страны, как Латвия, Литва, Эстония и Украина, признаны «недружественными».

Предметом исследования стали процессы и явления, характеризующие изменения в развитии (стагнации) промышленного производства постсоветских стран, что достигалось сквозь призму долговременной динамики ключевых индикаторов промышленности.

Также стоит указать на наличие проблемы несопоставимости вследствие изменения методологии учета. Так, до середины 1990-х гг. на постсоветском пространстве сведения по промышленным предприятиям

собирались и обобщались на основе ОКОНХ (соответственно, использовался термин «отрасль»), далее статистические учреждения рассматриваемых стран перешли на ОКВЭД и позже на ОКВЭД2 (используется термин «вид экономической деятельности»). В рамках последних изменений «промышленность» – это совокупность четырех видов деятельности: Раздел В «Добыча полезных ископаемых», Раздел С «Обрабатывающие производства», Раздел D «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», Раздел E «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений». Стоит отметить, что Статистический комитет ООН использует классификатор ISIC, в результате этого возникает несоответствие с действующим ОКВЭД2. Данный случай будет указан ниже отдельно.

Проведение ретроспективного анализа развития промышленности постсоветских стран сопряжено со значительными трудностями, главной из которых является формирование набора данных, отражающих динамику ключевых индикаторов. В нашем исследовании мы использовали

совокупность отечественных и иностранных источников. Так, для отображения изменений в советском периоде были использованы сведения, публикуемые в статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР» за ряд лет. Статистические данные за период 1990–2021 гг. были взяты с порталов Всемирного банка, Статистического отдела ООН и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО).

Использование сведений, содержащихся в указанных источниках, позволило нам сформировать длинные временные ряды, отражающие промышленное производство, к которым были применены как общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнения, исторический), так и статистические (табличный, графический, коэффициентный).

Результаты

Промышленность Советского Союза прошла долгий и трудный путь становления и развития. Наибольший толчок в развитии был сделан в период индустриализации (1929–1941 гг.) [10], в дальнейшем наблюдается поступательное движение (рис. 1).

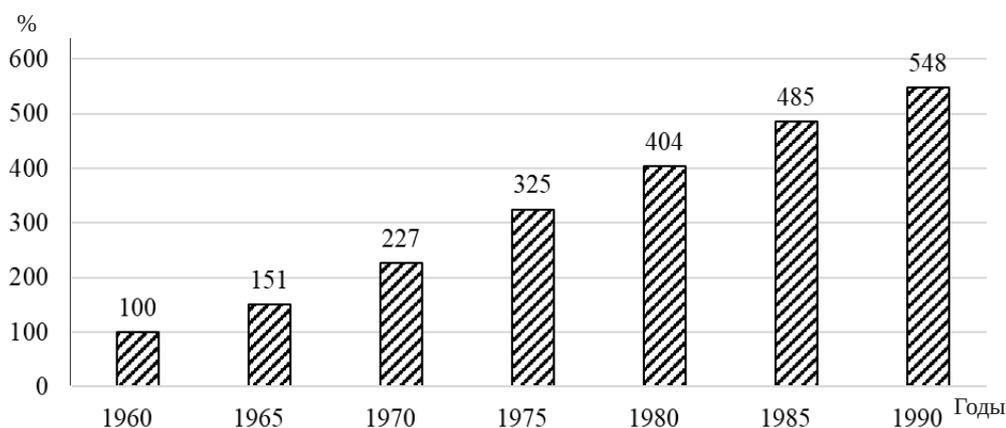

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства по республикам СССР, % (сост. по материалам статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР»)

Fig. 1. Dynamics of the industrial production index in the republics of the USSR, % (compiled from the statistical yearbook «People's Economy of the USSR»)

Из приведенных на рис. 1 данных следует, что за 30 лет объемы промышленности выросли в 5,5 раза. Как показывает международная статистика, такой значительный рывок позволил Советскому Союзу выйти в мировые лидеры по производству промышленных продуктов (товаров). Так, согласно данным ежегодника «Народное хозяйство 1990», к точке распада Союза были достигнуты следующие результаты: производство чугуна – 110 млн т (США – 87), стали – 154 млн т (США – 58), минеральных удобрений (в пересчете на 100% питательных

веществ) – 31,7 млн т (США – 23), металлорежущих станков – 157 тыс. шт. (США – 105), цемента – 137 млн т (США – 75,5), тракторов – 495 тыс. шт. (США – 106) и т.д. [11]. При этом стоит заметить, что речь идет о количественном превосходстве и трудно сделать вывод о качественном уровне.

Далее перейдем к сопоставлению результатов по совокупности постсоветских стран, достигнутых в 1990 г., и наиболее актуальным сведениям за 2021 г. (рис. 2). Для этого представим статистический материал в графическом виде.

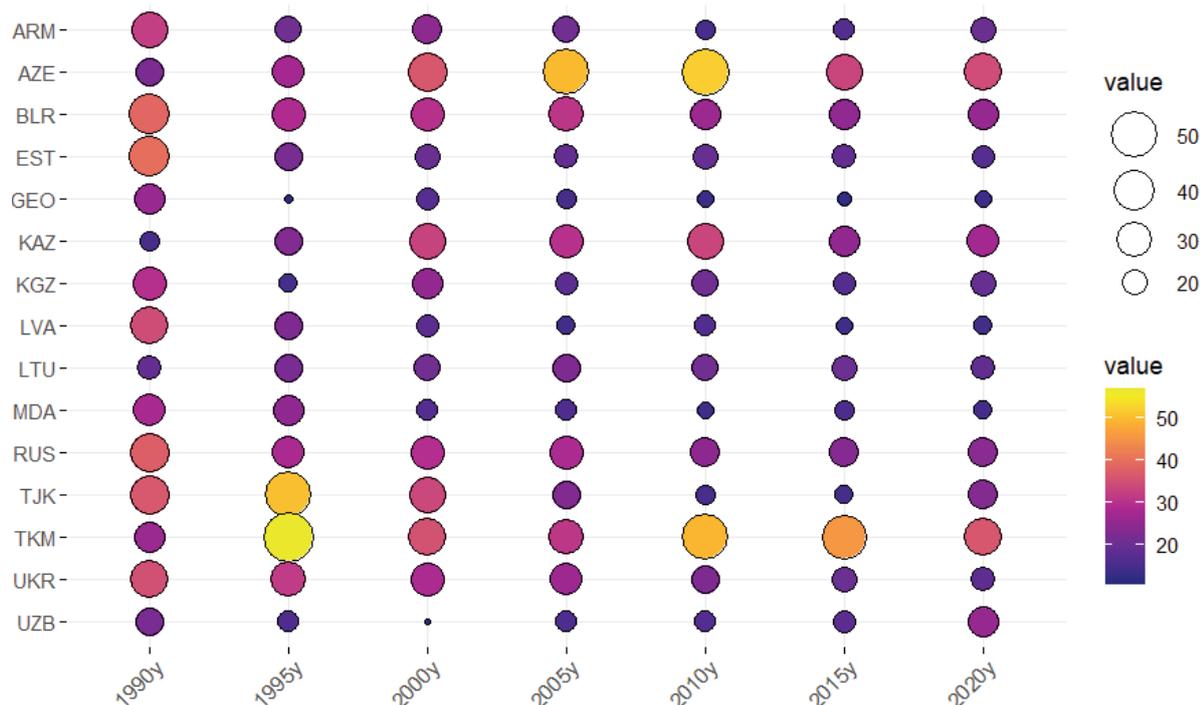

Рис. 2. Вариация удельного веса ВДС промышленности постсоветских стран в общем объеме ВВП, % (сост. на основе данных National Accounts [12] и World Bank Open Data [13]) (цвет онлайн)

Fig. 2. Variation in the share of the GVA industry of post-Soviet countries in the total GDP, % (compiled based on data from National Accounts [12] and World Bank Open Data [13]) (color online)

Стоит отметить, что для построения «пузырьковой» диаграммы воспользуемся командой `ggballoonplot` из библиотеки `ggpubr` языка программирования R. В результате получаем наглядное представление изменения во времени удельных весов ВДС промышленности (в % от ВВП страны).

Согласно приведенным на рис. 2 данным, на момент 1990 г. всего в двух республиках СССР наблюдался удельный вес промышленности ниже 20%, это Казахстан (14,7% от ВВП) и Латвия (18,8% от ВВП). В остальных субъектах СССР наблюдался значительный уровень, что является прямым следствием индустриализации и дифференциации размещения производств (в некоторых случаях в ущерб логистике). Также стоит заметить, что несмотря на значительный задел (к примеру, выделяются Азербайджан, Белоруссия, Казахстан и Украина), доминирующие позиции занимала Российская Федерация [10, 11], на долю которой в 1990 г. приходилось около 80% от общесоюзного ВДС промышленности.

В ходе трансформации экономических систем в 1990-х гг. большинству республик бывшего СССР не удалось сохранить накопленный промышленный потенциал. Так, наблюдается снижение удельного веса ВДС промышленно-

сти в 2/3 республик (в том числе и в РФ на 11 процентных пункта). В качестве причин таких изменений можно назвать, во-первых, низкую конкурентоспособность промышленной продукции постсоветских стран на мировом рынке; во-вторых, разрыв внутрисоюзных связей, в итоге в некоторых производствах образовался дефицит комплектующих; в-третьих, доминирование добывающих производств, и в первую очередь нефти и газа, что сформировало неравные условия внутри республик для инвестирования; в-четвертых, высокую себестоимость внутреннего производства промышленных товаров относительно мировых лидеров; в-пятых, значительное воздействие на экономику в целом и промышленность в частности мировых кризисов (к примеру, финансовый кризис 2008 г.); в-шестых, интеграцию экономик ряда стран (к примеру, Латвии, Литвы, Эстонии) в более «старые» и устойчивые экономические системы, в которых ниши промышленных товаров были уже заняты.

Как видим, совокупность факторов, проявляющихся в постсоветских странах по отдельности или в комплексе, привела к снижению доли ВДС промышленности. Также стоит указать на один факт, связанный с учетом вклада

видов экономической деятельности (отраслей) в ВВП, – в советской практике услуги, оказываемые промышленными предприятиями, либо не учитывались, либо входили в добавленную стоимость предприятий, тогда как после перехода на с БНХ на СНС услуги были выделены из промышленности и переведены в другие направления: транспорт, связь, администрирование и т.д. Указанный факт косвенно можно

считать причиной снижения доли рассматриваемого направления в валовом продукте страны.

Как указывалось выше, в странах постсоветского пространства, обладающего запасами углеводородов, в структуре промышленности доминируют добывающие производства, соответственно, для оценки развития этого направления обратимся к структуре объемов добычи полезных ископаемых (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Динамика удельного веса постсоветских стран в общем объеме производства углеводородов, в % к итогу по всем постсоветским странам
Dynamics of the share of post-Soviet countries in the total volume of hydrocarbon production, % to total for all post-Soviet countries

Постсоветские страны	Добыча угля		Добыча нефти		Добыча газа	
	1990 г.	2021 г.	1990 г.	2021 г.	1990 г.	2021 г.
ARM	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
AZE	0,0	0,0	2,2	5,2	1,2	3,5
BLR	0,0	0,0	0,4	0,3	0,0	0,0
EST	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
GEO	0,1	0,03	0,0	0,0	0,0	0,0
KAZ	18,6	19,8	4,6	12,7	0,9	3,5
KGZ	0,5	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0
LTU	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
LVA	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
MDA	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
RUS	56,2	74,2	90,4	79,3	78,7	76,7
TJK	0,2	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0
TKM	0,0	0,0	1,0	1,8	10,8	8,7
UKR	23,5	4,3	0,9	0,3	3,4	2,0
UZB	0,9	0,8	0,5	0,4	5,0	5,6

Рассчитано по: [14] / Calculated according to: [14].

Согласно представленной в табл. 1 информации, Россия и Казахстан нарастили свою долю в общей совокупности добыче угля на 18 п.п. и 1,2 п.п., тогда как удельный вес Украины за рассматриваемый период снизился на 19,2 п.п.

Казахстан и Азербайджан увеличили свои доли в добыче нефти на 8,1 п.п. и 3,0 п.п. соответственно (или в 3,3 раза и 2,8 раза в 2021 г. относительно 1990 г.). Данный факт объясняется высокой востребованностью данного ресурса на мировых рынках. В свою очередь, доля России снизилась с 90,4 до 79,3%.

Из стран, добывающих газ, выделяется Казахстан, нарастивший объем добычи ресурса с 7,1 млрд куб. м в 1990 г. до 32,0 млрд куб. м в 2021 г. (или в 4,5 раза). В остальных странах значитель-

ных изменений объемов добычи не произошло.

Безусловно, отсутствие (как и наличие) полезных ископаемых негативным образом повлияло на экономическое развитие постсоветских стран, но если это объясняется территориальным положением республики, то на развитие обрабатывающей промышленности этот фактор оказывает незначительное влияние. Для оценки развития выделенного сектора промышленности обратимся к данным табл. 2.

Производство стали в постсоветских республиках по сравнению с периодом их нахождения в составе СССР уменьшилось в полтора раза. Лишь в Белоруссии отмечается рост черной металлургии, но валовой выпуск слишком мал, чтобы оказать заметное влияние.

Таблица 2 / Table 2

Динамика удельного веса постсоветских стран в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности, в % к итогу по всем постсоветским странам
Dynamics of the share of post-Soviet countries in the total volume of manufacturing products, % to total for all post-Soviet countries

Постсоветские страны	Выплавка стали		Производство пиломатериалов		Производство цемента	
	1990 г.	2021 г.	1990 г.	2021 г.	1990 г.	2021 г.
ARM	0,0	0,0	0,1	0,0	1,07	0,74
AZE	0,5	0,2	0,1	0,0	0,94	3,00
BLR	0,7	2,3	3,4	8,0	1,64	4,35
EST	0,0	0,0	0,6	3,1	0,68	0,32
GEO	0,9	0,0	0,6	0,1	0,72	0,00
KAZ	4,4	4,2	1,9	0,4	6,04	10,75
KGZ	0,0	0,0	0,2	0,3	1,01	3,05
LTU	0,0	0,0	0,9	2,3	2,45	0,00
LVA	0,4	0,0	0,9	7,7	0,54	0,00
MDA	0,5	0,0	0,3	0,0	1,67	0,00
RUS	58,0	72,0	82,1	72,9	60,47	52,12
TJK	0,0	0,0	0,1	0,0	0,78	3,67
TKM	0,0	0,0	0,1	0,0	0,79	0,00
UKR	34,1	20,4	8,1	5,2	16,55	9,60
UZB	0,7	0,9	0,6	0,0	4,65	12,40

Рассчитано по: [15, 16] / Calculated according to: [15, 16].

Украина, несмотря на падение выплавки стали с 52,6 млн т в 1990 г. до 20,6 млн т., в 2021 г. (падение на 59,8%), сохранила второе место в списке постсоветских стран.

«Общесоюзная» деревообработка уменьшилась втрое. В основном за счет падения производства в России и на Украине. Только Прибалтика значительно увеличила показатели. Отчасти это связано с переработкой российской древесины. В результате суммарная доля прибалтийских стран выросла в отчетном периоде по сравнению с базисным с 2,27 до 13,1%.

Потребление цемента может косвенным образом служить индикатором уровня развития страны. Хотя в нашем случае рассматривается только его производство, но сравнивая с уровнем 1990 г., можно сделать некоторые выводы о состоянии экономики стран. В частности, лидерами падения производства ожидаемо стали Молдавия, Литва, Армения и Украина. Напротив, в лидерах прироста – Белоруссия и Азербайджан. Относительно Таджикистана стоит отметить, что резкий рост производства начался только в 2014 г., когда заработало таджикско-китайское

предприятие «Хуакцин Гаюр Цемент», ориентированное в основном на экспорт. Около 500 тыс. т продукции в 2015 г. было экспортировано только в Афганистан. До этого объемы производства не превышали 400 тыс. т, а в 1990-е гг. выпуск падал до околонулевого показателя в 17,7 тыс. т. Белоруссия экспортировала в Россию в 2015 г. около 1,36 млн т цемента. На втором месте Литва – почти 300 тыс. т. Импорт из России составил 429 тыс. т.

Как видим из приведенной выше аналитики, доминирующие позиции на постсоветском пространстве занимает Российская Федерация, которая за годы трансформации не растеряла промышленный потенциал по ключевым направлениям.

Далее обратимся к сведениям, представленным в ежегоднике «International Trade Statistics Yearbook» [17], и проанализируем вариацию ввозимых и вывозимых товаров в постсоветских странах в 2020 г., что даст возможность косвенно оценить конкурентоспособность промышленности постсоветских стран на мировом рынке (табл. 3).

**Наибольшая доля экспорта и импорта постсоветских стран в 2021 г.
The largest share of exports and imports of post-Soviet countries in 2021**

Постсоветские страны	Экспорт		Импорт	
	код SITC	% от всего экспорта	код SITC	% от всего импорта
ARM	2+4	32,8	7	22,0
AZE	3	88,4	7	34,4
BLR	9	40,2	9	35,5
EST	7	28,9	7	29,3
GEO	0+1	26,3	7	27,2
KAZ*	3	58,2	7	42,6
KGZ	6	20,5	6	22,0
LVA	7	20,4	7	29,5
LTU	5	19,4	7	26,1
MDA	7	20,2	7	25,4
TJK*	2+4	43,3	0+1	22,5
RUS*	3	42,1	7	41,2
UKR	6	26,7	7	31,1
UZB	6	31,8	7	35,3

Рассчитано по: [17] / Calculated according to: [17].

Примечание. Коды в соответствии со Стандартной международной торговой классификацией (SITC): 0+1 «Продукты питания, напитки, табак»; 2+4 «Сырые несъедобные материалы + живые животные и растительные масла»; 3 «Минеральные топлива, смазки и аналогичные материалы»; 6 «Промышленные товары, классифицируемые в основном по материалу»; 7 «Машины и транспортное оборудование»; 9 «Товары и сделки, не классифицируемые в другом месте в SITC»; * – приведены данные за 2020 г.; сведения по Туркменистану не публикуются в ежегоднике.

Note. Codes according to the Standard International Trade Classification (SITC): 0+1 «Food, animals + beverages, tobacco»; 2+4 «Crude materials + anim. & veg. oils»; 3 «Mineral fuels, lubricants»; 6 «Goods classified chiefly by material»; 7 «Machinery and transport equipment»; 9 «Not classified elsewhere in the SITC»; * – data for 2020 are given; information on

Рассматривая сведения, приведенные в табл. 3, необходимо обратить внимание на страны Балтии и Молдову. Так, доминирующая категория экспорта в этих республиках – «Машины и транспортное оборудование», при этом доля импорта незначительно превышает экспорт, таким образом, можно констатировать, что это транзит продукции с небольшим внутривосточным потреблением. К такому же выводу можно прийти, рассматривая ввоз и вывоз по Республике Беларусь.

Практически во всех постсоветских странах в структуре импорта (за исключением BLR, KGZ, TJK) преобладает категория 7, что указывает на сходство со структурой, заложенной в советское время, т.е. за 30 лет развития в рассматриваемой совокупности стран не было сформировано кластеров обрабатывающей промышленности, закрывающих внутренние

потребности в высокотехнологичных товарах.

Анализируя структуру экспорта, приходим к выводу, что тут не все так однозначно, и в текущий момент времени выделяются страны, занимающиеся транзитом товаров (работ, услуг) (BLR, EST, MDA, LVA, LTU), страны, предоставляющие мировому сообществу полезные ископаемые и продукты их переработки (AZE, KAZ, RUS), а также торгующие сельскохозяйственным сырьем (ARM и GEO) и вывозящие прочую продукцию.

Приведенная структура экспорта и импорта постсоветских стран косвенно характеризует уровень развития обрабатывающей промышленности как низкий, соответственно, внутри республик образуется дефицит (или полное отсутствие) непродовольственных товаров, что ведет к угрозе потери национально-экономической безопасности.

Выводы

Проведенный анализ ретроспективных статистических данных, характеризующих развитие промышленности постсоветских стран, позволяет сделать ряд ключевых выводов.

1. В начале рыночных преобразований (1990-е гг.) все постсоветские страны в той или иной степени обладали промышленным потенциалом, но наилучшее положение занимала Российская Федерация, далее с отрывом шли Казахстан, Украина и Азербайджан. При этом доля ВДС промышленности в ВВП в 1990 г. была около 30%. С течением трансформационного перехода удельный вес отрасли в экономике страны снижался и в 2020 г. в среднем по совокупности составил менее 20,0%, а в Грузии наблюдается минимум – 13,6%. Причин снижения данного показателя много, но основной – кризисы, которые регулярно воздействуют на экономические системы рассматриваемых стран (1998 г., 2008 г., 2020 г.).

2. Позиции республик в добыче природных ископаемых (прежде всего нефти и газа) за период 1990–2021 гг. практически не изменились. Так, страны, обладающие залежами ресурсов (Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан), активно их осваивают и экспортируют на мировой рынок. Приток «нефтедолларов» позволяет развивать другие отрасли экономики, соответственно, постсоветские страны, лишенные этого ресурса, находятся в категории «догоняющего развития».

3. Существенные проблемы в обрабатывающей промышленности всех постсоветских стран обнаруживаются при детальном анализе их экспорта. Так, наибольшей долей в структуре ввоза обладает категория «Машины и транспортное оборудование», что косвенно указывает либо на недостаточные объемы внутреннего производства, либо на его полное отсутствие в стране.

Таким образом, можно сделать общий вывод: имея определенный накопленный (сформированный) капитал в промышленности, постсоветские страны не смогли конвертировать его в устойчивое развитие своих экономических систем и на сегодняшний момент времени во многом вынуждены полагаться на импорт машин, оборудования и транспортных средств.

Список литературы

1. Вилкова М. А. Роль крупнейших ТНК добывающей отрасли в развитии инвестиционного сотрудничества между странами ЕАЭС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6–1 (76). С. 19–22. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-6-1-19-22>
2. Павловская Ю. В. Развитие кооперации организаций обрабатывающей промышленности в ЕАЭС // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2019. № 7 (265). С. 23–36. EDN: WNQMXI
3. Плакиткина Л. С. Современное состояние и тенденции развития добычи угля в странах СНГ // Горная промышленность. 2013. № 2 (108). С. 18. EDN: QYOKUP
4. Родионова И. А., Кокуйцева Т. В. Страны СНГ в международных рейтингах по уровню развития промышленности // Инновационная экономика. 2018. № 2 (15). С. 10. EDN: ORPSUP
5. Саякбаева А. А., Макеева С. Б. Проблемы развития пищевой промышленности в контексте продовольственной безопасности Кыргызской Республики в условиях ЕАЭС и мировой практики // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 5. С. 517–524. <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.94.17.191>
6. Стратонова Н. В. Пути развития национальной стандартизации объектов молочной промышленности в условиях ЕАЭС // Актуальные вопросы молочной промышленности, межотраслевые технологии и системы управления качеством : сб. науч. тр. / под ред. А. Г. Галстяна. М. : ВНИМИ, 2020. Вып. 1. С. 519–525. <https://doi.org/10.37442/978-5-6043854-1-8-2020-1-519-525>
7. Часовский В. И. Влияние центрo-периферийного развития на изменение территориальной структуры промышленности стран СНГ // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 2. С. 11–19.
8. Эрлиева А. А. Технологическая модернизация промышленных предприятий в цифровой экономике в странах ЕАЭС // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7, № 3. С. 41–50. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-3>
9. Ямпольская Д. О., Алиева К. А. Развитие рынка ЕАЭС на примере продукции электронной промышленности // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 12. С. 33–52. <https://doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10120>
10. Цыпин А. П., Тимофеев Д. Н. Изучение развития промышленности России в 1930–2011 годах с использованием статистических методов // Экономическое возрождение России. 2014. № 1 (39). С. 54–59.
11. Цыпин А. П. Ретроспективный анализ развития промышленного производства республик СССР за 1950–1990 гг. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 5. С. 31–35. EDN: XVILGX
12. National Accounts. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Downloads> (дата обращения: 14.05.2023).
13. World Bank Open Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 14.05.2023).
14. Statistical Review of World Energy. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

15. Steel Statistical Yearbooks // The World Steel Association (worldsteel). URL: <https://worldsteel.org/steel-topics/statistics/steel-statistical-yearbook/> (дата обращения: 14.05.2023).
 16. Forestry Production and Trade. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FO> (дата обращения: 14.05.2023).
 17. International Trade Statistics Yearbook. URL: <https://comtradeplus.un.org/Publication/ITSY> (дата обращения: 14.05.2023).
- References**
1. Vilkova M. A. Role of the largest transnational companies in the mining industry in the development of investment cooperation between EAEU countries. *Journal of Economy and Business*, 2021, no. 6–1 (76), pp. 19–22. (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-6-1-19-22>
 2. Pavlovskaya Yu. V. Developing cooperation of manufacturing organizations in the EAEU. *Ekonomicheskij byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'* [Economic Bulletin of the Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus], 2019, no. 7 (265), pp. 23–36 (in Russian). EDN: WNQMXI
 3. Plakitkina L. S. The current state “of” the art and development trends of coal mining in the CIS countries. *Gornaya promyshlennost'* [Mining], 2013, no. 2 (108), pp. 18 (in Russian). EDN: QYOKUP
 4. Rodionova I. A., Kokuytseva T. V. The CIS countries in international ratings on the level of development of the industry. *Innovatsionnaya ekonomika* [Innovative Economy], 2018, no. 2 (15), pp. 10 (in Russian). EDN: ORPSUP
 5. Sayakbaeva A. A., Makeeva S. B. Problems of food industry development in the context of food security of the Kyrgyz Republic in the conditions of the EAEU and world practice. *Aktual'nye voprosy sovremennoy ekonomiki* [Actual Issues of the Modern Economics], 2020, no. 5, pp. 517–524 (in Russian). <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.94.17.191>
 6. Stratonova N. V. The development trends of the national dairy industry standardization objects under EAES conditions. In: *Aktual'nye voprosy molochnoy promyshlennosti, mezhotraslevye tekhnologii i sistemy upravleniya kachestvom*. Pod red. A. G. Galstian [Galstian A. G. (ed.). Topical Issues of the Dairy Industry, Interindus-
 - trial Technologies and Quality Management Systems]. Moscow, VNIMI Publ., 2020, iss. 1, pp. 519–525 (in Russian). <https://doi.org/10.37442/978-5-6043854-1-8-2020-1-519-525>
 7. Chasovsky V. I. The influence of center-peripheral development on the change in the territorial structure of industry of the CIS countries. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 2008, no. 2, pp. 11–19 (in Russian).
 8. Eralieva A. A. The modernization of industrial enterprises in the digital economy of the Eurasian Economic Union. *Research Result. Economic Research*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 41–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2021-7-3-0-3>
 9. Yampolskaya D. O., Aliyeva K. A. EAEU single market: Case of electronics industry. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2020, no. 12, pp. 33–52 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10120>
 10. Tsy-pin A. P., Timofeev D. N. Studying the development of Russian industry in 1930–2011 using statistical methods. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2014, no. 1 (39), pp. 54–59 (in Russian).
 11. Tsy-pin A. P. Retrospective analysis of the development of industrial production of the republics of the USSR for 1950–1990. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments], 2018, no. 5, pp. 31–35 (in Russian). EDN: XVILGX
 12. *National Accounts*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Downloads> (accessed May 14, 2023).
 13. World Bank Open Data. *World Bank*. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed May 14, 2023).
 14. *Statistical Review of World Energy*. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed May 14, 2023).
 15. Steel Statistical Yearbooks. *The World Steel Association (worldsteel)*. Available at: <https://worldsteel.org/steel-topics/statistics/steel-statistical-yearbook/> (accessed May 14, 2023).
 16. *Forestry Production and Trade*. Available at: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FO> (accessed May 14, 2023).
 17. *International Trade Statistics Yearbook*. Available at: <https://comtradeplus.un.org/Publication/ITSY> (accessed May 14, 2023).

Поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 20.07.2023
 The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 20.07.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 420–427

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 420–427

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-420-427>, EDN: PRBJNG

Научная статья

УДК 330.34

Формирование и развитие цифровой экономики на региональном уровне

А. А. Тусков^{1,2}✉, А. А. Спиридонова²

¹Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, 109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73

²Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Тусков Андрей Анатольевич, кандидат экономических наук, ¹заместитель директора по научно-исследовательской работе, заведующий кафедрой «Информационные системы и цифровые технологии», ²доцент кафедры «Цифровая экономика», me@tuskov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-2676>

Спиридонова Анна Андреевна, магистр экономики, anya.samoshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8395-9860>

Аннотация. Введение. Исследователи всего мира находятся в поиске новых источников и движущих сил экономического развития и роста. В этой связи цифровая экономика становится одним из основных внутренних факторов, стимулирующих экономическую активность страны и ее регионов. Поэтому его появление, развитие и измерение становятся приоритетными в настоящее время. **Теоретический анализ.** Важно отметить, что становление цифровой экономики связано с основными трендами развития экономики, которые сложились в результате третьей и четвертой промышленных революций. Таким образом, цифровая экономика отражает переход от третьей к четвертой промышленной революции. Промышленные революции связаны с коренным изменением старых технологических укладов и появлением совершенно новых технологий, которые оказывают огромное влияние на развитие, способствуют преобразованию экономики и других сфер. **Эмпирический анализ.** В процессе исследования был рассмотрен процесс цифровой трансформации не только на национальном уровне, но и на уровне регионов Российской Федерации. Выявлено, что цифровизация внутри страны, в отдельных регионах, происходит крайне неравномерно. Есть небольшая группа лидирующих городов с высоким уровнем цифрового развития, а есть множество регионов, отстающих, в которых население имеет ограниченный доступ к современным технологиям. Помимо разрыва в доступе к цифровым технологиям и Интернету, существует неравенство в цифровых компетенциях, знаниях и навыках пользователей, способах использования технологий. **Результаты.** В нынешних реалиях государствам для обеспечения своего развития, конкурентоспособности на мировой арене, поддержания суверенитета и национальной безопасности, а также улучшения уровня жизни и благосостояния населения необходимо стимулировать цифровизацию экономики и других сфер жизни общества, подходить к этому комплексно и системно, разрабатывать дорожные карты и национальные программы развития цифровой экономики и следовать им. Определенный теоретический интерес представляют существующие модели перехода к цифровой экономике и опыт зарубежных стран по формированию ее экосистемы. Их анализ позволит сравнить и оценить уровень цифровизации России, разработать рекомендации для более ускоренного и качественного цифрового развития.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые технологии, цифровой разрыв, бизнес-модель, региональное развитие

Для цитирования: Тусков А. А., Спиридонова А. А. Формирование и развитие цифровой экономики на региональном уровне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 420–427. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-420-427>, EDN: PRBJNG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital economy formation and development at the regional level

A. A. Tuskov^{1,2}✉, A. A. Spiridonova²

¹K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University), 73 Zemlyanoy Val St., Moscow 109004, Russia

²Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Andrey A. Tuskov, me@tuskov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-2676>

Anna A. Spiridonova, anya.samoshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8395-9860>

Abstract. Introduction. Researchers around the world are in search of new sources and drivers of economic development and growth. In this regard, digital economy is becoming one of the main internal factors stimulating the economic activity of the country and its regions. Therefore,

its emergence, development and measurement are becoming a priority at present. **Theoretical analysis.** It is important to note that the formation and development of digital economy is associated with the main trends in economic development that have developed as a result of the third and fourth industrial revolutions. In this way, digital economy reflects the transition from the third to the fourth industrial revolution. Industrial revolutions are associated with a radical change in old technological modes and the emergence of completely new technologies that have a huge impact and contribute to the transformation of the economy and other areas. **Empirical analysis.** In the course of the study, the process of digital transformation was considered not only at the national level, but also at the level of the regions of the Russian Federation. It was revealed that digitalization within the country, in some regions, is extremely uneven. There is a small group of leading cities with a high level of digital development, and there are many regions that lag behind, in which the population has limited access to modern technologies. In addition to the gap in access to digital technologies and the Internet, there is an inequality in digital competencies, knowledge and skills of users, and ways of using technology. **Results.** In current reality, in order to ensure their development, competitiveness on the world stage, maintain sovereignty and national security, as well as to improve the standard of living and well-being of the population, states need to stimulate the digitalization of the economy and other spheres of society, approaching this comprehensively and systematically, develop roadmaps and national programs for the development of digital economy, follow their transition to digital economy and use foreign countries experience in the formation of its ecosystem. Their analysis will make it possible to compare and assess the level of digitalization in Russia, to develop recommendations for faster and higher quality digital development.

Keywords: digital economy, digitalization, digital transformation, digital technologies, digital gap, business model, regional development

For citation: Tuskov A. A., Spiridonova A. A. Digital economy formation and development at the regional level. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 420–427 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-420-427>, EDN: PRBJNG This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Формирование цифровой экономики является важнейшей стратегической задачей страны, решение которой обеспечит ускорение экономического роста, национальную безопасность и независимость России, конкурентоспособность отечественных компаний, появление новых компетенций и профессий, ускорение процессов и повышение уровня благосостояния населения.

Цифровая трансформация страны требует, в первую очередь, цифровой трансформации составляющих ее регионов. Поэтому в рамках данного исследования значительный акцент делался на изучении аспектов регионального цифрового развития, обеспечивающего повышение конкурентоспособности российских регионов, создание безопасных и комфортных условий для жизни граждан.

Цель исследования заключалась в изучении и моделировании процесса формирования цифровой экономики на региональном уровне. В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи:

- изучить подходы к понятию «цифровая экономика», ее становление и развитие;
- рассмотреть национальные модели развития цифровой экономики и оценить место России в международных рейтингах цифровизации;
- провести оценку и сравнение цифрового развития регионов России;
- определить роль цифровых навыков в региональном развитии и дать рекомендации по подготовке кадров для цифровой экономики;
- осуществить прогноз уровня цифрового развития России на основе нейронных сетей;
- предложить методику бизнес-моделирования регионального развития.

Научной базой для исследования послужили отечественные и зарубежные сборники статистической отчетности, публикации государственных органов и министерств, официальные источники и данные сети Интернет, научная и справочная литература, учебные и периодические издания.

Теоретический анализ

Цифровая трансформация страны невозможна без участия регионов, и главная задача Правительства РФ – их вовлечение в реализацию национального проекта по становлению и развитию цифровой экономики в России. Одним из первостепенных факторов цифровой трансформации является обеспечение покрытия Интернетом населенных пунктов России. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был принят федеральный проект «Информационная инфраструктура», определяющий ключевые показатели, которые необходимо достичь. Например, к 2024 г. все медицинские, образовательные учреждения, органы государственной власти и местного самоуправления, а также 97% домохозяйств должны иметь широкополосный доступ к Интернету на скорости не менее 100 Мбит/с. Помимо этого, разработан план по развитию на территории России сетей пятого поколения (5G) и отечественных цифровых платформ [1].

Эмпирический анализ

На рис. 1 представлена доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету в 2021 г. [2, с. 284].

Рис. 1. Домашние хозяйства, имеющие широкополосный доступ к Интернету в 2021 г., по субъектам РФ (в % от общего числа домохозяйств) (цвет онлайн)

Fig. 1. Households with broadband Internet access in 2021, by constituent entities of the Russian Federation (in % of total number of households) (color online)

Анализ рис. 1 показывает, что по доступу к Интернету в 2021 г. лидируют следующие субъекты:

- Ямало-Ненецкий АО – 98,4% населения имеет выход в Интернет;
- Чеченская Республика – 96,2%;
- г. Москва – 94,4%;
- Ханты-Мансийский АО – 94,2%;
- Оренбургская область – 93,2%;
- Магаданская область – 93,1%;
- Республика Калмыкия – 92,6%;
- Чукотский АО – 92,0%;
- Республика Тыва – 89,8%;
- Кабардино-Балкарская Республика – 89,3%.

Самое низкое интернет-покрытие в 2021 г. имеют: Новгородская область (69,5%), Республика Марий Эл (70,1%), Рязанская область (70,9%), Еврейская автономная область (70,9%) и др. В Пензенской области удельный вес домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, составил 79,7% [2, с. 295].

Разрыв в доступе к услугам связи между лидирующими субъектами и аутсайдерами значительный, даже в Рязанской области, которая соседствует с Московской, 29,1% домохозяйств не были подключены к Интернету.

Некоторые населенные пункты и отдаленные территории не имеют доступа к высокоскоростному Интернету, так как строительство волоконно-оптических линий связи в этих местностях высокочрезмерно или невозможно. Для устранения этой проблемы в январе 2022 г.

в национальную программу был включен проект «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи», предполагающий запуск к 2024 г. пяти спутников, обеспечивающих доступ в Интернет в труднодоступных территориях. Спутниковый Интернет имеет высокую стоимость, и правительство планирует потратить на его внедрение 63,86 млрд руб., в том числе из федерального бюджета – 33,38 млрд руб., еще 30,48 млрд руб. – из внебюджетных источников [3]. В качестве внебюджетных источников рассматривается Фонд национального благосостояния.

Средний темп прироста доли домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, с 2013 г. составил 4,6%. Регионы с более низкими значениями росли гораздо быстрее регионов-лидеров. В результате действий со стороны правительства, внедрения новых проектов и их финансирования можно отметить постепенное сокращение разрыва в доступе к Интернету между субъектами.

Цифровая трансформация коснулась не только населения, органов власти, но и бизнеса. Без оптимизации бизнес-моделей, процессов, внедрения современных технологий компаниям будет очень сложно поддерживать собственную эффективность и положение на рынке в условиях растущей конкуренции и требований со стороны клиентов, некоторые из них даже могут исчезнуть. В табл. 1 представлены данные по использованию цифровых технологий организациями по федеральным округам и России в целом.

Таблица 1 / Table 1

Удельный вес организаций, использующих цифровые технологии, в общем числе организаций в 2021 г., % [2, с. 293]

The share of organizations using digital technologies in the total number of organizations in 2021, % [2, p. 293]

Регионы	Облачные сервисы	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	Цифровые платформы	ERP-системы	Интернет вещей	Геоинформационные системы	Технологии ИИ
Российская Федерация в целом, в том числе:	27,1	25,8	14,7	13,8	13,7	12,6	5,7
Центральный федеральный округ	28,9	25	15,5	15,5	14,2	11,2	6,6
Северо-Западный федеральный округ	28,2	25,6	14,9	14,6	13,5	13,1	5,4
Южный федеральный округ	24,7	26,3	14,0	11,6	13,1	12,2	5,5
Северо-Кавказский федеральный округ	26,0	28,6	14,6	11,8	17,2	13,0	5,3
Приволжский федеральный округ	27,8	23,8	14,1	14,1	13	12,6	5,5
Уральский федеральный округ	26,8	30,8	16,3	15,4	15,4	14,7	6,2
Сибирский федеральный округ	25,1	25,1	14,4	12,2	12,1	13,9	4,7
Дальневосточный федеральный округ	23,8	28,2	12,6	9,7	13,3	13,2	3,9

На рис. 2 отражена средняя доля организаций, использующих цифровые технологии в целом по федеральным округам.

Исходя из данных табл. 1, можно сделать вывод о том, что в целом по Российской Федерации лишь 16,2% организаций используют в своих

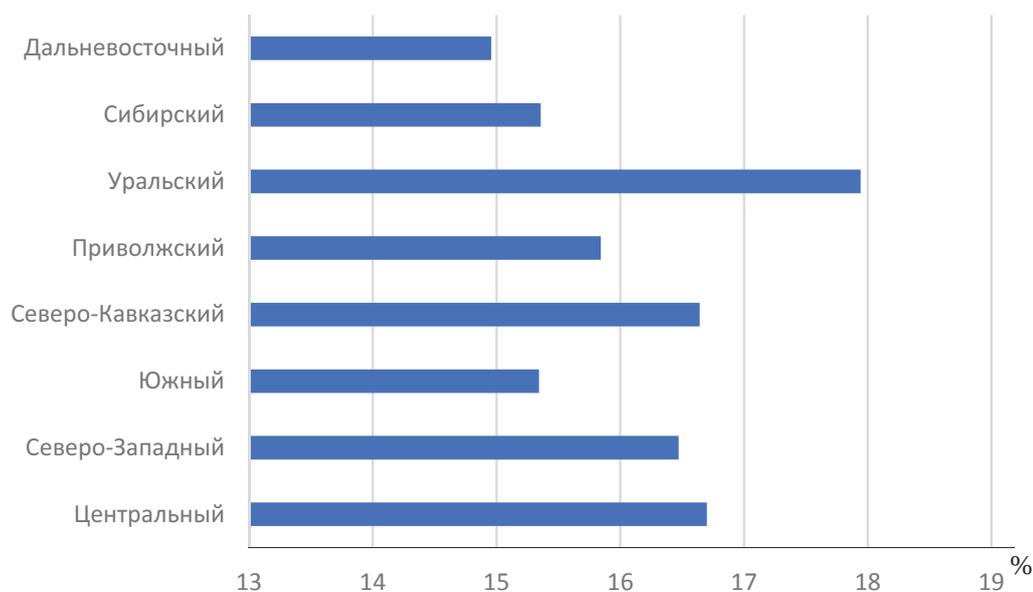

Рис. 2. Средняя доля организаций, использующих цифровые технологии, по федеральным округам в 2021 г.

Fig. 2. Average share of organizations using digital technologies by federal districts in 2021

процессах какие-либо из приведенных цифровых технологий. Большее распространение в бизнесе получили облачные сервисы и технологии работы с большими данными, тогда как технологии искусственного интеллекта применяют лишь 5,7% компаний.

Самым развитым в части цифровизации бизнеса является Уральский федеральный округ, в который входят субъекты, имеющие почти одинаковый и относительно высокий уровень цифрового развития организаций. На втором месте – Центральный ФО, в который входит самая развитая Московская область (в среднем 21,5% организаций используют цифровые технологии). Есть и отстающие области – Брянская (13,8%), Курская (13,7%), Тверская (13,2%). Аутсайдером является Дальневосточный федеральный округ (например, в Камчатском крае доля организаций, использующий цифровые технологии, в среднем составляет лишь 11,6%).

В 2021 г. в России был создан федеральный проект «Цифровой регион», в рамках которого планируется внедрение технологий и платформенных решений в экономике, социальной сфере, в сферах государственного и муниципального управления регионов. Выделено пять ключевых отраслей экономики и социальной сферы, необходимых для комплексного национального цифрового развития [4]:

- здравоохранение;
- образование;
- государственное управление;
- транспорт и логистика;
- городская сфера и ЖКХ.

Также Минстроем России совместно с МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках проекта «Умный город» был разработан показатель, оценивающий эффективность мероприятий по цифровой трансформации города – индекс IQ города. Оценка производится по 47 показателям, разделенным на 10 направлений: городское управление, умное жилищно-коммунальное хозяйство, инновации для городской среды, умный городской транспорт, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, туризм и сервис, интеллектуальные системы социальных услуг, экономическое состояние и инвестиционный климат, а также инфраструктура сетей связи [30]. На сайте проекта «Умный город» представлена карта, на которой рассчитаны IQ индексы 213 городов России [5]. Задачей является увеличение среднего значения IQ городов в перспективе.

В табл. 2 и 3 приведен рейтинг лидирующих и отстающих городов по IQ индексу, рассчитанному по итогам 2021 г. Максимальное значение IQ индекса – 120 баллов.

По сравнению с 2020 г. среднее значение индекса выросло на 16%, однако составило всего 52,60 балла, что говорит о недостаточной эффективности мероприятий по цифровой трансформации городов. Например, IQ индекс Пензы на конец 2021 г. составил всего 37,97 балла. Самое низкое значение у Читы – 8,25 балла, что в 14 раз меньше IQ индекса лидирующего города. Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация внутри страны, в отдельных регионах, происходит крайне неравномерно.

Таблица 2/ Table 2

Города-лидеры по IQ индексу (баллы) в 2021 г. [5]
Leading cities by IQ index (scores) in 2021 [5]

Крупнейшие города (>1 млн чел.)	IQ индекс	Крупные города (250 тыс. – 1 млн чел.)	IQ индекс	Большие города (100–250 тыс. чел.)	IQ индекс
Москва	117,16	Тюмень	100,75	Ханты-Мансийск	91,61
Санкт-Петербург	98,13	Рязань	87,76	Реутов	85,34
Нижний Новгород	88,26	Сургут	86,25	Королев	83,86
Уфа	86,7)	Химки	83,98	Орехово-Зуево	82,76
Казань	85,0	Кострома	78,68	Ноябрьск	82,01
Красноярск	75,97	Череповец	76,98	Нижнекамск	81,55
Волгоград	72,95	Белгород	75,93	Одинцово	81,53
Челябинск	70,97	Хабаровск	73,92	Раменское	79,73
Воронеж	70,57	Новороссийск	71,48	Жуковский	79,35
Пермь	67,71	Мурманск	70,24	Красногорск	79,12

Таблица 3 / Table 3

Города-аутсайдеры по IQ индексу (баллы) в 2021 г. [5]
Outsider cities by IQ index (scores) in 2021 [5]

Крупнейшие города (>1 млн. чел.)	IQ индекс	Крупные города (250 тыс. – 1 млн чел.)	IQ индекс	Большие города (100–250 тыс. чел.)	IQ индекс
Екатеринбург	60,22	Вологда	38,11	Бердск	33,66
Самара	57,31	Пенза	37,97	Таганрог	33,15
Омск	37,88	Тольятти	37,50	Норильск	32,01
Ростов-на-Дону	37,08	Владикавказ	31,31	Назрань	30,64
Новосибирск	34,65	Йошкар-Ола	30,97	Псков	27,41
		Архангельск	25,77	Братск	27,35
		Симферополь	22,68	Абакан	26,97
		Астрахань	21,95	Железногорск	24,01
		Улан-Удэ	17,67	Армавир	23,65
		Чита	8,25	Хасавюрт	13,72

Есть небольшая группа лидирующих городов с высоким уровнем цифрового развития, а есть множество регионов, отстающих, в которых население имеет ограниченный доступ к современным технологиям.

Результаты

Проблема цифрового неравенства сдерживает экономический рост, ставит под вопрос повышение уровня образования, без которого не будут развиваться наука, медицина, технологии и т. д., еще больше усиливает социальное, экономическое и культурное неравенство людей. Можно сделать вывод о том, что в разных городах и регионах уровень цифровизации может отличаться в несколько раз, т. е. цифровая трансформация на региональном уровне происходит неравномерно и цифровой разрыв между субъектами усиливается. Это приводит к тому, что жители наиболее развитых территорий имеют доступ к полному спектру цифровых услуг, но такая возможность есть не у всех населенных пунктов, что отрицательно сказывается на их социальном и экономическом развитии. Для преодоления цифрового неравенства необходимо выявить факторы, его обуславливающие, и разработать мероприятия по устранению разрыва.

Быстрые темпы технологических изменений, с одной стороны, способствуют развитию цифровых технологий и сервисов, а с другой стороны, затрудняют прогнозирование характера цифровых навыков в будущем. В современных реалиях для преодоления цифрового разрыва в

навыках населения страны необходимо обучаться и развиваться в цифровых компетенциях на протяжении всей жизни, начиная со школьного возраста и до старости [6].

На этапе становления и развития цифровой экономики в регионах возникает необходимость описания и анализа существующей ситуации в субъектах. Получить наглядное представление о положении региона с позиций его инновационного и цифрового развития, перспектив и точек роста, выявления существующих проблем можно с помощью инструментов моделирования. На данный момент нет разработанных практических моделей оценки цифрового статуса и положения региона, которые бы применялись в качестве эталона и позволили получить видимое представление о текущем положении и перспективах роста объекта исследования.

В рамках проводимого исследования было принято решение о модификации канвы А. Остервальдера и попытке ее наложения на модель регионального цифрового развития с учетом технологических и инновационных аспектов цифровизации. На рис. 3 представлена модифицированная модель Остервальдера в контексте регионального цифрового развития. В качестве примера рассматривалась Пензенская область, входящая в Приволжский федеральный округ. Модель будет составляться по 9 классическим блокам, однако описание этих блоков подстроено под характер проводимого исследования, т. е. наложение модели осуществляется по содержанию.

 <p>Ключевые партнеры</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Федеральные органы власти ☐ другие регионы ☐ высокотехнологичные страны (АСЕАН) ☐ технологичный бизнес 	 <p>Ключевые виды деятельности</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ стимулирование развития высокотехнологичных производств на территории Пензенской области ☐ изменение приоритетных направлений в структуре подготовки кадров ☐ цифровая трансформация АПК 	 <p>Ценностные предложения</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ разработка стратегий и программ развития цифровой экономики региона ☐ интенсивное развитие ГЧП ☐ достижение «цифровой зрелости» региона ☐ повышение инвестиционной привлекательности региона 	 <p>Взаимодействие с потребителями</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ персональная поддержка, личное взаимодействие ☐ удаленная поддержка ☐ самообслуживание 	 <p>Потребительские сегменты</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ население ☐ бизнес
<p>Структура издержек</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ расходы в соответствии с государственными и региональными программами ☐ прочие расходы в рамках регионального бюджета 	 <p>Ключевые ресурсы</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ высококвалифицированная команда гос. управленцев ☐ финансовые ресурсы ☐ государственное и муниципальное имущество ☐ нормативно-правовая база (правовые) ☐ трудовые ресурсы ☐ экономико-географическое положение 	 <p>Потоки доходов</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ налоговые и неналоговые поступления в региональный бюджет 	 <p>Каналы взаимодействия</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ СМИ ☐ Интернет (сайты Пензенской области, социальные сети, региональные и государственные порталы и цифровые платформы) ☐ горячие линии ☐ администрация, МФЦ ☐ традиционная почта 	

The Business Model Canvas: <http://www.businessmodelgeneration.com>
This work is licensed under the Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported License.

Рис. 3. Модифицированная канва А. Остервальдера для описания регионального цифрового развития на примере Пензенской области

Fig. 3. Modified canvas A. Osterwalder for the description of regional digital development on the example of the Penza region

Выводы

Таким образом, в итоге была построена модель А. Остервальдера в контексте регионального развития на примере Пензенской области с учетом технологических и инновационных аспектов цифровизации. Она может использоваться для оценки текущего уровня технологического и цифрового развития региона, нахождения связей отдельных аспектов цифровизации, слабых мест и выявления перспектив.

Список литературы

1. Федеральный проект «Информационная инфраструктура» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/?utm_referrer=https%3a%2f%2fdigital.gov.ru%2f%2factivity%2fdirections%2f858%2f%3futm_referrer%3dhttps%253a%252f%252fwww.google.com%252f (дата обращения: 03.05.2023).
2. Индикаторы цифровой экономики: Статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 334 с.
3. Федеральный проект «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/?utm_referrer=https%3a%2f%2fnova.rambler.ru (дата обращения: 03.05.2023).
4. Спиридонова А. А. Цифровой разрыв регионов: оценка, факторы и способы его преодоления // Инновации в науке, образовании и бизнесе. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://fortus-science.ru/index.php/rgu1/article/view/372> (дата обращения: 10.06.2023).
5. Умный город. URL: <https://russiasmartcity.ru/iq> (дата обращения: 08.05.2023).
6. Спиридонова А. Цифровые навыки населения как фактор успешной цифровой трансформации экономики России и преодоления разрыва // Fortus: экономические и политические исследования. 2022. Т. 5, № 4 (18). [Электронный ресурс]. URL: <https://fortus-science.ru/index.php/fs/article/view/400> (дата обращения: 08.05.2023).

References

1. Federal Project "Information Infrastructure". *Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsiy Rossiyskoy Federatsii* (Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation). Available at: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/?utm_referrer=https%3a%2f%2fdigital.gov.ru%2fru%2factivity%2fdirections%2f858%2f%3futm_referrer%3dhttps%253a%252f%252fwww.google.com%252f (accessed May 3, 2023) (in Russian).
2. *Indikatory tsifrovoy ekonomiki: Statisticheskiy sbornik* [Indicators of the Digital Economy. Statistical Compendium]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2022. 334 p. (in Russian).
3. Federal Project "Ensuring Internet Access through the Development of Satellite Communications". *Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsiy Rossiyskoy Federatsii* (Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation). Available at: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/?utm_referrer=https%3a%2f%2fnova.rambler.ru (accessed May 3, 2023) (in Russian).
4. Spiridonova A. A. Digital Gap of Regions: Assessment, Factors and Ways to Overcome It. *Innovatsii v nauke, obrazovanii i biznese* (Innovations in Science, Education and Business). 2021. [Electronic resource]. Available at: <https://fortus-science.ru/index.php/rgu1/article/view/372> (accessed June 10, 2023) (in Russian).
5. *Umnyy gorod* (Smart city). Available at: <https://russiasmartcity.ru/iq> (accessed May 8, 2023) (in Russian).
6. Spiridonova A. Digital Skills of the Population as a Factor of Successful Digital Transformation of the Russian Economy and Overcoming the Gap. *Fortus: Economic and Political Research*, 2022, vol. 5, no. 4 (18). [Electronic resource]. Available at: <https://fortus-science.ru/index.php/fs/article/view/400> (accessed May 8, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 22.07.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted 22.07.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 10.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 428–438

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 428–438

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-428-438>, EDN: ХСКАХР

Научная статья

УДК 338

Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы

И. В. Вешнева

Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410005, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вешнева Ирина Владимировна, доктор технических наук, профессор кафедры информационных систем и технологий в обучении, veshnevaiv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3908-370X>

Аннотация. Введение. Решение задач повышения производительности труда, формирование прозрачности основных бизнес-процессов, создание новых производств требуют не только новых производственных технологий, но и организации информационных процессов, таких как сбор, хранение, обработка, анализ, выдачи ответа на запросы по информации, сопровождающей производственные процессы. Одним из наиболее перспективных инструментов решения этих задач являются технологии искусственного интеллекта. **Теоретический анализ.** Представлена классификация технологий искусственного интеллекта, выделены направления: машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение, экспертные системы, усовершенствованное планирование, распознавание речи, робототехника. Дана характеристика основным технологиям внутри выделенной классификации. Для описания ограничений развития искусственного интеллекта использованы уровни ограничения развития физической реализации, безопасности использования, взаимодействия с окружением, уровень признания, возможности самоактуализации. Перспективы и риски структурированы как наборы аналогичных уровней, дополненные уровнем анализа в области энергетики. **Заключение.** Выявлено, что для обеспечения развития Общества 5.0 необходимо создание инновационных площадок и мегарегиональных кластеров для кооперации органов власти, предпринимателей, исследовательских центров в области технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберфизические системы, риски, безопасность, машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение, экспертные системы, усовершенствованное планирование, распознавание речи, робототехника, устойчивое развитие России, Общество 5.0

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 22-010-00465).

Для цитирования: Вешнева И. В. Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 428–438. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-428-438>, EDN: ХСКАХР

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Artificial intelligence technologies: Classification, limitations, prospects and threats

I. V. Veshneva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Veshneva, veshnevaiv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3908-370X>

Abstract. Introduction. Solving the problems of increasing labor productivity, creating transparency of key business processes, and creating new production facilities require not only new production technologies, but the organization of information processes, such as collection, storage, processing, analysis, and issuing responses to requests for information accompanying production processes. One of the most promising tools for solving these problems is AI technologies. **Theoretical analysis.** A classification of artificial intelligence technologies is presented, the following areas are highlighted: machine learning, natural language processing, computer vision, expert systems, advanced planning, speech recognition, robotics. The characteristics of the main technologies within the selected classification are given. To describe the limitations of the artificial intelligence development, the following levels of development limitation were used: physical implementation, safety of use, interaction with the environment, level of recognition, and the possibility of self-actualization. Prospects and risks are structured as sets of similar levels, complemented by a level of energy analysis. **Conclusion.** It has been revealed that to ensure the development of Society 5.0, it is necessary to create innovative platforms and mega-regional clusters for cooperation between authorities, entrepreneurs, and research centers in the field of artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence, cyber-physical systems, risks, security, machine learning, natural language processing, computer vision, expert systems, advanced planning, speech recognition, robotics, sustainable development in Russia, Society 5.0

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 22-010-00465).

For citation: Veshneva I. V. Artificial intelligence technologies: Classification, limitations, prospects and threats. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 428–438 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-428-438>, EDN: XCKAXR
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» действует федеральный проект «Искусственный интеллект», ставящий своей основной задачей создание условий для широкого внедрения продукции, базирующейся на отечественных технологиях искусственного интеллекта (ИИ) [1]. Однако сегодня уровень внедрения ИИ в России в три раза ниже, чем в мире [2]. Вместе с тем в ключевых отраслях промышленности более 20% российских компаний внедрили технологии ИИ, что принесло рост рентабельности на 5% и позволит увеличить рост ВВП России на 1% к 2025 г. Однако более 50% опрошенных собственников компаний не знают о технологиях ИИ [2]. Решение задач повышения производительности труда, формирование прозрачности основных бизнес-процессов, создание новых производств требуют не только новых производственных технологий, но и организации информационных процессов, таких как сбор, хранение, обработка, анализ, выдачи ответа на запросы по информации, сопровождающей производственные процессы. Одним из наиболее перспективных инструментов решения этих задач являются технологии ИИ. Их применение демонстрирует значительный экономический эффект в здравоохранении [3], торговле, транспорте, логистике, автоматизированном производстве, банковском деле и т. д. [4]. Многие страны разрабатывают или внедряют собственные стратегии использования и развития ИИ [5]. В численности научных работ, посвященных проблемам разработки систем ИИ, наблюдается 8-кратный рост за последние пять лет. В работе [6], посвященной обзору технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, проводится анализ препятствий на пути внедрения ИИ в экономику, в том числе ресурсных.

Цель исследования – провести классификацию развитых технологий искусственного интеллекта, выявить и структурировать возможные ограничения роста технологий ИИ, перспективы внедрения в различные сферы социально-экономических систем и возможные риски, особое внимание уделив специфике развития России.

Для реализации поставленной цели предложен оригинальный подход к разработке струк-

турирования оценок показателей внедрения технологий ИИ. Основываясь на предположении, что ИИ имитирует мышление человека, отдельные показатели применения ИИ можно систематизировать на основе трехгранной пирамиды: ограничения, перспективы, угрозы. Для понимания сложности круга анализируемых проблем в статье представлена классификация технологий ИИ.

Теоретический анализ

Классификация технологий искусственного интеллекта. Определимся с основной терминологией. ИИ понимается как свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека [7]. В структуре ИИ можно выделить следующие направления.

- Машинное обучение [8].
- Компьютерное зрение [9].
- Обработка естественного языка [10].
- Экспертные системы [10, 11].
- Усовершенствованное планирование.
- Распознавание речи.
- Робототехника [8, 12].

Применение различных технических программных средств во многих случаях может быть подвергнуто классификации весьма условно. Это позволяет утверждать, что возможности развития ИИ следует рассматривать с различных аспектов. Одним из значимых аспектов классификации может быть область использования ИИ [13]. Отмечено, что методы ИИ наиболее часто используются в медицине, сельском хозяйстве и образовании [6, 13]. Однако требуется ускорить использование методов ИИ в социально-экономических системах [1, 2].

Основываясь на предположении, что ИИ имитирует мышление человека, отдельные показатели применения ИИ можно систематизировать на основе трехгранной пирамиды: ограничения, перспективы, угрозы. Каждая грань структурирована по принципу, подобному структуре пирамиды Маслоу, исключая эстетические потребности. В таблице представлены структура и аналогии с известной пирамидой Маслоу. Нумерация проведена снизу вверх для подчеркивания обосновывающей аналогии.

**Структура ограничений, перспектив и угроз внедрения ИИ
в различные сферы социально-экономических систем**

*Table. Structure of limitations, prospects, and threats of introducing AI into various areas
of socio-economic systems*

№	Пирамида Маслоу: потребности	Ограничения систем ИИ	Перспективы систем ИИ	Угрозы развития и использования систем ИИ
6	Самоактуализации	Функционируют в собственной сконструированной реальности	Создание специфического интеллектуального пространства, взаимодействующего с метавселенной	Трансформация языков и мышления, поиск экзистенциальных и онтологических смыслов
5	Познавательные	Перепрограммирование, «короткая» память систем ИИ	Достижение успеха и высокой оценки, признания	Требуется гарантия положительного успеха внедрения ИИ
4	В уважении	Уровень признания, достижения успеха, служебный рост	Системы коммуникаций цифровых двойников типа объект-объектного взаимодействия	Ядра ИИ могут организовать свой цифровой рынок с собственными правилами конкурентной борьбы
3	В принадлежности к группе	Уровень взаимодействия с окружением – модели взаимодействия киберфизических систем	Безопасность, реализуемая через киберфизические системы и коботы	Риски противоправных операций с личными данными, возможность манипулирования системами жизнеобеспечения
2	В безопасности	Безопасность данных	Промышленность как ключевой драйвер развития ИИ	Разрыв промышленных связей
1	Физиологические	Физическая реализация	Энергетика: качественно новые характеристики надежности, эффективности, доступности и управляемости	Экологические: существенный углеродный след систем ИИ

Рассмотрим данную структуру подробнее.

Ограничения систем искусственного интеллекта

В середине XX в. первые исследователи технологий ИИ выражали уверенность, что через 10 лет появятся интеллектуальные машины, способные мыслить на уровне человека. Однако внутренние ограничения развития технологий ИИ привели к замораживанию в развитии отрасли. Одним из многообещающих проектов последнего десятилетия выступила идея беспилотных транспортных средств. Например, Business Insider в 2016 г. предсказывал, через три–четыре года, уже к 2020-му по дорогам будут мчаться 10 млн беспилотных автономных такси. Эти предсказания пока не сбылись. Завышенные ожидания быстрых высоких результатов в отношении прогресса технологий ИИ опасно. Если развитие технологий ИИ не оправдает серьезных инвестиций в прогнозируемые короткие сроки, то может наступить новый отток средств и исследований из отрасли, что приведет к новому периоду «зимы ИИ». Попробуем выделить основные направления, в которых бурно развивающиеся технологии ИИ испытывают ограничения. Для создания

предварительной классификации ограничений используем структуру пирамиды Маслоу.

1. *Уровень физической реализации.* Физические, внутренние ограничения связаны с большим разрывом между возможностями ИИ и человеческого мозга. Человеческий мозг средним объемом 1500 см³ содержит около 90 млрд нейронов, это около 17 млрд узлов сети в 1 см³, что значительно превышает мощность существующий искусственной нейронной сети (ИНС). Самые мощные из действующих сетей не превышают 1 мм³ мозга человека по количеству узлов. Кроме того, важно понимать, что ИИ – это только модель мозга, которая работает не так, как мозг. Сложность модели не позволяет понять ход процесса принятия решений системой. Обучение нейронных сетей требует больших вычислительных и энергетических ресурсов. Исследователи [14] утверждают, что сегодня развитие традиционного ИИ подошло к пределу своих концептуальных возможностей, поэтому требуется разработка альтернативных алгоритмов и подходов к созданию интеллектуальных систем, например, квантовые вычисления, распределенные системы, нейроморфные системы

2. *Безопасность использования ИИ связана с данными.* Для того чтобы система ИИ смогла принимать решения, нужно спроектировать набор возможных решений, предоставить системе данные и «научить» принимать правильные решения. Собрать данные, структурировать и предоставить их в объеме, точно соответствующем требованиям решаемой задачи, – это трудоемкий процесс. Данные редко бывают «хорошими». Если систему обучить на таких данных, можно получить не вполне ожидаемые результаты. Например, компания Twitter создала чатбота Тэй с аватаркой и манерами 19-летней американки. За первые сутки общения чатбота с пользователями сети системы ИИ бот Тэй превратилась в расиста и сексиста. Созданный специалистами фирмы Hanson Robotics в 2016 г. человекоподобный робот София в публичном интервью со своим создателем неожиданно заявила о намерении «уничтожить человечество» [15]. Существует опасение, что ИИ не способен делать четкие, позитивно интерпретируемые выводы об объективной реальности, он создает свою собственную сконструированную реальность, которая служит основой для ограниченных выводов. Кроме того, обучение систем ИИ всегда строится на ранее собранных базах данных, экстраполяция которых приводит к ошибкам, которые невозможно отследить в ИНС.

Кроме качества и количества поступающих данных, можно выделить следующие ограничения: хрупкость (система неспособна адаптироваться к изменениям входных данных), забывание (при изучении ИНС новой задачи старые задачи забываются), сконструированная реальность (ИНС не способны оценивать обстоятельства и действовать в соответствии с ними), рискогенность (неспособность ИНС успешно действовать в ситуациях с высокой степенью риска). Также обнаружено, что системы ИИ легко обмануть. Например, изменение цветов фрагментов изображения может привести к полному непониманию системой ИИ изображения. Для программы исследуемые объекты не являются объектами и явлениями, они являются только программным кодом. Для решения различных проблем, связанных с непониманием системами ИИ объективной реальности, предложено использовать цифровых двойников киберфизических систем (см., например, [16]).

Киберфизические системы являются новыми технологиями (*enabling technologies*), позволяющими соединить искусственный, виртуальный, созданный техническими средствами и реальный физический мир, в котором возможно

реализовать взаимодействие распределенных систем технических объектов друг с другом физическими и программными методами. Переход от встроенных в различные объекты управляющих систем к киберфизическим системам, который в документах «проекта будущего» называют четвертой промышленной революцией, приведет как к взаимодействию ИИ – реальный мир, так и к прямому взаимодействию объект ИИ – объект ИИ [17].

3. *Уровень взаимодействия с окружением.* В социально-экономической структуре потребуются создать модели взаимодействия киберфизических систем. Будем полагать, социальные коммуникации «субъект-субъект» выстраиваются на моделировании восприятия одним субъектом действий другого субъекта, субъекта или эмпатии. Отношения «субъект-объект» более 50 лет активно исследуются в работах по человеко-машинному взаимодействию, эргатическим системам, киберфизическим системам, которые основаны на моделировании сценариев взаимодействия, выявлении продукционных правил действие – следствие [18]. Отношения «объект-объект» в среде взаимодействующих систем ИИ требует сложного моделирования, понимания свойств объектов – технических систем ИИ. При этом сложность модели каждой из взаимодействующих систем не позволяет понять ход процесса принятия решений отдельной системой. Не существует развернутых исследований, алгоритмов, шаблонов, описывающих взаимодействие систем ИИ. Важно отметить, что разработка алгоритмов взаимодействия человека и технических систем проводится несколько десятков лет и является молодым, активно развивающимся направлением исследований, в то время как взаимодействие систем ИИ исследовалось только на уровне технических и программных интерфейсов. Каждая система ИИ создает свою собственную реальность, которая служит основой для выводов. Развитие взаимодействия «объект-объект» будет связано с совмещением различных ограниченных проекций реальности и может приводить к конфликтности искусственных реальностей. Процессы обучения технических систем техническими системами имеют слабо предсказуемые последствия, могут возникнуть и происходить стремительно.

4. *Уровень признания, достижения успеха, служебный рост.* Признание результатов работы систем ИИ также является ограничением их использования. Например, экспериментальное внедрение ИИ Deep Patient в американских медицинских клиниках на историях болезни 700 тыс.

пациентов позволило натренировать ИИ прогнозировать заболевания, например онкологию. Параллельно система научилась успешно решать труднейшую для медиков задачу диагностики такого психического заболевания, как шизофрения. При этом ни медицинский персонал, ни создатели системы ИИ так и не смогли понять, по каким признакам Deep Patient абсолютно точно вычислял будущих шизофреников. Законность лечения на основе диагноза, который получен по неизвестным признакам и алгоритмам, не установлена. Легитимность и обоснованность решений на основе результатов, полученных методами ИИ, являются проблемой во всех сферах деятельности и применения технологий ИИ. Необходимо ограничивать результаты использования таких систем границами первичной обработки данных и выдачи рекомендаций человеку, принимающему решения. Кроме того, от подобных систем потребуются изложение примененных методов и логики выработки предлагаемых решений.

5. *«Короткая» память систем ИИ.* При непрерывном обучении новая информация перезаписывает более раннюю; этот эффект называют катастрофическим забыванием.

6. *Самоактуализация является вопросом ценностей и смыслов.* Для основы структурирования ограничений развития технологий технических систем ИИ использована иерархическая модель потребностей человека, представляющая собой упрощенное изложение идей американского ученого А. Маслоу. Однако может ли машина, как и человек, иметь стремление к развитию своих личностных возможностей? И не является ли это вымыслом фантастов? Для обсуждения этих вопросов обратимся к ключевым понятиям синергетики – междисциплинарного направления, в котором результаты исследований по теории лазеров использованы как идейная основа выявления общих закономерностей функционирования живых и неживых систем. Синергетика использует три ключевые идеи: самоорганизация, открытость, нелинейность. В результате самоорганизации через этап хаоса возникает новый порядок или новые структуры. Системы, в которых возможна самоорганизация, должны обладать высоким уровнем сложности взаимодействующих элементов, обмениваться с окружающим пространством веществом, энергией, энтропией (информацией). Даже поверхностный взгляд на ИНС с позиций синергетики позволяет априорно утверждать, что эти системы должны обладать возможностью к самоорганизации, которая произойдет через этап динамического

хаоса. Важно отметить, что системы ИИ являются сложными программно-техническими реализациями нелинейных алгоритмов, им абсолютно чужды совесть и эмпатия, они функционируют в собственной сконструированной реальности, интернально демонстрируют способность к самоорганизации. Системное понимание возможностей экстернальной самоорганизации вероятно на принципах синергетики.

Перспективы технологий искусственно-го интеллекта

Проведем структуризацию перспектив развития ИИ по представленному выше иерархическому принципу с добавлением еще одного уровня «пирамиды» – энергии.

1. *Энергетика.* Формирование индустриального общества стало возможным после первой промышленной революции, которая была основана на инновациях, использовании новых источников энергии – воды (текстильная промышленность), пара (паровые двигатели), каменноугольного кокса (на предприятиях), газа (освещение). Для второй промышленной революции характерна смена основных источников энергии, в промышленности и экономике активно используются электричество и энергия углеводородов (двигатели внутреннего сгорания). Для третьей промышленной революции характерно удешевление энергии в результате использования энергии атома. Для разворачивающейся в настоящее время четвертой промышленной революции предполагается возможность использования альтернативных возобновляемых источников энергии. Однозначно можно говорить о возможностях качественного изменения технологий планирования производства энергии. Применение технологий ИИ позволяет получить точность прогнозирования электропотребления на уровне 96–97%, что дает возможность повысить эффективность энергосбытовых компаний. Например, программа развития электросетевой компании «Россети» [19] предусматривает переход к интеллектуальным сетям типа Smart Grid, которые обладают качественными новыми характеристиками надежности, эффективности, доступности и управляемости. Использование энергии является основой для промышленного производства.

2. *Промышленность.* Инновационные технологии использования энергетических ресурсов позволяют достичь роста производительности труда в десятки раз по сравнению с предыдущим технологическим укладом. Промышленность является аналогом физической среды индустриального общества. Предприятия и организации

во всех отраслях увеличивают свои инвестиции в ИИ с целью сохранения и роста конкурентоспособности.

В 2012 г. произошла третья волна крупных инвестиций в ИИ. Объем инвестиций в технологии ИИ составил около 346,4 млрд долл. и за восемь лет вырос в 26 раз. ИИ присутствует почти в каждом из продуктов экосистемы Google (Search, Cloud, Gaming). Согласно отчетам консалтинговых компаний, количество транзакций, созданных различными информационными системами, с 2019 до 2025 г. вырастет с 10 до 200 млрд долл. [20], к 2027 г. – до 327 млрд долл., максимальные темпы роста применения ИИ будут приходиться (в единицах CAGR – совокупный среднегодовой темп роста): производство – 31,1%; логистика – 24,7%; здравоохранение – 22,0%; финансовый сектор – 21,0%.

Развитие постиндустриального Общества 5.0 в условиях формирования Индустрии 4.0 привело к высокой степени автоматизации и цифровизации промышленности, что открывает возможности для развития сферы ИИ. Консалтинговые компании предполагают, что на основе накопленной в базах данных промышленных предприятий информации именно промышленность станет одним из ключевых драйверов развития ИИ.

Ведущая роль в развитии технологий ИИ в таких странах, как США, Великобритания, странах ЕС принадлежат специализирующимся в области ИИ крупным корпорациям. В России большое значение будет иметь нефтегазовый бизнес. В 2021 г. ПАО «Газпром нефть» выступило в качестве учредителя Ассоциации «Искусственный интеллект в промышленности».

3. *Безопасность.* Активно внедряются технологии киберфизических систем и метавселенной, в которых обеспечена совместная работа человека и роботов, отчасти основанная на использовании коллаборативных роботов (коботы). Технологии разработки коботов подразумевают, что они не могут причинить вред человеку или окружающему физическому пространству. Использование цифровых двойников в киберфизических системах предполагается на всех этапах жизненного цикла продукции и управления производством.

4. *Системы коммуникаций.* Одним из ограничений систем ИИ является специфика функционирования в собственном сконструированном пространстве. В настоящее время ожидается, что искусственно созданные ограниченные проекции реальностей будут объединены в метавселенную, ключевая сила которой заключается

в способности обеспечивать целостный опыт погружения в виртуальную среду благодаря повсеместному и постоянному подключению. В промышленной метавселенной могут содержаться цифровые двойники реальных объектов, имитационные модели распределенных систем, информационные интерактивные системы управления производством.

Можно выделить следующие аспекты использования промышленной метавселенной:

- исследования, разработки, проектирование, моделирование и тестирование продуктов и услуг методами технологий ИИ;

- продвижение бренда методами взаимодействия с клиентами при проведении интерактивных виртуальных мероприятий презентации продуктов и услуг, демонстрации всех этапов производства;

- развитие взаимодействия с цифровыми двойниками клиентов для создания обратной связи и улучшения качества продукции в реальном мире;

- платежи с использованием технологий блокчейна, криптовалют и NFT.

ИИ станет базовым элементом в архитектуре современных кастомизированных производственных систем. Преимущества таких систем – улучшенная производственная эффективность, облегченное профилактическое обслуживание, развитые умные цепочки поставок [21].

Создание кастомизированных производств и метавселенной потребует не только развития и внедрения технологий ИИ, но и преодоления «цифрового ментального разрыва», формирования возможности принятия участниками производственных процессов и их клиентов взаимодействия в виртуальной среде.

5. *Достижение успеха и высокой оценки, признание.* Быстрое развитие и внедрение технологий ИИ требует изменения регулирования прав на результаты создания цифровых услуг, интеллектуальной деятельности, регулирования правомерности доступа технологий ИИ к личным данным и цифровым объектам, признания прав на виртуальные объекты цифровой экосистемы, понимания и правовой легитимности принятия решений на основе работы технологий ИИ, например, в медицинских системах диагностики и др.

Для технологического и промышленного развития России необходимы инновации и реинжиниринг [22]. Современный реинжиниринг, в свою очередь, нуждается в технологиях ИИ. Сокращение импорта микроэлектроники для ИИ

создает угрозу разрыва производственных цепочек. Решением проблемы должен стать запуск программ обратного инжиниринга аппаратного и программного обеспечения. При этом проводится исследование некоторого устройства или программы и сопроводительной документации на него для выявления его принципов работы и воспроизводства аналога [23]. В то же время технологии реинжиниринга потребуют пересмотреть законодательство в области охраны интеллектуального права и, возможно, изменить установки и общественный взгляд на копирование как явление [24]. ИИ сможет стать основой для реинжиниринга и импортозамещения, только если будет обеспечен российской продукцией микроэлектроники.

6. **Самоактуализация.** Формирование Общества 5.0 в результате четвертой промышленной революции потребует трансформации понимания роли технологий ИИ, приведет к созданию специфического интеллектуального пространства, взаимодействующего с метавселенной. Реализация сопутствующих процессов потребует инновационных методов управления и мониторинга для обеспечения позитивных результатов взаимодействия.

Угрозы развития и использования систем искусственного интеллекта

Технологии ИИ способны творить настоящую магию и имеют большие перспективы по изменению жизни людей. Однако реализация этих технологий для человечества, возможно, будет иметь угрожающе высокую цену.

1. **Энергетика.** Первый круг проблем – экологические. В последние 15–20 лет ряд общественных организаций представляют «глобальное потепление» как главную угрозу человечеству, возможно, более опасную, чем даже ядерная катастрофа. Решение задачи снижения углеродного следа корпорации стремятся переложить на плечи отдельных потребителей, призывая рассчитать и уменьшить личный углеродный след. Активно внедряются попытки форсировать переход от традиционных источников энергии к возобновляемым. Проблемы климата и экологии используются как инструменты политической игры, направленной на получение экономических выгод для крупных корпораций и отдельных государств. В качестве примера можно привести решение Европейского союза ввести сбор на ввоз продукции с высоким углеродным следом, которой являются минеральное сырье, черные и цветные металлы и др. При этом из широкого обсуждения научной общественностью выводятся такие

аспекты, как первичная доля углекислого газа в атмосфере или температура на Земле, или как велик углеродный след систем ИИ.

Авторы работы [25] провели оценку жизненного цикла для обучения распространенным крупным моделям ИИ, таким как Transformer, ELMo, BERT и GPT. Они обнаружили, что этот процесс может выделять более 626 000 фунтов (283 949 кг) эквивалента углекислого газа. Этот углеродный след в пять раз превышает след жизненного цикла среднего американского автомобиля (производство автомобиля, утилизацию, добычу нефти, транспортировку, производство топлива, выбросы от сжигания топлива). Отметим, что тренировка одной модели – это минимальный объем требуемой работы. Авторы полагают, что реальные показатели вредных выбросов в атмосферу от работающей модели ИИ окажутся в несколько раз больше.

Microsoft, Google и Amazon – крупнейшие облачные компании США – все имеют обязательства с отрицательным или нейтральным выбросом углерода. В заявлении Google говорится, что она стремится к 2030 г. достичь нулевого уровня выбросов во всех своих операциях, поставив перед собой цель полностью использовать свои офисы и центры обработки данных на безуглеродной энергии.

Лаборатория искусственного интеллекта Сбербанка в партнерстве с Институтом искусственного интеллекта AIRI создали open-source-библиотеку Eco2AI для оценки эквивалентного углеродного следа в зависимости от электроэнергии, затраченной на обучение моделей машинного обучения [26].

2. **Промышленность.** Отток инвестиций в отрасли. Исследователи отмечают ряд глобальных предпосылок, способных ввести рынок ИИ в состояние «зимы», однако полагают это маловероятным, возможным только в ряде сегментов. Для России существует два специфических направления, способных заморозить развитие в области технологий ИИ и, как следствие, создать условия для непреодолимого отставания от стран, владеющих технологиями ИИ. Первое – комплекующие микропроцессорной техники. Вследствие санкций сокращается/нарушаются цепочки поставок компонентной базы полупроводниковых устройств. Особенно остро воздействуют санкции на поставки продукции двойного назначения – чипы и полупроводники. По оценке Минэкономразвития РФ, объем импорта полупроводниковой продукции, попадающего под санкции, составит около 470 млн долларов, это около четверти всего

импорта продукции данного типа. Второе направление – это информационная изоляция из-за ограничения двустороннего обмена научно-технической информацией. Особенность современной науки в том, что прорывные исследования и разработки возникают преимущественно в обширных мультидисциплинарных и междотраслевых суперкластерах. Встает вопрос об отечественных разработках в области технологий ИИ, включая производство физической реализации технических систем. Однако такие разработки требуют больших временных и финансовых затрат, для которых, в свою очередь, требуется ИИ.

3. *Безопасность.* В области безопасности существуют риски противоправных операций с личными данными людей в киберфизических системах, возможность манипулирования системами жизнеобеспечения и безопасности со стороны ИИ. По мнению специалистов Artificial Intelligence Index Report, машинное мышление может начать локальные вооруженные конфликты с человеком с использованием автономных объектов (БПЛА, военные образцы робототехники), с учетом темпов роста машинного IQ вероятность такого исхода составляет, по оценке военных аналитиков, 30–35% [27].

4. *Социальные связи:* Если технологии ИИ будут воспроизводить модели поведения человека, то есть вероятность (20–24%), что отдельные ядра ИИ могут организовать свой цифровой рынок с правилами конкурентной борьбы с хакерскими атаками друг на друга.

5. *Признание.* В марте 2023 г. некоммерческая организация Future of Life опубликовала открытое письмо «Приостановить гигантские эксперименты с искусственным интеллектом», в котором ее глава Илон Маск и почти 1300 исследователей ИИ призвали все лаборатории искусственного интеллекта немедленно приостановить обучение систем искусственного интеллекта, более мощных, чем GPT-4, так как человечество не может позволить избранным техническим лидерам рисковать потерей контроля над нашей цивилизацией. Мощные системы искусственного интеллекта должны разрабатываться только тогда, когда человечество/люди будут уверены, что их эффект будет положительным, а их риски – управляемыми.

Также существуют риски введения такого моратория. Мораторий на разработку ИИ может привести к ряду непредвиденных последствий, которые в конечном итоге могут оказаться контрпродуктивными. Одним из возможных результатов является перенос исследований ИИ в теневую среду, где исследователи могут чувствовать себя

обязанными продолжать свою работу без контроля со стороны регулирующих органов или более широкого научного сообщества. Такие тайные усилия могут привести к отсутствию прозрачности и надзора, что усугубит риски, связанные с ИИ, а не уменьшит их.

6. *Самоактуализация.* Системы ИИ уже достаточно хорошо решают задачи программирования на разных языках. Через системы распознавания речи возможна эволюция естественных и искусственных языков в некую единую языковую систему. А когда меняется язык, меняется и мышление.

Заключение

Таким образом, предложенная в настоящей работе структура направлена на постановку проблемы разработки методологических и аналитических инструментов для оценки показателей развития систем ИИ. Предложен подход к разработке структурирования оценок показателей внедрения технологий ИИ.

В результате проведенного исследования получена структурированная система взаимосвязанных ограничений – перспектив – угроз систем ИИ. Такая структура позволяет строить взаимосвязанные срезы показателей развития систем ИИ. Проведение ее анализа возможно методами математического моделирования. Для этого необходимо собрать данные и представить их в формате причинно-следственных событий, что позволит связать разнородные показатели. В результате будет формализована постановка задачи анализа и прогноза оценки возможностей развития технологий ИИ. Для этого требуется формирование моделей и алгоритмов проверки выполнимости плана воздействий с использованием математических моделей, позволяющих определить вероятность и нарушения исполнения этого плана при неблагоприятном стечении событий. С учетом концепции Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации это позволит провести разработку и обоснование методологии оценки и контроля технологий ИИ математическими методами в дальнейшем.

Список литературы

1. Искусственный интеллект // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1046/> (дата обращения: 24.03.2023).
2. АНО «Цифровая экономика» изучила лучшие практики внедрения ИИ в российскую обрабатывающую промышленность. URL: <https://data-economy.ru/>

- news/tpost/zfbdoavnco1-ano-tsifrovaya-ekonomika-izuchila-luchsh (дата обращения: 24.03.2023).
- The Socio-Economic Impact of AI in Healthcare. URL: https://www.medtecheurope.org/wp-content/uploads/2020/10/mte-ai_impact-in-healthcare_oct2020_report.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
 - Haseeb M., Mihardjo L. W., Gill A. R., Jermittiparsert K. Economic impact of artificial intelligence: New look for the macroeconomic assessment in Asia-Pacific region // International Journal of Computational Intelligence Systems. 2019. Vol. 12, iss. 2. P. 1295–1320. <https://doi.org/10.2991/ijcis.d.191025.001>
 - Van Roy V. AI Watch – National strategies on Artificial Intelligence: A European perspective in 2019 // EUR 30102 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, <https://doi.org/10.2760/602843>, JRC119974
 - Review of Artificial Intelligence and Machine Learning Technologies: Classification, Restrictions, Opportunities and Challenges // Mathematics, MDPI. 2022. Vol. 10, iss. 15. P. 1–25. <https://dx.doi.org/10.3390/math10152552>
 - Аверкин А. Н., Гаазе-Панопорт М. Г., Поснелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М. : Радио и связь, 1992. 256 с.
 - Ивахненко А. Г. Самообучающиеся системы с положительными обратными связями. Киев : Изд-во АН УССР, 1963. 330 с.
 - Вешнева И. В., Сингатулин Р. А. Разработка информационно-образовательных комплексов системы дистанционного обучения с обратной связью на основе фотограмметрических методов и статусных функций. Часть 2 // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2015. Т. 3, № 1 (80). С. 125–132. EDN: VKUGQB
 - Вешнева И. В. Математические модели в системе управления качеством высшего образования с использованием методов нечеткой логики. Саратов : Саратовский источник, 2010. 186 с.
 - Bolshakov A. A., Veshneva I. V. Assessment of the Effectiveness of Decision Support in the Application of the Information System for Monitoring the Process of Forming Competences Based on Status Functions // 2018 International Conference on Actual Problems of Electron Devices Engineering (APEDE). Saratov, Russia, 2018. P. 75–82. <https://doi.org/10.1109/APEDE.2018.8542462>
 - Заставь машину думать: как развивают искусственный интеллект у роботов // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d6520ea9a79474acef15b63> (дата обращения: 24.03.2023)
 - Islas-Cota E., Gutierrez-Garcia J. O., Acosta C. O., Rodríguez L. F. A systematic review of intelligent assistants // Future Generation Computer Systems. 2022. Vol. 128. P. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.future.2021.09.035>
 - Krinkin K., Shichkina Y., Ignatyev A. Co-evolutionary hybrid intelligence // 2021 5th Scientific School Dynamics of Complex Networks and their Applications (DCNA). Kaliningrad, Russian Federation. 2021. P. 112–115, <https://doi.org/10.1109/DCNA53427.2021.9587002>
 - Созданный в США робот пообещал уничтожить человечество. URL: <https://rg.ru/2016/03/22/robot-roobeshchal-unichtozhit-chelovechestvo.html> (дата обращения: 24.03.2023).
 - Veshneva I. V., Bolshakov A. A. Construction of Digital Twins of Socio-Economic Systems Using Mathematical Models Based on Status Functions // Society 5.0: Human-Centered Society Challenges and Solutions. Cham : Springer, 2022. P. 129–141. https://doi.org/10.1007/978-3-030-95112-2_11
 - Bolshakov A., Veshneva I., Lushin D. Mathematical Model of Integration of Cyber-Physical Systems for Solving Problems of Increasing the Competitiveness of the Regions of the Russian Federation // Society 5.0: Cyberspace for Advanced Human-Centered Society. Cham : Springer Verlag, 2021. P. 129–139. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63563-3_11
 - Veshneva I., Chernyshova G., Bolshakov A. Regional Competitiveness Research Based on Digital Models Using Kolmogorov-Chapman Equations // Society 5.0: Cyberspace for Advanced Human-Centered Society. Cham : Springer Verlag, 2021. P. 141–154. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63563-3_12
 - Перспективы развития // РОССЕТИ. Стратегический отчет. URL: <http://rosseti14.kerrygun.ru/strategic-report/prospects-of-development> (дата обращения: 24.03.2023).
 - Investment in Artificial Intelligence Solutions Will Accelerate as Businesses Seek Insights, Efficiency, and Innovation, According to a New IDC Spending Guide // International Data Corporation. 2021. URL: <https://idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS48191221> (дата обращения: 24.03.2023).
 - Княгинин В. Н., Липецкая М. С., Санатов Д. В., Васеев И. Е., Годунова Е. А., Семенова М. А., Харитонов М. А., Холоднова Е. М. Искусственный интеллект в промышленности. Экспертно-аналитический доклад. URL: https://csr-nw.ru/upload/iblock/3db/Доклад%20по%20ИИ%20в%20промышленности_финал.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
 - Чернышова Г. Ю., Вешнева И. В., Роках Г. Е. Моделирование динамики рисков региональной конкурентоспособности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 42–52. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-42-52>
 - Samuelson P., Scotchmer S. The Law and Economics of Reverse Engineering // The Yale Law Journal. 2002. Vol. 111, no. 7. P. 1575–1663. <https://doi.org/10.2307/797533>
 - Shenkar O., Oded Shenkar, Yadong Luo. International business. Hoboken, N. J. : Wiley, 2004. 513, [217] p.
 - Strubell E., Ganesh A., McCallum A. Energy and Policy Considerations for Deep Learning in NLP // Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Florence, Italy, 2019. P. 3645–3650. URL: <https://arxiv.org/pdf/1906.02243.pdf> (дата обращения: 24.03.2023).

26. Сбер представил открытый инструмент для оценки углеродного следа моделей ИИ // Lenta.Ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/17/openinstr/> (дата обращения: 24.03.2023).
27. Широковских С. А. Возможности, ограничения и вероятные угрозы устойчивому развитию высокотехнологических компаний азиатского региона вследствие выхода из-под контроля искусственного интеллекта и нейросетей // Экономика Центральной Азии. 2020. Т. 4, № 4. С. 385–394. <https://doi.org/10.18334/asia.4.4.111626>
- ### Reference
1. Artificial intelligence. *Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsiy* (Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications). Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1046/> (accessed March 24, 2023) (in Russian).
 2. ANO «Tsifrovaya ekonomika» izuchila luchshiyе praktiky vnedreniya II v rossiyskuyu obrabatyvayushchuyu promyshlennost' (ANO Digital Economy studied the best practices for introducing AI into the Russian manufacturing industry). Available at: <https://data-economy.ru/news/tpost/zfbdoavnco1-ano-tsifrovaya-ekonomika-izuchila-luchsh> (accessed March 24, 2023) (in Russian).
 3. *The Socio-Economic Impact of AI in Healthcare*. Available at: https://www.medtecheurope.org/wp-content/uploads/2020/10/mte-ai_impact-in-healthcare_oct2020_report.pdf (accessed March 24, 2023).
 4. Haseeb M., Mihardjo L. W., Gill A. R., Jermstipparsert K. Economic impact of artificial intelligence: New look for the macroeconomic assessment in Asia-Pacific region. *International Journal of Computational Intelligence Systems*, 2019, vol. 12, iss. 2, pp. 1295–1320. <https://doi.org/10.2991/ijcis.d.191025.001>
 5. Van Roy V. AI Watch – National strategies on Artificial Intelligence: A European perspective in 2019. *EUR 30102 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg*. <https://doi.org/10.2760/602843>, JRC119974
 6. Review of Artificial Intelligence and Machine Learning Technologies: Classification, Restrictions, Opportunities and Challenges. *Mathematics, MDPI*, 2022, vol. 10, iss. 15, pp. 1–25. <https://dx.doi.org/10.3390/math10152552>
 7. Averkin A. N., Gaaze-Rapoport M. G., Pospelov D. A. *Tolkovyy slovar' po iskusstvennomu intellektu* [Explanatory dictionary on artificial intelligence]. Moscow, Radio i svyaz', 1992. 256 p. (in Russian).
 8. Ivahnenko A. G. *Samoobuchayushchiesya sistemy s polozhitel'nymi obratnymi svyazyami* [Self-learning systems with positive feedback]. Kiev, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1963. 330 p. (in Russian).
 9. Veshneva I. V., Singatulin R. A. Development of information measuring systems for distance learning complexes with feedback based on photogrammetric methods and status functions. Part 2. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 2015, vol. 3, no. 1 (80), pp. 125–132 (in Russian). EDN: VKUGQB
 10. Veshneva I. V. *Matematicheskie modeli v sisteme upravleniya kachestvom vysshego obrazovaniya s ispol'zovaniem metodov nechetkoj logiki* [Mathematical models in the quality management system of higher education using fuzzy logic methods]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2010. 186 p. (in Russian).
 11. Bolshakov A. A., Veshneva I. V. Assessment of the Effectiveness of Decision Support in the Application of the Information System for Monitoring the Process of Forming Competences Based on Status Functions. *2018 International Conference on Actual Problems of Electron Devices Engineering (APEDE)*. Saratov, 2018, pp. 75–82. <https://doi.org/10.1109/APEDE.2018.8542462>
 12. Make the machine think: How artificial intelligence is developed in robots. *RBK*. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d6520ea9a79474acef15b63> (accessed March 24, 2023) (in Russian).
 13. Islas-Cota E., Gutierrez-Garcia J. O., Acosta C. O., Rodríguez L. F. A systematic review of intelligent assistants. *Future Generation Computer Systems*, 2022, vol. 128, pp. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.future.2021.09.035>
 14. Krinkin K., Shichkina Y., Ignatyev A. Co-evolutionary hybrid intelligence. *2021 5th Scientific School Dynamics of Complex Networks and their Applications (DCNA)*. Kaliningrad, Russian Federation, 2021, pp. 112–115. <https://doi.org/10.1109/DCNA53427.2021.9587002>
 15. *Sozdannyy v SShA robot poobeshchal unichtozhit' chelovechestvo* (A robot created in the USA promised to destroy humanity). Available at: <https://rg.ru/2016/03/22/robot-poobeshchal-unichtozhit-chelovechestvo.html> (accessed March 24, 2023) (in Russian).
 16. Veshneva I. V., Bolshakov A. A. Construction of Digital Twins of Socio-Economic Systems Using Mathematical Models Based on Status Functions. In: *Society 5.0: Human-Centered Society Challenges and Solutions*. Cham, Springer, 2022, pp. 129–141. https://doi.org/10.1007/978-3-030-95112-2_11
 17. Bolshakov A. Veshneva I., Lushin D. Mathematical Model of Integration of Cyber-Physical Systems for Solving Problems of Increasing the Competitiveness of the Regions of the Russian Federation. In: *Society 5.0: Cyberspace for Advanced Human-Centered Society*. Cham, Springer Verlag, 2021, pp. 129–139. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63563-3_11
 18. Veshneva I. Chernyshova G., Bolshakov A. Regional Competitiveness Research Based on Digital Models Using Kolmogorov-Chapman Equations. In: *Society 5.0: Cyberspace for Advanced Human-Centered Society*. Cham, Springer Verlag, 2021, pp. 141–154. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63563-3_12
 19. Development prospects. *ROSSETI. Strategicheskij otchet* (ROSSETI. Strategic report). Available at: <http://rosseti14.kerrygun.ru/strategic-report/prospects-of-development> (accessed March 24, 2023) (in Russian).
 20. Investment in Artificial Intelligence Solutions Will Accelerate as Businesses Seek Insights, Efficiency, and Innovation, According to a New IDC Spending Guide.

- International Data Corporation*. 2021. Available at: <https://idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS48191221> (accessed March 24, 2023).
21. Knyagin V. N., Lipetskaya M. S., Sanatov D. V., Vaseev I. E., Godunova E. A., Semenova M. A., Kharitonov M. A., Kholodnova E. M. *Iskusstvennyy intellekt v promyshlennosti. Ekspertno-analiticheskiy doklad* (Artificial intelligence in industry. Expert analytical report). Available at: https://csr-nw.ru/upload/iblock/3db/Доклад%20по%20ИИ%20в%20промышленности_финал.pdf (accessed March 24, 2023) (in Russian).
22. Chernyshova G. Yu., Veshneva I. V., Rokakh G. E. Modeling the dynamics of regional competitiveness risks. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 42–52 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-42-52>
23. Samuelson P., Scotchmer S. The Law and Economics of Reverse Engineering *The Yale Law Journal*, 2002, vol. 111, no. 7, pp. 1575–1663. <https://doi.org/10.2307/797533>
24. Shenkar O., Oded Shenkar, Yadong Luo. *International business*. Hoboken, N.J., Wiley, 2004. 513, [217] p.
25. Strubell E., Ganesh A., McCallum A. Energy and Policy Considerations for Deep Learning in NLP. *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Florence, Italy, 2019, pp. 3645–3650. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1906.02243.pdf> (accessed March 24, 2023).
26. Sber presented an open tool for assessing the carbon footprint of AI models. *Lenta.Ru*. Available at: <https://lenta.ru/news/2022/06/17/openinstr/> (accessed March 24, 2023) (in Russian).
27. Shirokovskih S.A. Opportunities, limitations and probable threats to the sustainable development of high-tech companies in the Asian region due to the out-of-control of artificial intelligence and neural networks. *Ekonomika Tsentralnoy Azii*, 2020, vol. 4, iss. 4, pp. 385–394 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/asia.4.4.111626>

Поступила в редакцию 01.05.2023; одобрена после рецензирования 08.10.2023; принята к публикации 10.10.2023
The article was submitted 01.05.2023; approved after reviewing 08.10.2023; accepted for publication 10.10.2023

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 439–445

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 439–445
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-439-445>

EDN: PVQSLU

Научная статья
УДК 342

Некоторые размышления по поводу 20-летия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

Т. Н. Михеева ✉, Д. С. Михеев

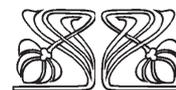
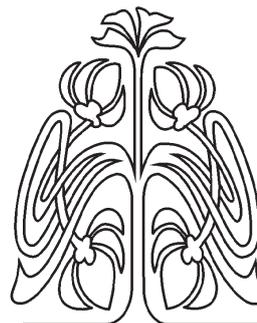
Марийский государственный университет, Россия, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1

Михеева Татьяна Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран, tnmihееva14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-0257>

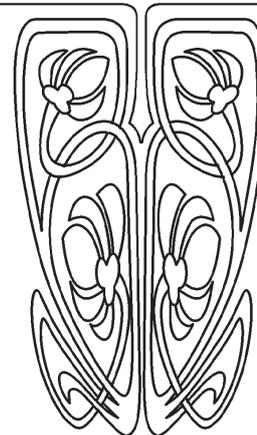
Михеев Денис Степанович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран, Mikheev_DS@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5927-5859>

Аннотация. Введение. Правовое регулирование в сфере местного самоуправления в течение двадцати лет осуществляется ключевым Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Он периодически подвергается критике из-за многочисленных корректировок, а после поправок 2020 г. к Конституции России уже прогнозировалась его «отставка». Однако подготовленный на смену законопроект не выдержал критики и затих в Государственной Думе. На этом фоне есть повод осмыслить и оценить действующий Закон с позиций актуальности продления его «правовой жизни». **Теоретический анализ.** Выявлено, что местное самоуправление с момента зарождения претерпевает многочисленные изменения, продиктованные потребностями государства. В их основе лежит баланс интересов центральной и местной властей. Историко-правовое исследование показало такую тенденцию в период земских реформ монархической России. После долгого советского периода забвения в конце прошлого века произошло возрождение местной власти на демократической основе. В Основном законе государства 1993 года получила отражение самостоятельность местного самоуправления, а также не вполне оправданная норма об отделении его органов от государственных, что повлияло на дальнейшее законодательное регулирование, подверженное частым изменениям. **Результаты.** Отчетливо проявившееся стремление законодателя к сближению местного самоуправления с общей системой управления государства для согласованного взаимодействия всех уровней власти стало логичным шагом к конституционному закреплению института публичной власти. Выводом авторов явилось заключение, что в этих условиях ресурс действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не является исчерпанным.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, публичная власть, правовое регулирование местного самоуправления

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Некоторые размышления по поводу 20-летия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 439–445. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-439-445>, EDN: PVQSLU
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Some reflections on the 20th anniversary of the Federal Law “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”

T. N. Mikheeva ✉, D. S. Mikheev

Mari State University, 1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russia

Tatiana N. Mikheeva, tnmicheeva14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-0257>

Denis S. Mikheev, Mikheev_DS@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5927-5859>

Annotation. Introduction. Legal regulation in the field of local self-government has been carried out by the key Federal Law “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” for twenty years. It is periodically criticized due to numerous adjustments, and, after the 2020 amendments to the Russian Constitution, its “resignation” was already predicted. However, the bill prepared to replace it did not stand up to criticism and died out in the State Duma. Against this background, there is a reason to comprehend and evaluate the current law from the standpoint of the relevance of extending its “legal life”. **Theoretical analysis.** It has been revealed that, from its inception, local self-government has undergone numerous changes dictated by the needs of the state. They are based on the balance of interests of central and local authorities. Historical and legal research has shown the trend during the period of zemstvo reforms in monarchical Russia. After a long Soviet period of oblivion, at the end of the last century there was a revival of local government on the democratic basis. The Basic Law of the State of 1993 reflected the independence of local self-government, as well as not entirely justified rule on the separation of its bodies from state ones, which influenced further legislative regulation that was subject to frequent changes. **Results.** The clearly manifested desire of the legislator to bring local self-government closer to the general system of government for the coordinated interaction of all levels of government became a logical step towards the constitutional consolidation of the institution of public power. The authors’ conclusion was that under these conditions, the resource of the current Federal Law “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” is not exhausted.

Keywords: local government, state power, public power, legal regulation of local government

For citation: Mikheeva T. N., Mikheev D. S. Some reflections on the 20th anniversary of the Federal Law “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 439–445 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-439-445>, EDN: PVQSLU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В год двадцатилетия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) есть повод осмыслить и оценить его роль в становлении современного местного самоуправления, достигнутые успехи и неудачи, строить какие-то прогнозы на ближайшее время. Тем более что Конституция России в 2020 г. задала обновленный вектор в сфере местного самоуправления, включив его органы в единый институт публичной власти совместно с органами центральной и региональной власти, что с очевидностью требует изменения законодательных основ.

Сейчас эти вопросы находятся в зоне повышенного внимания в связи с появлением проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2]. В научном и экспертном сообществе обострились дискуссии

о его содержании, достоинствах, но главным образом – о недостатках, непродуманных нормах, противоречиях.

Между тем анализ законопроекта показывает, что он не возник из вакуума, а базируется на нормах действующего Федерального закона № 131-ФЗ, сохраняя преемственность многих его институтов, в то же время привнес и положения, ставшие следствием намеченных конституционных преобразований в местном самоуправлении.

К счастью или, напротив, к несчастью, законодатель притормозил рассмотрение названного проекта на неопределенный срок без комментариев.

Со времени принятия конституционных поправок минуло три года. Весь этот период продолжает действовать Федеральный закон № 131-ФЗ как основной правовой регулятор отношений в сфере местного самоуправления. Он не стал тормозом в развитии муниципальных образований и обеспечении жизнедеятельности населения, поскольку своевременно актуализировался, подвергался назревшим корректировкам, отвечавшим запросам времени.

Постараемся объективно разобраться в том, насколько велика необходимость отправить его на «пенсию», т.е. признать утратившим силу вследствие принятия нового закона.

Теоретический анализ

Среди многих юбилейных дат нынешнего года 20-летие со дня принятия Федерального закона № 131-ФЗ остается как-то не очень приметным, хотя, по сути, именно благодаря ему за два прошедших десятилетия были сформированы правовые основы муниципальной власти в России. Основы, которые критикуют, которые все время подправляют и «улучшают» (в названный Закон было внесено более 200 изменений), но, тем не менее, они выкристаллизовали местное самоуправление и выполняют свою главную задачу, обеспечивая правовую регламентацию жизнедеятельности населения муниципальных образований.

Объективный взгляд на прошедшие годы между тем позволяет высказать адекватные оценки на происходящие трансформации в местном самоуправлении, которое, безусловно, двигалось в общем русле развития государства.

Стоит вернуться к более ранним истокам организации власти на местном уровне, чтобы понять ее современные тенденции. В целом сегодняшнее местное самоуправление выросло из земского самоуправления второй половины XIX в. монархической России. Оно, появившись в результате великих реформ императора Александра II, тоже не оставалось неизменным и прошло в своей истории непростой путь становления.

Необходимо отметить, что земства достигли поставленной цели – обустроить жизнь огромной крестьянской массы, получившей свободу в 1861 г. Для чего на местах были образованы земские собрания и управы «для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда». В число «хозяйственных польз и нужд» включались местное имущество и налогообложение; содержание зданий, сооружений, путей сообщения на территории земств; развитие местной торговли и промышленности; решение вопросов образования и здравоохранения и др.

Важно подчеркнуть, что в кругу вверенных им дел названные учреждения пользовались самостоятельностью. Однако именно она побудила императора Александра III к последовавшим через четверть века серьезным законодательным изменениям, в результате которых центральные органы получили значительные возможности контролировать и вмешиваться в дела земского

самоуправления. Объяснением тому стало «отсутствие единства и согласия в действиях правительственных и местных властей» [3, с. 534–535].

Вместе с тем земское самоуправление, в общей сложности просуществовавшее чуть более полувека, не было признано необходимым элементом при организации нового Советского государства после революции 1917 г. После разрушения достаточно успешных основ земской системы в нашей стране самоуправление как таковое оказалось в забвении. Созданные местные советы длительное время были встроены в общую вертикаль государства, о чем красноречиво свидетельствовало их название – «местные органы государственной власти».

Между тем реформирование государства в последнее десятилетие XX в. подтолкнуло к трансформациям управления на местном уровне, что получило закрепление в новой Конституции 1993 г. [4]. Впервые за историю всех конституций России в ней появился институт местного самоуправления, получивший урегулирование в самостоятельной главе восьмой. Значимость конституционализации этого института следует рассматривать более глубоко, поскольку он получил впервые беспрецедентное отражение и в главе об основах конституционного строя как одна из форм осуществления власти в государстве, о чем красноречиво свидетельствует ч. 2 ст. 3 Основного закона.

Эту норму следует признать революционной, отличающейся от земского периода, упомянутого выше, когда самоуправление считалось инструментом решения хозяйственных проблем населения, обустройства среды его проживания; отличающейся от последующего советского периода, когда руководимые и направляемые партийными органами местные советы, служившие, скорее, необходимой декорацией участия граждан в управленческих процессах в государстве, в том числе и на местном уровне.

В Основном законе следует выделить еще одну статью, которую мы назвали бы беспрецедентной и которая также включена в основы конституционного строя, что исключает внесение в нее каких-либо поправок. Речь идет о ст. 12, закрепившей самостоятельность местного самоуправления в пределах своей компетенции, что само по себе не вызывает тревоги. Но завершает статью норма об отграничении органов местного самоуправления от системы органов государственной власти, что содержит серьезные конфликтогены для взаимоотношений этих органов. Причем появление на конституционном уровне подобного положения было безосновательным и ничем не оправданным.

Скажем больше, на тот период уже восемь лет существовал международный правовой акт – Европейская хартия местного самоуправления [5], задающий оптимальные параметры такого демократического института, как местное самоуправление в государствах-членах Совета Европы. Даже самые передовые европейские страны не замахнулись на столь широкую автономию местных органов. В ч. 2 ст. 4 Хартия ограничилась лишь формулировкой, что они «обладают полной свободой действий для реализации собственной инициативы». И нет ни единого намека об изоляции органов управления нижнего уровня от центральных или региональных государственных управленческих структур. Цель создания органов местного самоуправления согласно преамбуле европейского правового акта – обеспечение «эффективного и приближенного к гражданам управления».

Необоснованный водораздел между органами местного и вышестоящего уровня, заложенный в конституционной ст. 12, был (и продолжает оставаться до настоящего времени) предметом критики в научной среде. По мнению С. А. Авакьяна, он «искусственно разрывает обе системы» [6, с. 110]; В. Д. Зорькин усматривает здесь «повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти» [7, с. 34]; В. Л. Лютцер видит «изоляцию местного самоуправления от остальной власти» [8, с. 42].

Развитие отмеченного конституционного положения в 1995 г. получило развитие в первом Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9] (далее Федеральный закон № 154-ФЗ). В том числе обсуждаемая формулировка об отделении органов местного самоуправления от государственных была закреплена в ч. 5 ст. 14 и далее – в ч. 3 ст. 17, предусмотревшей категоричную формулировку, что «образование органов местного самоуправления, назначение их должностных лиц органами государственной власти и государственными должностными лицами не допускается».

Вместе с тем в главе о муниципально-правовой ответственности закреплена возможность роспуска представительного органа муниципального образования законодательным органом субъекта Федерации, а также отрешение от должности главы муниципального образования высшим должностным лицом субъекта.

Ради исторической точности следует заметить, что Федеральный закон № 154-ФЗ, несмотря на незначительный объем (без заключительных и переходных положений всего 52 статьи), краткость содержания, изобилие отсылок к законам

субъектов РФ и муниципальным уставам, определил правовой фундамент для создания и деятельности местного самоуправления в России, обеспечив его территориальную организацию, финансово-экономическую основу, структуру местных органов власти, в числе которых впервые появились представительный орган *местного самоуправления*, глава *муниципального образования* и иные органы и должностные лица *местного самоуправления*. Мы намеренно выделили некоторые терминологические обороты, казавшиеся поначалу непривычными и подчеркивающие новизну преобразований на местном уровне.

В самостоятельной главе получили регулирование сравнительно немногочисленные формы прямого волеизъявления граждан: местный референдум, муниципальные выборы, собрания (сходы) граждан, а также другие формы осуществления местного самоуправления: народная правотворческая инициатива, обращения граждан в органы местного самоуправления, территориальное общественное самоуправление. При этом перечень оставался открытым, допускающая участие и в иных формах.

Не ставим целью давать широкий комментарий данному Закону, однако подчеркнем еще раз его значимость на переломном этапе государственного строительства, слома одного формата управления и перенастройки на другой. Он определил в соответствии с конституционными ориентирами вектор для новой формы народовластия – местного самоуправления. За восемь лет его существования складывающаяся правоприменительная практика выявила определенные просчеты, недостатки, равно как и противоречивость, и откровенные перегибы субъектов Федерации в своем законодательстве, регулирующем местное самоуправление, что неоднократно становилось предметом рассмотрения Конституционного Суда России.

Поэтому не стало неожиданностью принятие в 2003 г. Федерального закона с одноименным названием [1]. По сравнению со своим предшественником он отличается большей унификацией одних правоотношений в муниципальной сфере, предусматривая вариативность других, оставляя при этом право окончательного выбора наиболее приемлемых вариантов за законодательством субъекта Федерации, например при определении способов избрания главы муниципального образования и главы местной администрации или формирования представительных органов.

Общее число статей увеличилось более чем в 2,5 раза, статей, регулирующих формы непосредственной демократии, – почти в два раза. Новый Закон конкретизировал вопросы местного зна-

чения применительно к видам муниципальных образований; подробно урегулировал институт делегирования отдельных государственных полномочий местному самоуправлению; впервые определил стройную систему муниципальных правовых актов и т.д.

Не углубляясь во все новеллы, отметим некоторые тенденции, проявившиеся в обновленном тексте Федерального закона № 131-ФЗ и позднее – в многочисленных дополнениях и изменениях в него на протяжении 20 лет. С очевидностью просматривается стремление законодателя «снивелировать» отчуждение местного самоуправления от системы государственной власти, усилить присутствие государства в муниципальной сфере.

Об этом красноречиво говорят появившиеся в Федеральном законе № 131-ФЗ нормы о конкурсных комиссиях по избранию на должности глав муниципальных образований, местных администраций. Половина состава комиссий назначается высшим должностным лицом субъекта Федерации. В отношении ключевого лица на местном уровне – главы муниципального образования – добавилась дополнительная форма ответственности в виде удаления в отставку. Несмотря на то, что непосредственное решение по удалению принимается представительным органом муниципального образования, вся процедура проходит при активном участии руководителя субъекта Федерации.

Наблюдаются процессы трансформации территориальной организации местного самоуправления, особенно отчетливо заявила о себе тенденция к укрупнению муниципальных образований после включения в 2019 г. нового вида – муниципального округа.

Смеем высказать мнение о том, что таким образом законодатель продуманно «подправлял» не вполне удачную конституционную модель организации местного самоуправления, сближая сознательно интересы двух уровней власти – муниципального и государственного.

С этих позиций предельный объем изменений в Федеральный закон № 131-ФЗ не кажется таким уж непоследовательным из-за отсутствия ориентиров. Напротив, невозможность изменения в силу известных причин конституционной установки ст. 12 побуждала законодателя к поиску других путей для устранения «отсутствия единства и согласия» (как в земский период) между двумя уровнями власти.

Конституционные поправки 2020 г. в части местного самоуправления [10] не оказались большой неожиданностью, а стали вполне прогнозируемым шагом. Они как раз затронули те

болевые места, которые на протяжении многих лет точно корректировались текущим законодательством. По мнению М. Р. Зазулиной, «трансформации в сфере местного самоуправления являются не бессистемным метанием, а обдуманной стратегией в отношении всей системы власти и в том числе местного самоуправления как элемента системы. Эта стратегия характеризуется поиском модели, более соответствующей социально-экономическим и культурным реалиям России» [11, с. 280].

Если разобраться со смыслами конституционных новаций, то можно выделить несколько ключевых направлений.

Во-первых, «локализация» основного «раздражителя», разобщающего органы местной и государственной власти, путем их объединения в логичный тандем публичной власти (ч. 3 ст. 132). Это краткое по объему положение имеет емкое содержание, закрепляя очень ценную установку о главном целеполагании – «взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Термин «взаимодействие» в Советском энциклопедическом словаре раскрывается как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность; объективную и универсальную форму развития, которая определяет существование и структурную организацию любой материальной системы» [12, с. 217].

Современные исследователи рассматривают конституционную цель взаимодействия не только как согласованность действий обоих компонентов системы публичной власти, но и как их совместную ответственность перед населением, проживающим на соответствующей территории [13, с. 4]. Справедливым является и мнение Г. Н. Комковой, усматривающей в создании единой системы публичной власти более глубокий смысл – «способствовать наиболее эффективному обеспечению государственной и общественной безопасности» [14, с. 189].

Во-вторых, и это прямо вытекает из упомянутой нормы о публичной власти, – более тесное «погружение» государства в дела местного самоуправления, что выразилось в конституционной новелле об участии органов государственной власти в решении вопросов, связанных с назначением (освобождением) на муниципальном уровне должностных лиц (ч. 1.1 ст. 131), что вполне объяснимо. Выполнение общих задач требует понимания и согласованных действий, что достигается в том числе через такой фактор, как «кадровые» вопросы.

В-третьих, ожидаемым стало исключение из ч. 1 ст. 131 Конституции перечисления видов муниципальных образований (сельских и городских поселений), расцененное многими, и небезосновательно, как отказ от нижнего «поселенческого» уровня.

Новый законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2], представленный в Государственную Думу в конце 2021 г. и получивший большой резонанс в обществе, действительно исключил их, остановившись лишь на городских и муниципальных округах. Налицо стремление к укрупнению муниципальных образований, что, как представляется, связано с эффективностью управляемости территорий и также находится в русле нормы о единстве публичной власти.

А как же наш «юбиляр», с почетом на «пенсию», раз ему на смену уже и новый законопроект подготовлен? Не будем торопиться с таким выводом. Законопроект после многочисленных замечаний, высказанных в ходе его обсуждения, уже без малого почти два года как тихо осел в Государственной Думе, и его принятие пока не стоит в ближайших графиках. Очевидно, есть факторы, смущающие законодателя.

17 июня 2023 г. в ходе круглого стола «Конституционная модель организации местного самоуправления в России: проблемы и перспективы тридцать лет спустя», проведенного кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М. В. Ломоносова, в выступлении А. Н. Диденко, председателя комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению, прозвучало, что законопроект в представленном виде не может быть принят. И задан справедливый вопрос: «А чем плох 131-ФЗ?».

Результаты

Проведенный анализ позволяет высказать следующее.

Проект нового закона создан на базе ныне действующего ключевого правового акта в сфере местного самоуправления, воспроизвел его основные институты, принципы, подходы к регулированию. Поэтому, как вариант дальнейшего развития событий, нельзя исключать сохранение Федерального закона № 131-ФЗ, его актуализацию и синхронизацию с конституционными новеллами и уже принятыми федеральными законами. Он имеет еще значительный запас прочности. При этом будет выдержана преемственность в регулировании многих институтов местного самоуправления, доказавших свою востребованность и ставших привычными.

Дальнейшая реализация Федерального закона № 131-ФЗ в обновленном виде вполне обоснованна, способна обеспечить провозглашенные согласованность и взаимодействие в системе публичной власти, включение местного самоуправления в решение общих задач для населения. По крайней мере, на период до принятия новой Конституции России, дискуссиям о которой в научной среде старт уже дан [15, 16].

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : проект федер. закона. URL: <https://sozd.duma.go-v.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 12.03.2023).
3. Коркунов Н. М. Русское государственное право : в 2 т. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 2. 739 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
5. Европейская хартия местного самоуправления, принятая 15.10.1985 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 36, ст. 4466.
6. Авакьян С. А. Стабильность Конституции и конституционные реформы: некоторые вопросы теории и практики // Авакьян С. А. Конституционное право России: избранные статьи. 2010–2016. Махачкала : Изд-во ДГУ ; М. : Проспект, 2016. С. 100–111.
7. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. 591 с.
8. Лютцер В. Л. Основные проблемы развития муниципального права и местного самоуправления в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 42–49. EDN: ZPDJIT
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 35, ст. 3506.
10. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.
11. Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и

- экономические науки. 2022. Т. 7, № 3. С. 275–284. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284>
12. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1632 с.
 13. Аверьянова Н. Н. Местное самоуправление: теоретический взгляд на правовую природу в контексте состоявшихся и будущих реформ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 1. С. 2–5. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2023-1-2-5>
 14. Комкова Г. Н. Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–192. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-186-192>, EDN: KWJDPE
 15. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. <https://doi.org/10.31857/S102694520018267-4>; № 3. С. 7–18. <https://doi.org/10.31857/S102694520019160-7>
 16. Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. Т. 64, № 1. С. 3–21. <https://doi.org/10.55959/msu0130-0113-11-64-1-1>
 1. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation. Federal Law 131-FZ of October 6, 2003. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 40, art. 3822 (in Russian).
 2. *On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority. Draft Federal Law*. Available at: <https://sozd.duma.go-v.ru/bill/40361-8> (accessed March 12, 2023) (in Russian).
 3. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [State law of Russia]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Staciulevicha, 1909, vol. 2. 739 p. (in Russian).
 4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
 5. The European Charter of local self-government (adopted on October 15, 1985). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 36, art. 4466 (in Russian).
 6. Avakyan S. A. Stability of the Constitution and constitutional reforms: Some issues of theory and practice. In: Avakyan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: izbrannye stat'i. 2010–2016* [Constitutional law of Russia: Selected Articles. 2010–2016]. Makhachkala, Dagestan State University Publ., Moscow, Prospekt, 2016, pp. 100–111 (in Russian).
 7. Zorkin V. D. *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke* [Russia and the Constitution in the 21st century]. Moscow, Norma, 2008. 591 p. (in Russian).
 8. Lyuttser V. L. Main issues of municipal law and local self-government development in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 10, pp. 42–49 (in Russian). EDN: ZPDJIT
 9. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation. Federal Law 154-FZ of August 28, 1995. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 35, art. 3506 (in Russian).
 10. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities. Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation 1-FKZ of March 14, 2020. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
 11. Zazulina M. R. Integrating into the system: local self-government in the context of the new federal reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 275–284 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284>
 12. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Prokhorov A. M. (ed.). Soviet encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1989. 1632 p. (in Russian).
 13. Averyanova N. N. Local self-government: A theoretical view of the legal nature within the framework of implemented and future reforms. *Municipal Service: Legal Issues*, 2023, no. 1, pp. 2–5 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2023-1-2-5>
 14. Komkova G. N. Strategic national priorities of Russia in the 2020 amendments to the Russian Constitution. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–192 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-186-192>, EDN: KWJDPE
 15. Kleandrov M. I. On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should include. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 1, pp. 7–18 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520018267-4>; no. 3, pp. 7–18 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520019160-7>
 16. Avakyan S. A. On the role of constitutional law in the context of new tasks and conceptual solutions for the political future of Russia. *Lomonosov Law Journal*, 2023, vol. 64, no. 1, pp. 3–21 (in Russian). <https://doi.org/10.55959/msu0130-0113-11-64-1-1>

Поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 20.09.2023
The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 20.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 446–449

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 446–449

<https://eup.sgu.ru>

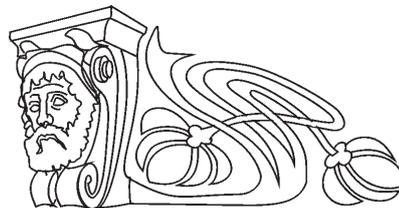
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-446-449>, EDN: QNUQEK

Научная статья

УДК 342

О методике исследования конституционного субъективного права

А. Ф. Малый

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Малый Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, afm-10@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Аннотация. Введение. Конституционные права и свободы человека и гражданина являются предметом многочисленных исследований. Используются различные подходы к раскрытию содержания этих прав. Наиболее часто их анализ происходит посредством рассмотрения норм, регулирующих определенный круг общественных отношений и объединяемых в одноименный институт права. Такой способ позволяет привлекать к анализу широкий круг нормативных актов, показать особенности их реализации. В то же время существует и иной подход – исследование содержания субъективного права посредством рассмотрения правомочий лица. **Теоретический анализ.** Классический набор правомочий (право-поведение, право-требование, право-притязание, право-пользование) дает возможность акцентировать внимание на возможностях личности реализовывать принадлежащие ей права и свободы. В статье показаны особенности различных способов анализа конституционных прав и свобод. Проведено сопоставление двух подходов к изучению конституционного права (исследование совокупности норм как правового института и анализ содержания субъективного права через совокупность правомочий). Акцентировано внимание на особенностях исследования субъективного конституционного права, полноте элементного состава данного права, наличии «волевого момента» при его реализации. **Результаты.** Приведены аргументы в защиту целесообразности точного определения направления исследования содержания субъективного права. Более плодотворным видится рассмотрение субъективного права через набор правомочий. Смешение же подходов затрудняет полное раскрытие возможностей реализации прав и свобод личности.

Ключевые слова. Конституция, субъективное право, институт права, методика исследования

Для цитирования: Малый А. Ф. О методике исследования конституционного субъективного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 446–449. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-446-449>, EDN: QNUQEK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Methodology of research into constitutional subjective law

A. F. Malyj

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Alexander F. Malyj, afm-10@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Abstract. Introduction. Constitutional rights and freedoms of man and citizen are the subject of numerous studies. Various approaches are used to disclose the content of these rights. Most often, their analysis takes place through the consideration of the norms governing a certain range of social relations, united in the institution of law of the same name. This method makes it possible to apply a wide range of regulations in the analysis, to show the features of their implementation. At the same time, there is another approach – the study of the content of subjective law by considering the powers of a person. **Theoretical analysis.** The classical set of powers (right-behavior, right-demand, right-claim, right-use) makes it possible to focus on the ability of the individual to realize his / her rights and freedoms. The article shows the features of various ways of analyzing constitutional rights and freedoms. The comparison of two approaches to the study of constitutional law (the study of the totality of norms as a legal institution and the analysis of the content of subjective law through a set of powers) is carried out. The author pays attention to the peculiarities of the study of subjective constitutional law, completeness of the elemental composition of this law, presence of a “volitional moment” in its implementation. **Results.** The author provides arguments in defense of the expediency of accurately determining the direction of research into the content of subjective law. It seems more fruitful to consider the subjective law through a set of powers. The confusion of approaches makes it difficult to fully reveal the possibilities of realizing the rights and freedoms of the individual.

Keywords: the Constitution, subjective law, institute of law, research methodology

For citation: Malyj A. F. Methodology of research into constitutional subjective law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 446–449 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-446-449>, EDN: QNUQEK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Рассмотрение содержания конституционных прав и свобод граждан всегда находилось в центре внимания исследователей. Этому вопросу посвящены тысячи работ, ежегодно проводятся конференции с участием представителей различных научных направлений. Сегодня это внимание обусловлено еще и тем, что следует учитывать новые реалии, характеризующиеся всеобщей цифровой и необходимостью разработки новационных подходов для купирования рисков ущемления прав человека.

Продолжаются исследования, касающиеся углубленного изучения различного рода теоретических вопросов, поскольку они необходимы для выработки судами и иными органами итоговых решений, при подготовке и принятии юридически выверенных актов. Появление новых правовых конструкций востребовано временем, они позволяют по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о тех или иных конституционно-правовых отношениях.

Важен и выбор методов, дающих возможность наиболее полно раскрыть сущность правовых отношений. Для иллюстрации можно остановиться на имеющихся подходах к изучению содержания конституционного субъективного права. Они могут быть различными в зависимости от целей, которые ставит исследователь.

Теоретический анализ

Традиционно содержание конституционного субъективного права рассматривается посредством анализа правомочий (элементов). В теории права предложена конструкция из четырех основных правомочий: право-поведение, право-требование, право-притязание, право-пользование [1, с. 191]. В каждом конкретном случае исследуется содержание субъективного права на предмет наличия всех четырех элементов или иного их числа. Например, исследуя содержание субъективного права на награду, А. А. Нигметзянов выделяет три элемента [2, с. 71]. Поскольку у государства нет обязанности наградить лицо, то нет и такого элемента, как право-поведение, поскольку лицо может только предполагать возможное награждение, но полной уверенности в этом нет, поэтому и выделить в качестве обязательного такой элемент, как право-поведение в отношении награды, нельзя.

Подобная методика (рассмотрение субъективного права через элементы содержания) задает параметры исследования. Они имеют границы и определяют круг привлекаемых правовых источников, необходимых для раскрытия содер-

жания права. Они же позволяют не смешивать отличные по своему содержанию субъективные права. Например, ст. 27 Конституции РФ включает две части, каждая из которых закрепляет самостоятельное субъективное право: право на свободу передвижения, выбор места жительства и вторая – право на свободный выезд за пределы Российской Федерации и возвращение в нее. Рассмотрение этих субъективных прав в одном исследовании возможно, но при условии выделения правомочий, свойственных каждому из них [3]. В противном случае вряд ли возможно считать поставленную научную задачу решенной.

Каждое из правомочий конституционного (субъективного) права имеет собственное содержание, раскрываемое в отраслевом законодательстве, детализируемое подзаконными актами и судебной практикой. Точное описание возникающих при его реализации правоотношений позволяет дать характеристику описываемого права.

При исследовании содержания конституционного субъективного права возникают проблемы не только в определении состава его элементов, но и в выделении критериев, помогающих определиться с кругом, например, субъектов – носителей права. Можно ли признать наличие субъективного права, предположим, у народа или социальной общности?

Субъективное право предполагает наличие волевого элемента – право на обращение в уполномоченный орган за защитой нарушенного права или требованием к обязанному субъекту. Народ (как категория, скорее, философская, политологическая, а не юридическая) такой возможности не имеет в силу того, что он не является субъектом правоотношений. Конституция РФ содержит правовые конструкции, в которых термин «народ» используется в различных словосочетаниях: «многонациональный народ», «самоопределение народов», «власть народа», «государствообразующий народ», «коренной малочисленный народ» и др. Все эти конституционные конструкции являются лингвистической составляющей общего конституционного положения, выступают частью нормы-принципа, нормы-категории. Права народа защищаются его представителями (выборными органами власти), которые и вступают в правоотношения от имени народа. Именно они являются субъектами права.

Например, имеет ли коренной малочисленный народ право требовать возмещения вреда, причиненного решением органа публичной власти? Кто обладает правом выступать от имени народа во взаимоотношениях с органом власти, в том числе в суде? Очевидно, что это

представитель (физическое лицо или выборный и официально признанный орган), т.е. субъект, наделенный правом представлять интересы коренного народа [4, с. 312]. Такая постановка проблемы правомерна, поскольку только так может проявиться «волевой момент» у народа, чьи права нарушены. Право требования (элемент субъективного права) принадлежит субъекту права (лицу). Даже если суд принимает решение, например, отменить незаконный акт органа власти, нарушающий право коренного малочисленного народа пользоваться традиционными охотничьими или рыболовными угодьями, право на возмещение вреда (если таковой имеется) возникает у каждого представителя коренного народа (субъективное право), а не у народа в целом.

Подчеркнуть наличие этого важного, основополагающего критерия (волевой момент) важно, поскольку его наличие или отсутствие и определяет возможность отнесения того или иного человеческого сообщества к субъектам права.

Своим субъективным конституционным правом может воспользоваться только субъект конституционного права. От имени иных лиц или сообществ могут выступать уполномоченные органы. Так, прокурор может обратиться в суд с иском в интересах неопределенного круга лиц. Но можно ли рассматривать такое обращение реализацией субъективного права? Очевидно, что нет, хотя волевой момент присутствует, но реализации субъективного права нет, поскольку отсутствует правоотношение между лицом, чьи права нарушены, и субъектом, реализующим правомочие по защите нарушенного права (уполномоченный орган).

Лицо, защищающее свое субъективное право, и уполномоченный орган, действующий в интересах неопределенного круга лиц, будут опираться в своих действиях на одни и те же нормативные положения. Правовая основа будет одинакова за исключением некоторых процессуальных особенностей. Поэтому можно говорить о совокупности нормативных предписаний, составляющих правовой институт, включающий нормы, регламентирующие определенный круг общественных отношений. Например, при изучении права лица на обращение предполагается исследование определенной совокупности норм, находящихся в различных нормативных актах.

При рассмотрении норм этого института и исследовании отношений, возникающих в процессе их реализации используется другая методика. Она может отличаться от подходов, применяемых для исследования содержания субъективного права.

Возможность применения такого подхода можно наблюдать в научных трудах [5]. Исследуется законодательство, нормы которого образуют соответствующий правовой институт [6]. Безусловно, и при рассмотрении содержания элементов субъективного права, и при рассмотрении норм соответствующего правового института будут проанализированы сходные правовые положения. Однако концентрация внимания на содержании субъективного права позволит более детально рассмотреть правомочия субъекта, определить его возможности по использованию права, его охране и защите. Изначальное определение методики исследования даст возможность исключить некорректное применение понятийного аппарата, определить границы рассмотрения вопросов, выстроить логически согласованный план исследования.

Если же четко не определять методику исследования, то возможно смешение подходов: субъективное право может раскрываться не через его содержание (совокупность правомочий), а через рассмотрение норм, составляющих соответствующий институт (право на обращение) или даже подотрасль (избирательное право). Различие в методике определяется целью исследования. Если ставится цель рассмотреть меру возможного (дозволенного) поведения личности в рамках конституционного субъективного права, тогда задачи исследования определяются необходимостью изучения правомочий лица, составляющих содержание субъективного права. Если же целью является рассмотрение норм правового института (институт репродуктивных прав человека), тогда исследуются нормы права и отношения, возникающие в процессе их реализации без акцентирования внимания на содержании правомочий лица.

Возможен и третий подход, когда конституционное право личности рассматривается через аксиологическое (ценностное) содержание [7]. В основе данного подхода лежит обоснование отнесения того или иного права к конституционной ценности. Рассматриваются виды ценностей (социальная, правовая, экологическая, экономическая и др.), их иерархия (выявление доминанты и определение изучаемого права в системе ценностей), структура ценности [7, с. 18].

Акцентируя внимание на возможности выбора различных методик при изучении содержания субъективного права, отметим, что конституционное право, являясь субъективным по своей природе, требует выделения приоритетов, которые определяются общей формулой

– любое субъективное право представляет собой определенную меру возможного поведения управомоченного лица [8, с. 44].

Результаты

Выбор методики исследования прежде всего влияет на структуру (определяет содержание). Например, конституционное право на объединение (ст. 30 Конституции РФ) имеет классическую схему рассмотрения содержания через следующие правомочия: право создавать объединение, право вступать в объединение, право воздерживаться от вступления в объединение, право выходить из объединения [9, с. 33]. Рассмотрение процесса реализации этих правомочий позволяет раскрыть содержание конституционного субъективного права, выявить недостатки правового регулирования и описать возможности удовлетворения соответствующего интереса субъектов права, показать возможности защиты.

Приступая к исследованию конституционного субъективного права, важно определить границы рассмотрения, поскольку «безбрежный охват» различных по своей отраслевой принадлежности нормативных предписаний не позволит достичь главного итога научного труда – формулирования теоретического посыла, позволяющего внести свой вклад в разработку авторского подхода к пониманию проблемных вопросов теории, обосновать свое видение путей решения сложных вопросов теории и практики.

Список литературы

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004. 245 с.
2. Нигметзянов А. А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2 (43). С. 68–72.
3. Ибрагимова Л. Р. Конституционное право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, выезд и въезд в Российскую Федерацию: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 25 с.
4. Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах / под ред. А. Ф. Малого, С. В. Бухмина, Р. Ш. Гарипова. М. : Проспект, 2021. 360 с.
5. Граф Р. В. Конституционное право на возмещение государством вреда: нормативное содержание и механизм реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 30 с.
6. Малый А. Ф., Логунова С. О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2. С. 91–96. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-2-91-96>, EDN: VVCCON
7. Пермиловский М. С. Право на благоприятную окружающую среду как конституционная ценность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 31 с.
8. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 410 с.
9. Малый А. Ф., Малый Д. А., Уткин Р. В. Общественное объединение как форма реализации права на объединение. Архангельск : Архангельский гос. тех. ун-т, 2009. 332 с.

References

1. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of government and law]. Moscow, Yurist, 2004. 245 p. (in Russian).
2. Nigmatzyanov A. A. On the concept of the right to a state award. *Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*, 2018, no. 2 (43), pp. 68–72 (in Russian).
3. Ibragimova L. R. *Constitutional right to freedom of movement, choice of place of stay and residence, exit and entry into the Russian Federation: Issues of theory and practice*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kazan, 2020. 25 p. (in Russian).
4. *Pravovoe polozhenie korennykh narodov v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Malyj A. F., Bukhmin S. V., Garipov R. Sh. (eds.). Legal status of indigenous peoples in Russia and foreign countries]. Moscow, Prospekt, 2021. 360 p. (in Russian).
5. Graf R.V. *Constitutional right to state compensation for harm: Normative content and implementation mechanism*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2021. 30 p. (in Russian).
6. Malyj A. F., Logunova S. O. Institutions of law and legal institutions in modern Russian law and features of their formation. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 2, pp. 91–96 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-2-91-96>, EDN: VVCCON
7. Permilovskiy M. S. *The right to a favorable environment as a constitutional value*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kazan, 2014. 31 p. (in Russian).
8. Gribanov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Exercise and protection of civil rights]. Moscow, Statut, 2000. 410 p. (in Russian).
9. Malyj A. F., Malyj D. A., Utkin R. V. *Obshchestvennoe ob#edinenie kak forma realizatsii prava na ob#edinenie* [Public association as a form of exercising the right to association]. Arkhangel'sk, Arkhangel'sk State Technical University Publ., 2009. 278 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 28.06.2023
The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 28.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 450–459

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 450–459

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-450-459>, EDN: PKOKXS

Научная статья

УДК 346.7

Государственное регулирование и дерегулирование: право и экономика в современной России

О. В. Романовская

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Романовская Ольга Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Государственно-правовые дисциплины», pgu-gpd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4563-1725>

Аннотация. Введение. Правовые аспекты государственного регулирования экономических отношений имеют особую актуальность для Российской Федерации в силу развития современных кризисных ситуаций. В настоящее время необходимо исследовать общие параметры взаимодействия права и экономики, на основе которых можно выработать конкретные рекомендации по совершенствованию российского законодательства. **Эмпирический анализ.** Представлены общие факторы, оказывающие серьезное (в длительной перспективе) влияние на экономику России: постепенная декарбонизация; появление концепции устойчивого развития, устанавливающей связь роста ВВП (валового внутреннего продукта) с заботой о будущих поколениях; всеобщая цифровизация, затрагивающая все сферы общественной жизни. **Методы и понятия.** Противостояние двух глобальных течений либертарианства и кейнсианства оказывает серьезное воздействие на пределы вмешательства государства в экономические отношения. В то же время плавно происходящая конвергенция приводит к выработке таких концепций, как социальное рыночное хозяйство и либертарианский патернализм, каждая из которых предполагает переход к косвенному воздействию и учету социальных факторов при создании конкурентной среды. Отсутствие в Конституции России прямого закрепления основ экономической системы предполагает выработку синтетических принципов, нуждающихся в дальнейшей конституционализации. **Теоретический анализ.** В Российской Федерации дальнейшее усиление прямой роли государства в экономике страны имеет институциональные основания – большой бюрократический аппарат и значительный государственный сектор в системе хозяйствования. В то же время правовое обеспечение различных форм дерегулирования (само-регулирование, сорегулирование, квази-регулирование и др.) сформировано. Объявленная «регуляторная гильотина» в отрыве от общих направлений административной реформы вряд ли будет иметь значимый долгосрочный эффект. **Результат.** Процесс деконцентрации власти (одним из аспектов которого выступает дерегулирование) в Российской Федерации нельзя считать законченным. Деревулирование не является единственной формой деконцентрации и снижения административной нагрузки на бизнес.

Ключевые слова: государственное регулирование, дерегулирование, либертарианство, кейнсианство, «регуляторная гильотина», социальное рыночное хозяйство

Для цитирования: Романовская О. В. Государственное регулирование и дерегулирование: право и экономика в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 450–459. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-450-459>, EDN: PKOKXS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State regulation and deregulation: Law and economics in modern Russia

O. V. Romanovskaya

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

[Olga V. Romanovskaya, pgu-gpd@yandex.ru](mailto:Olga.V.Romanovskaya@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4563-1725>

Abstract. Introduction. The legal aspects of state regulation of economic relations are of high relevance for the Russian Federation due to the development of modern crisis situations. At present, it is necessary to study the general parameters of the interaction between law and economics, on the basis of which it is possible to develop specific recommendations for improving Russian legislation. **Empirical analysis.** The author presents general factors that have a serious (in the long term) impact on the Russian economy: gradual decarbonization; the emergence of the concept of sustainable development, establishing a link between GDP growth (gross domestic product) and concern for future generations; universal digitalization affecting all spheres of public life. **Methods and concepts.** The confrontation between the two global currents of libertarianism and Keynesianism has a serious impact on the limits of state intervention in economic relations. At the same time, the gradual convergence leads to the development of such concepts as the social market economy and libertarian paternalism, each of them involving a transition to indirect influence and taking into account social factors in creating a competitive environment. The absence of a direct consolidation of the foundations of the economic system in the Constitution of Russia implies the development of synthetic principles that need further constitutionalization. **Theoretical analysis.** In the Russian Federation, the further strengthening of the direct role of the state in the country's economy has institutional

grounds – a large bureaucratic apparatus and a significant public sector in the economic system. At the same time, legal support for various forms of deregulation (self-regulation, co-regulation, quasi-regulation, etc.) has been formed. The declared "regulatory guillotine", in isolation from the general directions of administrative reform, is unlikely to have a significant long-term effect. **Results.** The process of deconcentration of power (with deregulation being one of the aspects) in the Russian Federation cannot be considered complete. Deregulation is not the only form of deconcentration and reduction of the administrative burden on businesses.

Keywords: state regulation, deregulation, libertarianism, Keynesianism, "regulatory guillotine", social market economy

For citation: Romanovskaya O. V. State regulation and deregulation: Law and economics in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 450–459 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-450-459>, EDN: PKOKXS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Взаимодействие права и экономики – вечная тема современных исследований, на которую постоянно влияют различные внешние факторы: кризисные явления, глобальные конфликты, масштабные бедствия. Современный мир, несмотря на то что еще в начале XXI в. прогнозировалась «эра благоденствия», не стал ни тихим, ни спокойным, ни предсказуемым. Это серьезнейшим образом отражается на экономическом благосостоянии как государств, так и отдельных граждан. Период быстрого роста экономик мира в результате пандемии коронавирусной инфекции и объявленных из-за нее системных ограничений, затронувших практически все сферы жизни, сменился глобальным падением. В научных публикациях и в средствах массовой информации в течение трех последних лет использовались такие «мрачные» термины, как стагнация, инфляция, рецессия. Целые отрасли – туризм, ресторанный бизнес, транспортные услуги – получили урон, превзошедший по своим объемам все то, что наступало во все ранее известные международные кризисы. К тому же коллапс приобрел действительно глобальный характер. Ни одна страна не смогла стать «тихой гаванью» для экономического благополучия.

Эмпирический анализ

Для Российской Федерации многие негативные процессы имели такой же характер и последствия, хотя и не были столь масштабными, как прогнозировалось различными аналитиками. Так, в 2020 г. общее падение ВВП составило 3,1% (прогноз Минэкономразвития – 3,8%) [1]. Институтом экономической политики им. Е. Т. Гайдара был подготовлен объемный доклад, в котором определялись четыре фактора (в докладе они обозначены как «развилки»), оказывающих серьезное влияние на будущее мира: новая глобализация; новое государство; новая экономика; новый регионализм [2]. Не вдаваясь подробно в его содержание, заметим, что неопределенности добавляет стремительное развитие цифровых технологий, приводящее к

быстрой трансформации всех коммуникаций, что, безусловно, оказывает воздействие как на право, так и на экономику.

Дополнительным элементом служит нестабильность в вопросах безопасности, нарастание военных угроз, что применительно к Российской Федерации, обусловило рост дискуссий о переходе государства к мобилизационной экономике. При этом ранее данный термин использовался больше как аллегория – для подчеркивания необходимости качественного рывка в повышении производительности труда, модернизации производства, диверсификации экономики («Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм» [3, с. 88]). С. Глазьев связывал понятие мобилизационной экономики исключительно с экстраординарной моделью государственного регулирования, нацеленной на форсированные достижения [4]. Подобный подход связан с тем, что экономическая система Российской Федерации претерпевала глобальный переход от административно-командной к рыночной системе хозяйствования, что сопровождалось серьезными потерями (как качественными, так и количественными). С учетом длительности переходного периода и отсутствия стратегических перемен каждый раз предлагалось совершить «рывок», в центре которого должна была стать инициатива государства, его «новая экономическая политика».

Для российской экономики есть еще один фактор, в длительной перспективе влияющий на ее макроэкономические показатели, – это постепенная декарбонизация, которая стала основным трендом политики многих государств. Зеленая экономика обуславливает снижение выброса парниковых газов (что закреплено в Парижском соглашении 2015 г. по климату), которое достигается благодаря переходу к возобновляемым видам энергии, ресурсосбережению, внедрению безотходных технологий и др. Подтверждением заявленного тренда служит Доклад Международного энергетического агентства о прогнозах

роста глобального рынка электромобилей, показывающий последовательный рост их продаж – в 2022 г. на 55% больше, чем в 2021-м. Общее число электромобилей в мире превысило 26 млн, при этом доля в общем объеме продаж современных авто в ряде европейских государств варьируется от 20 до 30%. Рекордсмен – Норвегия, где электромобили составляют 88% от общих продаж авто [5]. И это только один из элементов общего вектора декарбонизации.

Правовая (и, кстати, идеологическая) основа зеленой экономики заложена также в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [6]. Заложенное в ней понятие устойчивого развития исходит из триединства – экономический рост должен напрямую связываться с развитием образования, здравоохранения, социальной защиты, борьбой с изменениями климата (экономика – социальные цели – экология). Даже если государство отрицает необходимость присоединения к Парижскому соглашению, то концепт устойчивого развития связывает все страны мира общей заботой о будущих поколениях. Это, в свою очередь, определяет ряд значимых направлений деятельности государств (на сайте ООН их обозначено семнадцать [7]), которые обуславливают рост ВВП (как базовый показатель экономического роста страны) необходимостью соблюдения четкой аксиологии (планета Земля – наш единый дом, и другого дома нет и не предвидится).

Стремительное развитие цифровой экономики вносит свою лепту в декарбонизацию: если ранее углеводороды считались «кровью» ресурсного развития, то сейчас эти функции выполняют нематериальные активы – персональные данные. Самый яркий показатель – капитализация, где компания Uber Technologies Inc., не имея в собственности ни одного значимого промышленного объекта, получает годовую операционную прибыль около 3 млрд долл. США и капитализацию более 100 млрд долл. США. Приведенные данные сопоставимы с показателями ПАО «Газпром» – крупнейшей в мире газодобывающей организации. Следует добавить, что в российском бюджете доля доходов от нефти и газа варьировалась на протяжении последних двадцати лет от 36 до 51% [8], а курс на диверсификацию (обозначенный еще после кризиса 2008 г.) пока так и не оправдывает заявленные ожидания. Понимание складывающейся ситуации обуславливает необходимость создания надлежащей правовой среды, что от-

разилось на появлении цифровой экономики в числе национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9]. На основе общего поручения главы государства Протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 утвержден Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации».

Указанные обстоятельства обуславливают поиск решений выхода из столь серьезной проблематики, где главные цели видятся в повышении конкурентоспособности российских предпринимателей, росте экономических показателей поступательного развития государства, улучшении благосостояния граждан.

Методы и понятия

В вопросах государственного вмешательства в экономические отношения уже продолжительное время налицо противостояние двух глобальных течений – либертарианства и кейнсианства. Интересный момент: если первое направление имеет значительное число научных ответвлений, разработанных видными представителями учения (многие из которых удостоены Нобелевской премии в области экономики), то второе связано с именем конкретного представителя – Джона Мейнорда Кейнса, провозгласившего конец известной формулы «*Laissez – faire*» (дословный перевод с французского – «позвольте – делать»), ставшей символом государственного минимализма в рыночной экономике. В юриспруденции эта формула представлена в виде концепции «Государство – ночной сторож», хотя такое представление весьма упрощено. Правильнее указывать на «минимальное государство», основным рупором которого считается профессор Гарвардского университета Роберт Нозик, предельно ясно обосновавший: «Минимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано. Любое государство, которое больше минимального, нарушает права людей» [10, с. 99].

Дж. Кейнс, не отрицая общих правил рыночной экономики (несмотря на симпатии плановой модели Советского Союза, где он бывал и выступал с публичными лекциями), отстаивал активную роль публичных институтов в регулировании экономических отношений, считая, что панацей развития выступают всеобщая занятость (даже если она носит искусственный ха-

ракти), перераспределение богатства и доходов, что должно приводить к снижению социальной напряженности [11]. Его идеи набрали популярность в годы Великой депрессии в США, хотя его нельзя назвать конструктором выхода из той кризисной ситуации. В большей мере научные тезисы английского экономиста были восприняты в Новой экономической политике (НЭП), разработчиком которой выступил В. И. Ленин, периодически обращавшийся к его работам, зачастую вступая в заочную дискуссию [12].

Дж. Кейнс имел серьезный авторитет и после своей смерти в 1946 г., когда в странах Западной Европы после Второй мировой войны к власти стали приходить социалисты (хотя Нобелевская премия ему так и не была присуждена). Определенным ответом стала монография Фридриха Августа фон Хайека «Дорога к рабству» [13], в которой последовательно критиковались подходы по усилению роли государства. Дж. Стиглер (лауреат Нобелевской премии 1982 г. в области экономики) пошел дальше, подвергая сомнению любые основания потенциального государственного регулирования экономических отношений, также связав желание вмешательства с покушением на свободу человека («погружение в тиранию происходит постепенно»). Его известная фраза: «Государство – механизм работы и власть государства – это потенциальный ресурс или угроза для любой отрасли экономики» [14, с. 197].

Связь личной свободы с экономическим ростом – «красная нить» либеральных экономистов, где самым цитируемым автором стал А. Токвиль, представивший новую форму тирании «гигантской охранительной власти» – абсолютной, дотошной, справедливой, предусмотрительной и ласковой, простирающей «могучие длани» на все общество в целом [15]. Кстати, развитие цифровых технологий обновляет концепцию «контролируемого общества», которое не обязательно может обеспечиваться единой централизованной властью. Вполне подходит децентрализованный формат – через систему потребления и расходов [16].

Несмотря на формирующееся негативное отношение к либеральной модели экономики, именно либертарианцы стали творцами большинства идей, получивших свое реальное воплощение в теории права и, как следствие, в конституционном и ином отраслевом законодательстве. В числе наиболее значимых следует выделить концепцию социального рыночного хозяйства. О. Е. Кутафин, отмечая отсутствие в Конституции России 1993 г. [17] положений об экономической системе (в отличие от советских

Основных законов), на теоретическом уровне рассматривал социальное рыночное хозяйство как базовый элемент основ конституционного строя [18, с. 174]. В. Д. Андриянов проводил связь рыночной экономики с понятием социального государства, что и служит, по мнению автора, основанием для социальной ориентации Российской Федерации [19, с. 58]. Кстати, ст. 17 Конституции Республики Татарстан прямо закрепляет, что основу экономики Республики Татарстан составляет социальное рыночное хозяйство. Более того, конституционная реформа 2020 г. во многом восприняла идеи солидаризма (отражением которых стала ст. 75.1 Конституции РФ [17]).

Сама концепция связывается с именем Людвиг Эрхарда – министра экономики послевоенной Западной Германии (ФРГ), выстроившего всю государственную политику под одну цель – создание массовой покупательной способности. Л. Эрхард считается автором «германского чуда» [20], когда разрушенная во время войны немецкая экономика за небольшой период времени показала стремительный рост, благодаря которому страна стала локомотивом развития всей Европы. Л. Эрхард четко определял роль государства в регулировании экономических отношений – конкуренция: «Она одна дает возможность всем людям пользоваться хозяйственным прогрессом, в особенности в их роли потребителей. Она же уничтожает все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда» [20, с. 13].

В начале XXI в. успешно отвоевывает научные позиции поведенческая экономика, больше известная как либертарианский патернализм, автором которого считаются Ричард Талер и Касс Санстейн. Ричард Талер стал лауреатом Нобелевской премии в области экономики в 2017 г. Основной тезис заключается в построении таких социальных отношений, которые бы учитывали поведенческие стереотипы. А уже они могут стать базой для «мягкого подталкивания». Государство выстраивает такую «архитектуру выбора», которая не принуждает, но подводит человека к максимально полезному выбору [21]. Авторы ушли от гипотезы, что потребитель всегда совершает логичные поступки, что обуславливает поиск психологических особенностей поведения граждан, дабы обозначить приоритеты и выстроить модель «подталкивания». Р. Талер (как лично, так и в команде единомышленников) работал над различными проектами, результатом которых становились различные реформы – инвестирование пенсионных вкладов, шведская система социального обеспечения, программа

модернизации уголовного правосудия. Нельзя не отметить, что данная концепция подвергается жесткой критике, причем как со стороны либертарианцев, так и со стороны кейнсианцев. Первые указывают, что государство тем самым наделяется абсолютизированной функцией поиска «общего блага», при котором мягкое подталкивание легко превратится в выталкивание, отрицающее свободу выбора, хотя и косвенным путем. Вторые обвиняли в подмене понятий, когда роль архитектора выбора может присваиваться различными компаниями, а при усилении господства транснациональных корпораций погоня за сверхприбылью не будет иметь минимальных ограничений (в силу ослабления государства в статусе регулятора) [22]. Несмотря на объявляемый скепсис, во многих странах «почти сложился консенсус в отношении того, что подталкивание – это правильная вещь, которая облегчает жизнь людям» [23, с. 22]. Либертарианский патернализм стал во многом «золотой серединой» либертарианства и кейнсианства, что отчасти сделало его заложником такого состояния: критика идет от представителей каждого из указанных течений. Однако определенная конвергенция последовательно происходит.

Теоретический анализ

Российская Федерация относится к числу тех стран, в которых государство выступает активным участником экономических отношений. Это проявляется не только в виде создания соответствующей правовой базы (реализуются регуляторные полномочия органов власти), но и в сохранении значительного числа контрольных функций (позволяющих активно воздействовать на предпринимательскую среду, где крайняя негативная форма выражена формулой «кошмарить бизнес»), а также в развитии государственного сектора экономики.

Возможности дальнейшего распространения влияния государства на экономику имеют институциональные основания – большой бюрократический аппарат, который при проведении любых реформ будет стремиться к сохранению своего положения. Российские статистические ежегодники (размещены на официальном сайте Росстата) дают представление о численности работников государственных органов и органов местного самоуправления. В 2000 г. она составляла 1163,3 тыс. чел., в 2018 г. – 2156,3 тыс. чел. При этом наблюдался почти трехкратный рост в федеральных органах власти: с 522,5 тыс. чел. в 2000 г. до 1427,7 тыс. чел. в 2018 г. Региональные органы власти

не представили такого увеличения: в 2000 г. – 192,9 тыс. чел., в 2018 г. – 259,3 тыс. чел. В ежегодниках Росстата постоянно происходила сравнительная характеристика с США и Великобританией. Так, в ежегоднике 2020 г. численность работников федеральных органов исполнительной власти обозначена следующим образом: Россия – 1222,1 тыс. чел. (данные 2018 г.); Великобритания – 402,3 тыс. чел. (данные 2019 г.); США – 2061,2 тыс. чел. (данные 2018 г.).

С 2021 г. информация стала выглядеть иначе. В обозначенном пункте отчетности Российского статистического ежегодника изменилось название. Ранее – Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления, с 2021 г. – Численность работников, замещающих должности государственной гражданской и муниципальной службы, по ветвям власти и уровням управления. Благодаря смене методики общая численность работников в 2020 г. составила 955,7 тыс. чел., из них в федеральных государственных органах – 454,7 тыс. чел.

Подобные уловки искажают реальную картину, что создает лишь дополнительные трудности в оценке эффективности государственного аппарата. Резкие изменения, которые произошли в методике подсчета, нуждаются в понятном объяснении. В любом случае двух-, а по федеральным органам трехкратное снижение численности как минимум настораживает. К тому же руководство страны неоднократно ставило стратегическую задачу – сокращение государственного аппарата. Изначально об оптимизации государственного аппарата было заявлено при старте административной реформы в 2003 г. В последующем аналогичные инициативы постоянно повторялись. В 2013 г. предполагалось 20%-ное сокращение, в 2016 г. – 10%-ное. В последнее время следует выделить заявление Председателя Правительства РФ в ноябре 2020 г., когда предлагалось сократить государственный аппарат в среднем на 10% (в большей мере за счет вакантных должностей) [24]. Сочетание указанных факторов невольно приводит к выводу, что невозможность реального выполнения поручений главы государства и главы Правительства, привело к «правильным» статистическим данным.

Функционирование большого государственного аппарата возможно еще и в силу существования значительного государственного сектора экономики. Справедливости ради укажем, что в понимании термина «государственный сектор экономики» есть разночтения (поддерживаемые

различными школами экономистов). Обратим внимание, что до 2021 г. (до проведения контроля со стороны Счетной палаты России) расходились и данные по предприятиям с государственным участием в силу межведомственной неразберихи [25]. Есть специфические методы подсчета доли государства в экономике страны, что нередко проявляется в аналитических документах, которые впоследствии становятся основой для принятия юридических решений. В 2019 г. МВФ определял долю государства в экономике в 33%. Примерно такое же значение представлялось Европейским банком реконструкции и развития. Последние данные представлены на 2021 г. Институтом прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС, и они составляют 56,23% [26].

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) утверждала, что доля государства выросла до 70% в 2015 г. (с 35% в 2005 г.) [27]. Глава ФАС И. Артемьев считает, что именно это обстоятельство лежит в основе отсталости и низкой конкурентности российской экономики [28]. Именно поэтому происходит определенная путаница при подсчете вклада государства в экономику, что нередко вызывает раздражение при обсуждении значимых вопросов в высших органах государственной власти (тем более когда эту путаницу создают сами органы государства, подготавливающие аналитические отчеты).

Статистические данные показывают, что процесс увеличения доли государства достиг своего предела. При этом усилия, связанные с повышением инновационности экономики (и ее диверсификации), как раз упираются в заявленный фактор. Даже беглый взгляд на историческое соревнование двух моделей – плановой и рыночной – показывает явное преимущество свободной конкуренции, которая благодаря цифровизации приобретает невиданные масштабы (о которых глобалисты в конце прошлого века и не мечтали). Любое «экономическое чудо», ставшее показателем для стремительного развития той или иной страны, основано на введении либеральных правил (с учетом национальных особенностей: НЭП в СССР, рывок в послевоенной Германии, появление «четырёх азиатских тигров» – Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и Тайваня).

Правовое обеспечение различных форм дерегулирования в Российской Федерации сформировано. Приняты Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» и Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»,

которые детализируются в иных законах, посвященных саморегулированию той или иной сферы (аудиторская, оценочная деятельность и др.). Есть опыт делегирования властных полномочий и создания профессиональных публичных корпораций: нотариальная и адвокатская палаты. Следует указывать на функционирование государственных корпораций, являющихся организациями частного права, но, по сути, вовлеченными в текущую государственную управленческую деятельность.

Еще с момента провозглашения административной реформы (которой в 2023 г. можно отметить 20-летие) был сделан основной упор на выявление избыточных функций органов публичной власти (с последующим отказом от них). Новым этапом стало провозглашение «регуляторной гильотины», для продвижения которой в мае 2019 г. Правительством РФ была утверждена Дорожная карта [29]. Следует отметить, что англоязычный термин «Regulatory Guillotine» в настоящее время является торговой маркой, которая принадлежит консалтинговой компании «Jacobs, Cordova & Associates Inc.», располагающейся в США и специализирующейся на сопровождении административных реформ, связанных с сокращением регуляторных функций и оптимизацией управления [30]. Все удачные примеры внедрения «регуляторной гильотины», которые приводятся в российской юридической литературе (это – Южная Корея, Вьетнам, Хорватия, Египет, Мексика), как раз проводились при участии указанной компании [31]. Это вряд ли может вменяться в вину сторонникам избрания данной методики (следование канонам частной компании из США), но должно учитываться при проведении конкретных мероприятий в рамках общей административной реформы. Главный момент: копирование термина может привести к юридическому конфликту – использованию торговой марки без разрешения правообладателя. А это прямой путь к компрометации самой идеи: национальная реформа идет по «пиратскому пути».

Обращение к идее «Regulatory Guillotine» (как это обозначено в программных документах «Jacobs, Cordova & Associates Inc.») показывает, что она строится на оптимизации нормотворческого процесса, что должно, по замыслу разработчиков, привести к снижению административной нагрузки на предпринимателей. При этом она не всегда связана именно с дерегулированием. Это в большей мере – мониторинг всех принятых нормативных актов, оценка их эффективности (с учетом изменившейся ситуации), обсуждение

их необходимости и актуальности (с привлечением институтов гражданского общества), а уже как итог – принятие решения: отмена акта, различные формы систематизации, принятие нового документа (варианты различны). Если же проанализировать те выступления, которые сопровождали объявленный этап реформы, то нетрудно увидеть сужение цели – выявление избыточных функций органов государства и их последующее устранение. Правительственная Дорожная карта, а впоследствии основанная на ней Методика исполнения плана мероприятий сужает «регуляторную гильотину» до контрольно-надзорной функции государства. Повышение эффективности государственного регулирования связано не только с сокращением числа проверок и их оснований. Дерегулирование – одна из форм децентрализации власти, а есть еще саморегулирование, сорегулирование, квази-регулирование. Есть промежуточные формы, сочетающие в себе различные признаки. Оптимизация правового массива также может проходить в виде отмены актов, которые уже и так не подлежат применению. Примером может служить Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1850 «О признании не действующими на территории Российской Федерации актов и отдельных положений актов, изданных центральными органами государственного управления РСФСР и СССР».

Юридическим воплощением «регуляторной гильотины» стали разработка и принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [32]. К тому же ст. 15, определяющая обеспечение реализации положений Закона, связывает ее с «регуляторной гильотиной». Таким образом, термин получил законодательное подтверждение. В то же время Закон не ставит перед собой задачу сокращения самих обязательных требований, к ним лишь предъявляются единые системные требования. Кроме того, предусматривается значительная сфера отношений, на которую он не распространяется. Первые результаты его применения показывают, что по ряду новых положений о лицензировании произошло не смягчение, а ужесточение лицензионных требований. Это означает, что смысл «регуляторной гильотины» в наведении общего порядка и формировании единого понятного правового поля, а не исключительно в сокращении административной нагрузки на бизнес (которая в некоторых случаях становится косвенным эффектом). Была представлена и негативная оценка самой идеи: обвинение органов

публичной власти в беспомощности при проведении реформы и нежелании использовать иные управленческие технологии [33] (в публикациях речь шла об «умном регулировании» – новой концепции управленческих технологий, которая также становится предметом научных разработок [34]). В научных оценках последствий «регуляторной гильотины» указывается на снижение издержек, что должно привести к развитию предпринимательской активности. Это обусловит появление дополнительных рабочих мест, повышение инвестиционной привлекательности, а значит – большее число граждан, отошедших от черты бедности. Назывались цифры в 1,0–1,5 млн чел., которые могут получить высокооплачиваемую работу [35].

Результаты

1. Государство объективно заинтересовано в повышении качества управленческой деятельности. Необходимы новые подходы, которые не всегда могут быть реализованы в рамках стандартной деятельности бюрократического аппарата. Это обуславливает поиск инновационной управленческой матрицы, активно использующей цифровые технологии. Всеобщая цифровизация способствует децентрализации и внедрению сетевых технологий в текущую деятельность органов публичной власти.

2. Главные цели государственного регулирования экономических отношений видятся в повышении конкурентоспособности российских предприятий, росте экономических показателей поступательного развития государства, улучшении благосостояния граждан. Сейчас наблюдается новая фаза глобализации, когда конкуренция экономик преобразилась в конкуренцию юрисдикций. При этом современный мир выработал критерии устойчивого развития (поддержанные ООН), которые связывают подъем ВВП с соблюдением прав будущих поколений на здоровую окружающую среду и социальное благополучие (в весьма широком смысле этого слова).

3. Залогом развития экономики всегда выступает честная конкуренция, основанная на продвижении частной инициативы. Основой экономической системы современного государства выступает социальное рыночное хозяйство, в рамках которого государство выполняет функции по обеспечению общественного интереса, но при минимальном прямом давлении. Определение принципиальных подходов к роли государства в регулировании экономики страны нуждается в юридическом закреплении.

В Конституции Российской Федерации отсутствуют общие нормы, раскрывающие суть экономической системы государства, что позволяет выработать синтетический конституционный принцип социального рыночного хозяйства (на основе положений о социальном государстве, солидаризме и провозглашении права частной собственности).

4. Длительное противостояние либертарианства и кейнсианства в эпоху всеобщей конвергенции становится неактуальным. Этому способствует отход от двуполярного мира, условно классифицируемого на капиталистический и социалистический. Ушло в историю деление экономик на рыночную и плановую, что отчасти усложняет поиск оптимальной модели государственного вмешательства в экономические отношения. Отсутствие споров о принципах построения приводит зачастую к бесконечным дискуссиям по частным вопросам. Необходимо исходить из общего постулата: нет ни одного примера успешной экономики, где государство максимально вмешивалось в ее развитие. Даже если и были показательные иллюстрации государства – мега-регулятора, то все они носили краткосрочный характер, а в далекой перспективе приводили лишь к усугублению проблем и нарастанию кризиса. Это означает, что процесс деконцентрации власти, одним из аспектов которого выступает дерегулирование, в Российской Федерации нельзя считать законченным. Иной момент – дерегулирование не является единственной формой деконцентрации и снижения административной нагрузки на бизнес (к тому же не всегда и самой эффективной).

5. «Регуляторная гильотина» обозначена как новый этап административной реформы, нацеленный на выявление избыточных функций органов публичной власти (с последующим отказом от них). Заявленный подход рассматривается в России как форма систематизации законодательства в сфере экономики. Однако он не может подменять собой иные формы, как, например, инкорпорация, кодификация, отмена устаревших актов, которые используются в стандартной правотворческой практике.

Список литературы

1. Старостина Ю. Падение экономики России из-за пандемии стало максимальным за 11 лет. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (дата обращения: 31.05.2023).
2. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А. Л. Кудрина М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 344 с.
3. Фомотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М. : Наука, 1993. 271 с.
4. Глазьев С. Пора объявлять мобилизацию // Коммерсант. Власть. 1999. № 15. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/15386> (дата обращения: 31.05.2023).
5. Global EV Outlook 2023 Catching up with climate ambitions. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/dacf14d2-eabc-498a-8263-9f97fd5dc327/GEVO2023.pdf> (дата обращения: 31.05.2023).
6. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 № 70/1. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 31.05.2023).
7. 17 целей для преобразования нашего мира. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 31.05.2023).
8. Агеева О. Треть доходов бюджетной системы России оказалась связана с нефтью и газом // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/08/2019/5d555e4b9a7947aed7a185de> (дата обращения: 31.05.2023).
9. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20, ст. 2817.
10. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с.
11. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
12. Черемисинов Г. А. Диалог о новой экономической политике: Дж. М. Кейнс и В. И. Ульянов-Ленин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–19. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-4-19>
13. Хайек Ф. Дорога к рабству. М. : Новое издательство, 2005. 264 с.
14. Стиглер Дж. Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 330 с.
15. Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.
16. Rose N. Government and Control // British Journal of Criminology. 2013. Vol. 40, iss. 2. P. 321–339. <https://doi.org/10.1093/bjc/40.2.321>
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
18. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2002. 347 с.
19. Андриянов В. Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции. М. : Экономика, 2008. 326 с.

20. Эрхард Л. Благополучие для всех. М. : Начала-Пресс, 1991. 336 с.
21. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благополучии и счастье. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
22. Либман А. М. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // ОНС: Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 27–39.
23. Белянин А. В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 5–25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-5-25>
24. Гулалиева М. Оптимизацию штата госслужащих могут начать с 1 января // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-predlagayut-provesti-optimizaciyu-shtata-gossluzhashhikh.html> (дата обращения: 31.05.2023).
25. Кудрин А. Пора дать экономике повзрослеть. URL: <https://ach.gov.ru/news/pora-dat-ekonomike-povzroslet> (дата обращения: 31.05.2023).
26. Прохорова С., Деготькова И. Как доля государства в экономике России превысила 50%. Инфографика // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/05/2023/645b94f89a794700cb727aa5> (дата обращения: 31.05.2023).
27. Агеева О. МВФ оценил долю государства в российской экономике в 33% // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/03/2019/5c879e0c9a79472f59316a90> (дата обращения: 31.05.2023).
28. Россия вышла в лидеры по доле госсектора в экономике // Новые известия. 2022. 18 апреля. URL: <https://newizv.ru/news/2022-04-18/rossiya-vyshla-v-lidery-podole-gossektora-v-ekonomike-356551> (дата обращения: 31.05.2023).
29. План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины». Утвержден Правительством РФ 29.05.2019 № 4714п-ПЗ6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. Jacobs, Cordova & Associates Inc. URL: <https://regulatoryreform.com/regulatory-guillotine/> (дата обращения: 31.05.2023).
31. Кнутов А. В., Плаксин С. М., Синятуллин Р. Х., Чеплинский А. В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 2. С. 4–27. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.4.27>
32. Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5006.
33. Евдокимов А. С., Надежкина Г. П. «Регуляторная гильотина», совершенствование системы обязательных требований как направления реформирования контрольной и надзорной деятельности России // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 19–23. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-5-19-23>
34. Бикташев А. А. Концепция «умное регулирование» (*smart regulation*) в зарубежных исследованиях по государственному управлению // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 199–222. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-199-222>
35. Павлов П. Н. Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 62–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-62-79>

References

1. Starostina Yu. *Padenie ekonomki Rossii iz-za pandemii stalo maksimal'nyim za 11 let* (The fall of the Russian economy due to the pandemic has become the maximum in 11 years). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
2. *Ekonomika i ekonomicheskaya politika v usloviakh pandemii* [Kudrin A. L. (ed.). Economics and economic policy in the pandemic]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2021. 344 p. (in Russian).
3. Fonotov A. G. *Rossia: ot mobilizatsionnogo obshchestva k innovatsionnomu* [Russia: From a mobilization society to an innovative one]. Moscow, Nauka, 1993. 271 p. (in Russian).
4. Glazyev S. It is time to announce mobilization. *Kommersant. Vlast'* (Kommersant. Power), 1999, no. 15. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/15386> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
5. *Global EV Outlook 2023 Catching up with climate ambitions*. Available at: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/dacf14d2-eabc-498a-8263-9f97fd5dc327/GEVO2023.pdf> (accessed May 31, 2023).
6. *Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly Resolution no. 70/1 of September 25, 2015*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_en.pdf (accessed May 31, 2023) (in Russian).
7. *17 tselei dlia preobrazovaniya nashego mira* (17 goals to transform our world). Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
8. Ageeva O. A third of the revenues of the Russian budget system turned out to be connected with oil and gas. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/22/08/2019/5d555e4b9a7947aed7a185de> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
9. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation no. 204 of May 7, 2018. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2018, no. 20, art. 2817 (in Russian).

10. Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, state and utopia]. Moscow, IRISEN, 2008. 424 p. (in Russian).
11. Keynes D. M. *Obshchaya teoriya zaniatosti, protsenta i deneg* [General theory of employment, interest and money]. Moscow, Eksmo, 2007. 960 p. (in Russian).
12. Cheremisinov G. A. The dialogue about the new economic policy: J. M. Keynes and V. I. Ulyanov-Lenin. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-4-19>
13. Hayek F. *Doroga k rabstvu* [Road to slavery]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005. 264 p. (in Russian).
14. Stigler J. J. *Grazhdanin i gosudarstvo. Esse o regulirovani* [Citizen and state. Essay on regulation]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2017. 330 p. (in Russian).
15. Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress, 1992. 554 p. (in Russian).
16. Rose N. Government and Control. *British Journal of Criminology*, 2013, vol. 40, iss. 2, pp. 321–339. <https://doi.org/10.1093/bjc/40.2.321>
17. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
18. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, Yurist, 2002. 347 p. (in Russian).
19. Andriyanov V. D. *Evoliutsiya osnovnykh kontseptsiy regulirovaniya ekonomiki ot teorii merkantilizma do teorii samoregulirovaniya* [Evolution of the main concepts of economic regulation from the theory of mercantilism to the theory of self-regulation]. Moscow, Ekonomika, 2008. 326 p. (in Russian).
20. Erhard L. *Blagosostoianie dlia vseh* [Welfare for all]. Moscow, Nachala-Press, 1991. 336 p. (in Russian).
21. Thaler R., Sunstein K. *Nudge. Arkhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoianii i schast'e* [Nudge. Choice architecture. How to improve our decisions about health, wealth and happiness]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 240 p. (in Russian).
22. Libman A. M. Social liberalism, public interest and behavioral economics. *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2013, no. 1, pp. 27–39 (in Russian).
23. Belyanin A. V. Richard Thaler and behavioral economics: from laboratory experiments to the practice of pushing (Nobel Prize in Economics 2017). *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 1, pp. 5–25 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-5-25>
24. Gulaliyeva M. Optimization of the staff of civil servants can start from January 1. *Parlamentskaya gazeta* (Parliamentary newspaper). Available at: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-predlagayut-provesti-optimizaciyu-shtata-gossluzhashhikh.html> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
25. Kudrin A. *Pora dat' ekonomike povzroslet'* (It is time to let the economy grow up). Available at: <https://ach.gov.ru/news/pora-dat-ekonomike-povzroslet> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
26. Prokhorova S., Degotkova I. How the share of the state in the Russian economy exceeded 50%. Infographics. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/05/2023/645b94f89a794700cb727aa5> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
27. Ageeva O. The IMF estimated the state's share in the Russian economy at 33%. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/12/03/2019/5c879e0c9a79472f59316a90> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
28. Russia has become a leader in terms of the share of the public sector in the economy. *Novye Izvestia*. April 18, 2022. Available at: <https://newizv.ru/news/2022-04-18/rossiya-vyshla-v-lidery-po-dole-gossektora-v-ekonomike-356551> (accessed May 31, 2023) (in Russian).
29. Action plan (“road map”) for the implementation of the “regulatory guillotine” mechanism. Approved by the Government of the Russian Federation no. 4714p-P36 on May 29, 2019. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
30. *Jacobs, Cordova & Associates Inc.* Available at: <https://regulatoryreform.com/regulatory-guillotine/> (accessed May 31, 2023).
31. Knutov A. V., Plaksin S. M., Sinyatullin R. Kh., Chaplinsky A. V. Regulatory guillotine in Russia and its quantitative results. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 4–27 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.4.27>
32. On mandatory requirements in the Russian Federation. Federal Law 247-FZ of July 31, 2020. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5006 (in Russian).
33. Evdokimov A. S., Nadezhkina G. P. “Regulatory guillotine”, improving the system of mandatory requirements as a direction for reforming the control and supervisory activities of Russia. *Administrative Law and Process*, 2022, no. 5, pp. 19–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-5-19-23>.
34. Biktashev A. A. The concept of “smart regulation” in foreign studies on public administration. *Public Administration Issues*, 2023, no. 1, pp. 199–222 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-199-222>
35. Pavlov P. N. Influence of the regulatory rigidity of the legal framework on the dynamics of poverty in the regions of Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 12, pp. 62–79 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-62-79>

Поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 20.09.2023
 The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 20.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 460–470
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 460–470
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>, EDN: VGQZJC

Научная статья
УДК 342.41

Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества

Е. В. Бердникова¹, С. А. Куликова^{1,2} ✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Бердникова Елена Валерьевна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права, ²профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Аннотация. *Введение* Проблемы формирования и сохранения российской национальной конституционной идентичности актуализируются в условиях развития цифровых технологий, способствующих распространению информационных продуктов массового потребления, релятивистских ценностей, использованию манипулятивных инструментов воздействия на общественное сознание. *Теоретический анализ.* В современном научном дискурсе понятие «национальная конституционная идентичность» употребляется в трех смыслах: во-первых, как самоидентификация Конституции, во-вторых, как совокупность критериев допустимого воздействия на конституционный правовой порядок со стороны наднациональных институтов (международных организаций, межгосударственных органов интеграционных союзов и т.д.); в третьих, как система духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущая нации и нашедшая отражение в тексте Конституции. *Эмпирический анализ.* Специфика формирования национальной конституционной идентичности в условиях информационного общества рассмотрена применительно ко всем трем описанным выше концепциям. *Результаты.* На современном этапе развития нашего государства к основным механизмам формирования российской национальной конституционной идентичности относятся конституционализация информационно-правовых отношений, защита цифрового суверенитета, аксиологическое измерение процессов, характерных для информационного общества.

Ключевые слова: конституционная идентичность, самоидентификация Конституции, разграничения суверенной и коммунитарной юрисдикций, конституционализация нравственных ценностей, информационное общество, цифровой суверенитет

Для цитирования: Бердникова Е. В., Куликова С. А. Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 460–470. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>, EDN: VGQZJC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political and legal mechanisms for the formation of Russian constitutional identity in the conditions of information society

E. V. Berdnikova¹, S. A. Kulikova^{1,2} ✉

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Svenlana A. Kulikova, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Abstract. Introduction. Problems of the formation and preservation of Russian national constitutional identity are becoming topical in the context of the development of digital technologies that promote the dissemination of information products of mass consumption, relativistic values, and the use of manipulative tools to influence public consciousness. *Theoretical analysis.* In modern scientific discourse, the concept of “national constitutional identity” is used in three senses: firstly, as the self-identity of the Constitution; secondly, as a set of criteria for the permissible impact on the constitutional legal order by supranational institutions (international organizations, interstate bodies of integration unions, etc.); thirdly, as a system of spiritual, moral and political-legal values inherent in the nation and reflected in the text of the Constitution. *Empirical analysis.* The specifics of the formation of national constitutional identity in the conditions of information society are considered in

relation to all three concepts described above. **Results.** The main mechanisms for the formation and preservation of the Russian national constitutional identity include the constitutionalization of information and legal relations, the protection of digital sovereignty, and the axiological dimension of processes characteristic of the information society.

Keywords: constitutional identity, self-identity of the Constitution, delimitation of sovereign and communitarian jurisdictions, constitutionalization of moral values, information society, digital sovereignty

For citation: Berdnikova E. V., Kulikova S. A. Political and legal mechanisms for the formation of Russian constitutional identity in the conditions of information society. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 460–470 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>, EDN: VGQZJC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Концепт национальной конституционной идентичности в настоящее время является предметом пристального научного внимания российских ученых, что обусловлено, с одной стороны, глобальными изменениями во внутренней и внешней политике нашего государства, направленными на укрепление его единства, независимости и национального суверенитета, а с другой – внедрением кибертехнологий, способствующих распространению информационных продуктов массового потребления, релятивистских ценностей, преобразованию инструментов воздействия на общественное сознание.

Само определение национальной конституционной идентичности нуждается в более глубокой критической оценке и анализе с точки зрения содержания, а также факторов и политико-правовых механизмов, влияющих на ее формирование, в том числе в условиях обнаружившихся противоречий развития информационного общества.

Теоретический анализ

Изучение научной литературы по рассматриваемой теме позволяет констатировать, что понятие «национальная конституционная идентичность» употребляется в трех смыслах: во-первых, как самоидентичность Конституции; во-вторых, как совокупность критериев допустимого воздействия на конституционный правопорядок со стороны наднациональных институций (международных организаций, межгосударственных органов интеграционных союзов и т.д.); в третьих, как система духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущая нации и нашедшая отражение в тексте Конституции.

Доктрина конституционной идентичности, понимаемой как самоидентичность конституции, базируется на философской концепции идентичности, в рамках которой вещь может быть идентична только самой себе. В данном случае речь идет о статическом внутреннем состоянии объекта, который при изменении

внешних условий всегда остается одним и тем же, непрерывным в своем развитии [1, с. 170]. В конституционном праве это проявляется в постулате, согласно которому наиболее важные конституционные положения и/или принципы, характеризующие основное содержание конституции, не могут быть изменены в течение ее действия. В рамках этой концепции Д. Г. Шустров рассуждает следующим образом: «Если попытаться определить конституционную идентичность одним словом, то это будет слово “сущность”. Конституционная идентичность выражает сущность конституции. Именно неизменяемые конституционные положения и/или принципы придают конституции идентичность. С изменением этих положений и/или принципов конституция утрачивает свое основное содержание, теряет свою сущность, а вслед за этим исчезает конституционная идентичность, на ее месте возникает новая конституция» [2, с. 26]. В приведенном выше рассуждении концепция самоидентичности конституции представлена несколько упрощенно, но наглядно.

Механизмы сохранения самоидентичности Конституции России заложены в ее тексте:

– в ч. 1 ст. 15, где указывается, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации;

– в ст. 16, согласно которой основы конституционного строя Российской Федерации не могут быть изменены иначе, как в порядке, установленном в самой Конституции, положения последующих глав Конституции не могут противоречить Главе 1;

– в ст. 135, содержащей запрет изменения глав 1, 2, 9 Федеральным Собранием и предусматривающей особо сложный порядок пересмотра Конституции [3].

Проблема самоидентичности Конституции обсуждалась в рамках дискуссии о «живой конституции», т.е. о возможности «преобразования» конституционных положений не путем изменения текста, а в результате их толкования Конституционным Судом РФ. Сторонники

концепции «живой конституции» исходят из необходимости развития конституционных положений в ответ на запросы времени, обусловленные формированием новых социально-экономических, технологических и политических реалий [4, с. 219]. Неизменный текст конституции «оживает» в правотворческой и правоинтерпретационной деятельности органа конституционного контроля. По образному высказыванию В. Д. Зорькина, «идеального текста конституции, не допускающего неоднозначных толкований, нет и быть не может ... Конституция – не мертвый текст, не пыльный манускрипт, лежащий на полке. Конституция живет и творит в сложном контексте культуры и идеологий, которые не могут не влиять на ее творящее действие. Соприкосновение этого текста с целостной жизнью социальной реальностью – в его интерпретациях. А суть этих интерпретаций – в практическом правотворчестве и правоприменении» [5]. Критики указанной концепции задаются вопросом: до какого предела Конституционный Суд может «преобразовывать» Конституцию? По мнению Б. С. Эбзеева, «мера эластичности Конституции не имеет четких правовых критериев, а в основе ее интерпретации лежат не юридико-аналитические методы, а вненормативные, в том числе политические, факторы», что может привести к нарушению принципа самоотжественности Конституции [6, с. 105–106].

Определенные выводы указанной дискуссии были представлены в работах В. Т. Кабышева: «Там, где интерпретатор выходит за рамки конституции, он больше не интерпретирует, а изменяет или нарушает конституцию... Конституционное полномочие Конституционного Суда РФ по толкованию Основного Закона есть уяснение, разъяснение смысла интерпретируемых норм, но ни в коем случае не создание новой нормы» [6, с. 105–106].

Дискуссия о «живой конституции», безусловно, обогатила доктрину конституционного права и продуцировала выработку механизмов защиты самоотжественности российской Конституции. В этой связи характерно, что Законом РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были введены новые политико-правовые механизмы изменения норм Конституции – Заключение Конституционного Суда РФ и Всенародное голосование, направленные на легитимизацию предложенных изменений и нивелирующие возможности нарушения принципа самоотжественности Конституции РФ [7, с. 16].

Вторая концепция конституционной идентичности – как совокупности критериев допустимого воздействия на конституционный правопорядок со стороны наднациональных институций – получила свою актуальность в результате развернувшегося в последние десятилетия конфликта между конвенционной и суверенной юрисдикцией. Суть этой концепции отражена в решении Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г.: «...суверенное государство, признавая в связи с выполнением обязательств по отдельным международным соглашениям юрисдикцию межгосударственного контрольного органа, чьи решения воздействуют не только на национальное правоприменение, но и на законодательство, для того, чтобы не утратить основополагающие начала национального бытия, не растворить без остатка свой правовой строй во внешнем регулировании, нуждается в сохранении основополагающих, а потому неизменных, элементов правопорядка» [8].

Указанная концепция исходит из того, что определенную угрозу политической индивидуальности государства могут представлять общемировые глобализационные процессы и участие в межгосударственных интеграционных объединениях. Не случайно, что многие отечественные ученые, определяя изначальный контекст использования термина «конституционная идентичность», ссылаются на Маастрихтский договор 1992 г., который послужил де-юре созданию Европейского союза и закрепил в том числе принцип уважения национальной идентичности стран-участниц.

Вовлеченность государства в интеграционные объединения, по сути, является одним из факторов, непосредственно влияющих на конституционную идентичность страны, поскольку некоторые наднациональные образования, особенно если речь идет о политическом союзе, предусматривающем создание наднациональных органов и единой наднациональной правовой системы, могут накладывать определенные обязательства на формирование внутреннего права. Ярким примером может являться Совет Европы, участником которого была Российская Федерация, когда в последние годы перед выходом из его состава значительно усилился конфликт между конвенциональными и конституционными нормами. Как отмечают современные авторы, именно обострение дискуссии о соотношении конституционных регуляторов и права Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. послужило

появлению и актуализации в отечественном праве категории «конституционная идентичность» в связи с проявившимся конфликтом между ними в рамках серии судебных дел в Европейском суде по правам человека [9, с. 55].

Конфликтность норм международного и национального права является одной из основных причин поиска баланса между наднациональными обязательствами и внутренними интересами страны. В решении данной непростой задачи, по мнению Е. В. Виноградовой, «должно стать нормой особое внимание наднациональных органов к базовым элементам конституционной идентичности, которые образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя, что позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом» [10, с. 31]. Однако при этом возникает непростой вопрос: а что если наднациональные органы не захотят учитывать эти «базовые элементы», будут настаивать на исключительности конвенционального права?

Поиск механизмов разграничения суверенной и коммунитарной (т. е. реализуемой институтами Европейского союза) юрисдикций характерен для многих стран Европы. Наиболее популярным стал отказ от исполнения решений международных судов. Например, в 2002 г. Палата лордов Великобритании отказалась признать постановление ЕСПЧ от 25 февраля 1997 г. по делу *Бойла против Великобритании* в качестве общего прецедента. Затем Верховный суд Соединенного королевства принял несколько прецедентных решений, в которых устанавливаются условия частичного либо полного отказа от исполнения решений ЕСПЧ. Конституционный суд Италии в своих постановлениях № 348 и 349, принятых в 2007 г. в ответ на постановление ЕСПЧ от 29 марта 2006 г. по делу «Скордино против Италии», разграничил конвенционную и суверенную юрисдикции, указав, что никакая норма международного права не может преобладать над основными принципами национальной Конституции, поэтому, если в споре о конституционности нормы внутреннего права будет поднят вопрос о применении Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, то подлежит проверке совместимость ее норм в истолковании ЕСПЧ с положениями Конституции Италии. Решением Федерального Конституционного суда ФРГ от 5 мая 2020 г. (BvR 859/15) акт института Европейского союза (Европейского центрально-

го банка) был признан принятым с очевидным превышением полномочий, а потому не подлежащим применению на территории Германии.

Важную роль в констатации российской правовой суверенности сыграл и Конституционный Суд РФ, который в своих решениях формально закрепил приоритет Конституции РФ и свою определяющую роль в решении конфликта конвенционально-конституционных норм: «Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации» [11].

Говоря о содержании политико-правового механизма, способствующего формированию конституционной идентичности, следует отметить, что в данном процессе ключевую роль играет именно дихотомия используемого инструментария: задействования как политических ресурсов, так и средств нормативной правовой регуляции. Интегративность политического и правового аспектов в направлении формирования конституционной идентичности является объективным условием, которое позволяет ставить и достигать политические цели и одновременно легитимизирует и юридически закрепляет средства их достижения и результат.

Третья концепция, рассматривающая национальную конституционную идентичность как систему духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущую нации и нашедшую отражение в тексте Конституции, получает свое развитие в последние годы. Все чаще звучит тезис о том, что «единство государства и нации достигается посредством их взаимодействия на базе общих ценностей, символов и образов» [12, с. 5]. Важнейшим компонентом национальной идентичности является, по мнению К. А. Кузнецова и П. А. Щелина, «определенный набор общих ценностей, установок, разделяемых подавляющим большинством членов нации... Сформированные, как правило, в ходе сложных исторических процессов, выявивших именно те аспекты деятельности и характера социума, которые являлись наиболее важными для успешного выживания нации, эти ценности и идеи являются настолько привычными для граждан государства, что воспринимаются ими на подсознательном уровне» [13, с. 33].

Национальная идентичность народа, основанная на исторически сложившихся традиционных ценностях и принципах, на природной ментальности общества, должна отражаться в содержании конституции как главного политико-правового акта страны.

По мнению В. И. Крусса, российские конституционные ценности так же неповторимы и уникальны, как и у всякого суверенного народа, создающего и воспроизводящего свою государственность в историческом контексте лингво- и социально-культурной преемственности и смены поколений [14, с. 11]. Г. Н. Комкова подчеркивает, что «конституционные ценности находятся во взаимосвязи, взаимовлиянии, их реализация определяет особенности правовой системы Российского государства. Только системное, совокупное их действие может привести к желаемому для всего общества результату... Их защита является актуальной задачей российского общества и государства, поскольку именно они смогут обеспечить необходимый баланс интересов отдельной личности и всего социума в условиях построения современного демократического и правового государства» [15, с. 99].

Субъектом конституционной идентичности выступает прежде всего государство, которое является носителем национальной индивидуальности и закрепляет на конституционном уровне специфические черты политической, социальной, экономической, духовной сфер жизни общества, обусловленные историческими, этноконфессиональными, культурными традициями народов, проживающих на его территории.

Профессор Е. В. Виноградова по этому поводу пишет: «Конституционные ценности в разных странах, являясь элементами системы национальной конституционной идентичности, формируют уникальные модели на основе специфических исторических, культурных, философских традиций» [10, с. 43]. Эту же идею отстаивает и Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, указывая, что «конституционная идентичность выкристаллизовывается каждым государством из своего уникального индивидуального опыта. Она не может быть “придумана” или изменена каким-либо волевым решением, равно как она не может быть навязана извне. Идентичность заключена во всей совокупности исторических, культурных и социальных факторов, преломленных в праве» [16, с. 12].

Национальные ценности, соответствующие духовно-нравственным традициям народа, могут

быть как изначально заложены в тексте Конституции, так и дополняться с учетом развития и усложнения общественных отношений.

В целом, следует отметить, что полисемичность концепта национальной конституционной идентичности, с одной стороны, затрудняет его анализ, поскольку в него включаются отличающиеся друг от друга теории, с другой – нельзя не подчеркнуть, что они тесно взаимосвязаны друг с другом и, скорее, являются различными аспектами одного и того же феномена.

Эмпирический анализ

Специфика формирования национальной конституционной идентичности в условиях информационного общества может быть рассмотрена применительно ко всем трем описанным выше концепциям.

В координатах доктрины самоидентификации конституции актуализируются вопросы о необходимости и возможности установления гарантий действующих конституционных прав и свобод граждан, отражающих современный уровень развития технологий, признания цифровых прав как нового поколения прав человека, закрепления и регламентации цифровых обязанностей пользователей. Перспективы конституционализации отношений, характерных для информационного общества, давно обсуждаются в научной юридической литературе.

М. А. Федотов обращал внимание, что в Конституции Российской Федерации недостаточно представлены нормы, позволяющие формировать право киберпространства, в результате по мере «продвижения в новое информационно-цивилизационное пространство» предстоит существенная адаптация Конституции к реалиям информационного общества [17, с. 164]. Анализируя перспективы конституционализации информационного общества, Л. Н. Бокова и Д. В. Абдрахманов, приходят к выводу, что действующая Конституция России по-прежнему способна «являться правовой основой для регулирования отношений в информационном обществе», однако «информатизационный потенциал Конституции с развитием информационного общества и информационного законодательства истощается» [18, с. 33]. Н. В. Варламова полагает, что «технологические инновации влекут за собой появление новых цифровых прав человека, которые принципиальным образом отличаются от традиционных прав и образуют новое поколение прав человека» [19, с. 9], что требует их конституционно-правового осмысления.

Наиболее смелое предположение было высказано С. М. Шахраем, заявившем, что «стартовой площадкой, “матрицей” для возникновения права цифрового общества может и должна стать цифровая конституция, которая способна дать необходимую основу согласия, творческий импульс и эффективные механизмы для становления нового социального порядка в новой реальности – киберпространстве» [20, с. 1076].

Среди прав, которые требуется признать, в научной литературе выделяются право на доступ к сети «Интернет» [21, с. 7; 22, с. 146], право на пользование электронными устройствами и право на создание своей цифровой оболочки в виде различных цифровых профилей [23, с. 39], право на защиту от машинной обработки данных [24, с. 38; 25, с. 222], право на защиту возможностей, которые предоставляет цифровое пространство [26, с. 72], и др. Гораздо меньше внимания уделяется цифровым обязанностям, которые должны стать неотъемлемым элементом цифрового статуса личности. Но такие работы появляются, например, В. В. Невинский в качестве универсальной цифровой обязанности человека называет «обязанность выходить в информационное поле с достоверной информацией» [27, с. 30].

Механизмы, предлагаемые для конституционализации отношений, характерных для информационного общества, различны. Самый радикальный – принятие новой, «цифровой» конституции. Более взвешенным и соответствующим юридической технике изменения Конституции РФ представляется механизм включения норм, гарантирующих реализацию цифровых прав, через обязанности органов публичной власти. Оглядываясь на опыт зарубежных стран, можно сказать, что установление права на доступ к Глобальной сети в конституционных актах – пока редкость, тем не менее, такие примеры уже есть. В Конституции Грузии введена норма, согласно которой «все имеют право на доступ к Интернету и свободное пользование Интернетом» (ч. 4 ст. 17) [28]. В Конституции Греции содержится более широкая норма: «Все лица имеют право участвовать в информационном обществе», включая «доступ к информации, передаваемой в электронном виде» (ч. 2 ст. 5А) [29].

К другим механизмам относится принятие федерального закона с условным названием «Об основах регулирования отношений в сети “Интернет”» [23, с. 44], с учетом существующего аналогичного Модельного закона [30] или Цифрового кодекса, который в настоящее время разрабатывается Министерством цифрового раз-

вития, связи и массовых коммуникаций и будет содержать в том числе нормы, направленные на регулирование поведения потребителей в онлайн-среде и защиты персональных данных, использования облачных технологий и искусственного интеллекта [31].

Оригинальную идею решения проблемы конституционализации информационного общества выдвинул патриарх отечественной науки конституционного права С. А. Авакьян, предложивший принять единый консолидированный акт, регулирующий функции государства как держателя и распространителя информации, и обозначение сфер, где государство должно сохранить ведущие позиции. К таким направлениям ученый отнес «ключевые информационные данные, касающиеся внутренней государственной политики; осуществления внешней политики государства; состояния экономики страны; обороны; вооруженных сил; социальной сферы и мер социальной защиты населения; отношений Федерации и ее субъектов, основных линий международной политики; морально-этических ценностей, касающихся детей, женщин, мужчин, семьи, поддерживаемых государством и отраженных в российской Конституции». Такой акт, по мнению С. А. Авакьяна, «должен быть доработан в процессе широко проведенного всенародного обсуждения и далее одобрен по правилам голосования, напоминающим референдум» [32, с. 8]. Уникальность высказанного предложения в том, что подобный акт, в случае его принятия, будет действовать как своеобразный общественный договор по вопросам информационных отношений, заключенный между государством и обществом. Это не потребует внесения изменений в Конституцию, однако, по-видимому, вызовет необходимость его интерпретации Конституционным Судом РФ.

Вторая концепция конституционной идентичности как совокупности критериев допустимого воздействия на конституционный правопорядок со стороны наднациональных институций в условиях информационного общества реализуется через разработку доктрины цифрового суверенитета. Г. Б. Романовский и О. В. Романовская обращают внимание на то, что «первоначальные принципы формирования киберпространства (свобода, открытость, бесплатность, глобальность) создают иную реальность, в рамках которой государство постепенно становится участником конкурентной борьбы за управление социальными процессами» [33, с. 25]. Особенность мессенджеров, телеграмм-каналов, социальных сетей заключается в том, что

передача информации происходит независимо от государственных границ и в режиме реального времени. В связи с этим одним из аспектов обеспечения информационного суверенитета должно стать правовое регулирование деятельности транснациональных корпораций, являющихся монополистами в информационной сфере. Р. В. Амелин и С. Е. Чаннов приходят к выводу об объективной потребности разработки законодательства, регулирующего правовой статус владельцев многопользовательских информационных систем [34, с. 168].

Российская Федерация предпринимает организационно-правовые и технологические усилия для ограничения хранения, обработки и перемещения данных, а также для установления критериев законности деятельности ИТ-гигантов на территории российской юрисдикции. Отражением этого процесса стало закрепление в Конституции РФ обязанности государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71) [3].

Таким образом, понятия «информационные технологии» и «цифровые данные» стали конституционной категорией, закреплена необходимость дальнейшего правового регулирования их создания и использования, определен субъект, в чьем ведении это регулирование находится. Установление обязанности государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных свидетельствует о том, что обеспечение информационной безопасности становится частью обороны и национальной безопасности страны. Важное значение приобретает не только обеспечение безопасности государства (эта категория и раньше присутствовала в Конституции, например, в ч. 3 ст. 55), но и безопасности личности и общества, тем самым подчеркивается комплексный характер информационной безопасности [3].

В результате такая классическая конституционная категория, как суверенитет, приобрела свое информационно-правовое наполнение.

Идея национальной конституционной идентичности как отражение в конституционно-правовых актах процесса формирования и сохранения системы духовно-нравственных и политико-правовых ценностей в условиях информационного общества получает не менее острое звучание. В работах современных авторов указывается на кризис национальной идентичности, характерный для современного общества.

Т. Г. Чекменёва, отмечает, что «кризис идентичности проявляется в утрате статусов, идеалов, ценностей, лежащих в основе господствующей политической культуры, поиске новых духовных ориентиров, своего места в общественной системе и своих связей с государством, переоценке прошлого опыта, идей, символов» [35]. Р. Г. Гаджиева делает вывод, что России придется решать вопросы национальной идентичности, «исходя не только из новых реалий, но и обращаясь к “старым” идеям, т.е. идеям прошлого, которые уже перестали быть старыми и перешли в разряд вечных» [36, с. 40].

Одним из механизмов конституционализации новых-старых духовно-нравственных ценностей стало введение их непосредственно в текст Конституции: в результате конституционную прописку получили такие категории, как доверие между государством и обществом, солидарность поколений, преемственность в развитии государства, уважение к человеку труда, идеалы и вера в Бога, историческая правда и подвиг народа.

Продолжением конституционализации этических категорий стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором впервые в истории постсоветской России защита духовно-нравственных ценностей была обозначена как стратегический национальный приоритет. Были названы и сами традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [37].

Это позволяет говорить о легитимизации системы духовно-нравственных ценностей в российском праве.

Несколькими годами раньше этот подход был реализован в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, где было введено понятие «качество информации». Согласно Стратегии качественная информация должна быть достоверной, безопасной и полезной. Польза информации в самом общем плане оценивается в зависимости от того, насколько ее получение, сохранение, производство и распространение соответствует

стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации. Кроме того, в Стратегии есть примеры конкретизации полезности информации: она должна соответствовать высокому интеллектуальному и культурному уровню развития россиян, способствовать удовлетворению их потребностей в постоянном развитии, получении новых компетенций, расширению кругозора; может использоваться для привлечения детей и молодежи к науке и творчеству, развитию их когнитивных способностей; создавать условия для совершенствования образовательных программ и противодействия попыткам фальсификации истории; способствовать распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 19, 24, 26) [38].

Результаты

В современных условиях становления нового геополитического миропорядка формирование национальной конституционной идентичности видится важнейшей государственной стратегией обеспечения и поддержания гражданского согласия и единства российского общества. Цивилизационная уникальность Российской Федерации проявляется, в первую очередь, через ее богатое культурно-историческое и духовно-нравственное наследие, которое заложено в ментальности многонационального народа и преобразуется в традиционные ценности как основу развития конституционного строя нашего государства. Политико-правовое измерение процессов, связанных с формированием российской национальной конституционной идентичности в условиях информационного общества, включает в себя: конституционализацию информационно-правовых отношений, защиту цифрового суверенитета, аксиологическое измерение процедур, характерных для информационного общества.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1999. 576 с.
2. Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 21–49.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
4. Саликов М. С., Либанова С. Э., Остапович И. Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–230. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/30>
5. Доклад В. Д. Зорькина на юбилейной Конференции в РАН 10 декабря 2003 года «Конституция России». URL: <https://viperson.ru/articles/doklad-v-d-zorkina-na-yubileynoy-konferentsii-v-ran-10-dekabrya-2003-goda-konstitutsiya-grossii> (дата обращения: 06.08.2023).
6. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М. : Юридическая литература, 2005. 576 с.
7. Кабышев В. Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 12–21.
8. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. Т. 6, № 9. С. 52–64.
10. Виноградова Е. В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь: против и... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 1. С. 22–47. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>, EDN: IGWWUH
11. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 30, ст. 4658.
12. Волков С. Ю., Помелова Ю. П. Национальная идентичность как научная категория // Огарёв-Online. 2018. № 6 (111). С. 1–7.
13. Кузнецов К. А., Щелин П. А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. Т 5, № 1 (14). С. 31–36. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-31-36](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-31-36)

14. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14. EDN: JXXNLZ
15. Комкова Г. Н. Категория «Ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 97–99.
16. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 1–12. EDN: ZEINVX
17. Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3 (112). С. 164–182. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182>
18. Бокова Л. Н., Абдрахманов Д. В. Информационное общество России в конституционно-правовом измерении // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 30–33. EDN: ZBPZNB
19. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova>
20. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально-информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1076–1077.
21. Саликов М. С., Несмеянова С. Э. Права и свободы человека в сети Интернет: особенности реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 5–13
22. Середа В. Н., Середа М. Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2013. 252 с.
23. Комарова В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. 2022. № 2. С. 38–46. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-38-46>
24. Липчанская М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение // Государственная служба. 2020. Т. 22, № 4. С. 37–41.
25. Наумов В. Б., Тютюк Е. В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. С. 219–231. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10634>
26. Минаева А. И. Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 3А. С. 69–77. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.81.43.035>, EDN: RPMDHK
27. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10 С. 26–32. EDN: EXGFHJ
28. Конституция Грузии (принята 24.08.1995, в ред. Конституционного закона № 2071 от 23.03.2018) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 06.08.2023).
29. Конституция Греции (принята 11.06.1975, в ред. Постановлений Ревизионного парламента от 06.03.1986, 06.04.2001, 27.05.2008, 25.11.2019) // Парламент Греции. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/> (дата обращения: 06.08.2023).
30. Модельный закон «Об основах регулирования Интернета». Приложение к постановлению МПА СНГ от 25.11.2016 г. № 45–12. URL: <https://iacis.rU/public/upload/files/1/658.pdf> (дата обращения: 20.08.2023).
31. Власти предлагают разработать Цифровой кодекс. URL: <https://pravo.ru/news/248062/> (дата обращения: 20.08.2023).
32. Авакьян С. А. Задача конституционного права в аспекте защиты (от) информации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 3–11. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-3-11>, EDN: OTJIGG
33. Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31>, EDN: DHRHRH
34. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. 280 с.
35. Чекменёва Т. Г. Кризис национальной идентичности в постсоветской России и пути его преодоления // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-natsionalnoy-identichnosti-v-postsovet-skoy-rossii-i-puti-ego-preodoleniya> (дата обращения: 20.08.2023).
36. Гаджиева Р. Г. Кризис российской идентичности в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2009. № 2. С. 35–41.
37. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.
38. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 290.

References

1. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Infra-M, 1999. 576 p. (in Russian).
2. Shustrov D. G. Constitutional identity and constitutional change. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11. Law], 2020, no. 4, pp. 21–49 (in Russian).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February

- 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; Official Internet portal of legal information (<http://pravo.gov.ru>), October 6, 2022, № 0001202210060013 (in Russian).
4. Salikov M. S., Libanova S. E., Ostapovich I. Yu. Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 440, pp. 219–230 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/440/30>
 5. *Doklad V. D. Zor'kina na yubileynoy Konferentsii v RAN 10 dekabrya 2003 goda «Konstitutsiya Rossii»* (Report by V. D. Zorkin at the anniversary Conference at the Russian Academy of Sciences on December 10, 2003, “The Constitution of Russia”). Available at: <https://viperson.ru/articles/doklad-v-d-zorkina-na-yubileynoy-konferentsii-v-ran-10-dekabrya-2003-goda-konstitutsiya-rossii> (accessed August 6, 2023) (in Russian).
 6. Ebzeev B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 2005. 576 p. (in Russian).
 7. Kabyshev V. T. Constitutional dialogue. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2017, no. 5 (118), pp. 12–21 (in Russian).
 8. Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2021). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 9. Gracheva S. A. Development of Concept of Constitutional Identity in Connection with the Search for Approaches to Resolving of Collisions of Constitutional Regulators and Law of the European Convention of Human Rights. *Journal of Russian Law*, 2018, vol. 6, no. 9, pp. 52–64 (in Russian).
 10. Vinogradova E. V. Russian constitutional identity. The death penalty, Against, and... against. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2022, iss. 1, pp. 22–47 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>, EDN: IGWWUH
 11. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law “On the ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols thereto”, paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, parts one and four of Article 11, paragraph 4 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 13, paragraph 4 of part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, paragraph 4 of part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 21-P of July 14, 2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 30, art. 4658 (in Russian).
 12. Volkov S. Yu., Pomelova Yu. P. National identity as a scientific category. *Ogarev-Online*, 2018, no. 6 (111), pp. 1–7 (in Russian).
 13. Kuznetsov K. A., Shchelin P. A. National identity and the sustainability of state. *Comparative Politics Russia*, 2014, vol. 5, iss. 1 (14), pp. 31–36 (in Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-31-36](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-31-36)
 14. Kruss V. I. Russian constitutional axiology: Relevance and prospects. *Konstitutsionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2007, no. 2, pp. 7–14 (in Russian). EDN: JXXNLZ
 15. Komkova G. N. “Value” in Constitutional Law of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 97–99 (in Russian).
 16. Zor'kin V. D. Constitutional identity of Russia: Doctrine and practice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [The Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 4 (58), pp. 1–12 (in Russian). EDN: ZEIN VX
 17. Fedotov M. A. Constitutional answers for the challenges of cyberspace. *Lex Russica*, 2016, no. 3 (112), pp. 164–182 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182>
 18. Bokova L. N., Abdrakhmanov D. V. Russian information society in constitutional law dimension. *Konstitutsionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 7, pp. 30–33 (in Russian). EDN: ZBPZHB
 19. Varlamova N. V. Digital rights – new generation of human rights? *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 14, no. 4, pp. 9–46 (in Russian). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova>
 20. Shahrai S. M. Digital constitution. Fundamental rights and personal freedoms in total information society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 88, no. 12, pp. 1076–1077 (in Russian).
 21. Salikov M. S., Nesmeyanova S. E. Human rights and freedoms on the Internet: Features of implementation and protection. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law, Education, Practice, Science], 2019, no. 1, pp. 5–13 (in Russian).
 22. Sereda V. N., Sereda M. Yu. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v seti Internet* [Protection of human and civil rights and freedoms on the Internet]. Voronezh, IPTs «Nauchnaya kniga», 2013. 252 p. (in Russian).

23. Komarova V. V. The legal status of a human in the digital environment: The view of a constitutionalist. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2022, no. 2, pp. 38–46 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-38-46>
24. Lipchanskaya M. A. Digital rights of man and citizen: Constitutional dimension. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 37–41 (in Russian).
25. Naumov V. B., Tytyuk E. V. Legal Issues in Machine Learning. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2020, no. 6, pp. 219–231 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10634>
26. Minaeva A. I. Digital rights as elements of a person's legal status. *Matters of Russian and International Law*, 2021, vol. 11, no. 3A, pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2021.81.43.035>, EDN: RPMDHK
27. Nevinskiy V. V. Human “digital rights”: The essence, system, meaning. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 10, pp. 26–32 (in Russian). EDN: EXGFHJ
28. Constitution of Georgia (adopted on August 24, 1995, as amended by Constitutional Law 2071 of March 23, 2018). *Legislative Bulletin of Georgia*. Available at: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (accessed August 6, 2023) (in Russian).
29. *Constitution of Greece (adopted on June 11, 1975, as amended by the Resolutions of the Auditing Parliament of March 6, 1986, April 6, 2001, May 27, 2008, November 25, 2019)*. *Hellenic Parliament*. Available at: <https://www.hellenicparliament.gr/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/> (accessed August 6, 2023).
30. Model Law “On the Fundamentals of Internet Regulation”. Appendix to the resolution of the Intergovernmental Authority of the CIS no. 45–12 of November 25, 2016. Available at: <https://iacis.rU/public/upload/files/1/658.pdf> (accessed August 20, 2023) (in Russian).
31. *Vlasti predlagayut razrabotat' Tsifrovoy kodeks* (The authorities propose to develop a Digital Code). Available at: <https://pravo.ru/news/248062/> (accessed August 20, 2023) (in Russian).
32. Avakyan S. A. Tasks of constitutional law in protection of (from) information. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2022, no. 8, pp. 3–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-3-11>, EDN: OTJIGG
33. Romanovsky G. B., Romanovskaya O. V. On digital sovereignty. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2022, no. 9, pp. 25–31 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31>, EDN: DHRHRH
34. Amelin R. V., Channov S. E. *Evolutsiya prava pod vozdeystviem tsifrovyykh tekhnologiy* [Evolution of law under the influence of digital technologies]. Moscow, Norma, 2023. 280 p. (in Russian).
35. Chekmenyova T. G. Crisis of national identity in the postsoviet Russia and the ways of its overcoming. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* (Bulletin of Voronezh State Technical University), 2010. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-natsionalnoy-identichnosti-v-postsovet-skoy-rossii-i-puti-ego-preodoleniya> (accessed August 20, 2023) (in Russian).
36. Gadzhieva R. G. Crisis of Russian identity under conditions of globalization. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations*, 2009, no. 2, pp. 35–41 (in Russian).
37. On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 46, art. 7977 (in Russian).
38. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. Decree of the President of the Russian Federation no. 203 of May 9, 2017. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 20, art. 290 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 22.09.2023
The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 22.09.2023

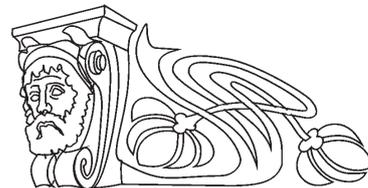

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 471–477
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 471–477
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-471-477>, EDN: XQEWYS

Научная статья
УДК 342.951+004.8

Правовые проблемы использования виртуального пространства метавселенной в образовательном процессе вуза

П. В. Ересько

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Ересько Полина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, pv.eresko@yandex.ru, AuthorID: 318985

Аннотация. Введение. С одной стороны, в образовательном процессе вуза используются традиционные формы, методы и средства обучения, с другой стороны, образование не может быть статичным, должно соответствовать современным требованиям и вызовам. В обществе стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта, внедрение которых в вузы обеспечит студентам современное качественное образование. Система высшего образования России нуждается в цифровой трансформации, требуется внедрение в образовательный процесс новейших технологий обучения для обеспечения конкурентоспособности на мировом рынке образования. **Теоретический анализ.** Для качественного улучшения процесса обучения в вузе и подготовки высококвалифицированных кадров необходимо использование новейших технологий обучения, таких как дополненная, виртуальная реальность. Технологии виртуальной реальности в виде виртуальных кампусов, лабораторий позволяют сделать процесс обучения высоко замотивированным для обучающихся, достичь эффекта полного погружения в изучаемые процессы и явления. В настоящее время имеется положительный опыт использования виртуального пространства в качестве интерактивного метода обучения при моделировании практико-ориентированных кейсов. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что проблемы использования виртуального пространства метавселенной в процессе обучения вуза лежат в правовом поле. К правовым проблемам метавселенной отнесены проблемы кибербезопасности, конфиденциальности персональных данных, проблемы с автоматизированными системами сбора данных Big Data и др. Одной из основных является проблема информационной безопасности, решением которой становится разработка отечественного программного обеспечения, локальных норм в области использования технологий виртуального пространства как части образовательного процесса вуза. **Результаты.** Доказана необходимость совершенствования действующего законодательства высшего образования в соответствии со спецификой использования виртуального пространства метавселенной образовательным процессом вуза; разработки локальных нормативно-правовых актов, регламентирующих особенности использования метавселенных при обучении конкретного специалиста.

Ключевые слова: правовые проблемы использования метавселенной, метавселенная, высшее образование, образовательный процесс вуза, персональные данные, информационная безопасность

Для цитирования: Ересько П. В. Правовые проблемы использования виртуального пространства метавселенной в образовательном процессе вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 471–477. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-471-477>, EDN: XQEWYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal problems of using the virtual space of the metaverse in the educational process of the university

P. V. Eresko

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Polina V. Eresko, pv.eresko@yandex.ru, AuthorID: 318985

Abstract. Introduction. On the one hand, traditional forms, methods and means of teaching are used in the educational process of a university, on the other hand, education cannot be static, it must meet modern requirements and challenges. Artificial intelligence technologies are rapidly developing in society, and their introduction into education will provide students with a modern, high-quality education. The Russian higher education system needs digital transformation; it requires the introduction of the latest learning technologies into the educational process to ensure competitiveness in the global education market. **Theoretical analysis.** To qualitatively improve the learning process at a university and train highly qualified personnel, it is necessary to use the latest teaching technologies, such as augmented and virtual reality. Virtual reality technologies in the form of virtual campuses and laboratories make it possible to organize the learning process in a highly motivated way for students, to achieve the effect of complete immersion in the processes and phenomena being studied. Currently, there is positive experience in using virtual space as an interactive teaching method when modeling practice-oriented cases. **Empirical analysis.** It was revealed that the problems of using

the virtual space of the metaverse in the process of university education lie in the legal field. Legal problems of the metaverse include problems of cybersecurity, confidentiality of personal data, problems with automated data collection systems Big Data and others. One of the main problems is that of information security, the solution to which is the development of domestic software, local standards in the field of using virtual space technologies as part of the educational process of the university. **Results.** The author has proven the need to improve the current legislation of higher education in accordance with the specifics of the use of the virtual space of the metaverse by the educational process of the university; to develop local regulatory legal acts regulating the specifics of using metaverses when training a specific specialist.

Keywords: legal problems of using the metaverse, metaverse, higher education, university educational process, personal data, information security

For citation: Eresko P. V. Legal problems of using the virtual space of the metaverse in the educational process of the university. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 471–477 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-471-477>, EDN: XQEWYS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире цифровизация коснулась всех сфер человеческой деятельности, постоянно происходит внедрение цифровых технологий, появляются новые устройства, развиваются информационные технологии: смартфоны, iPhone, смарт-часы, планшеты и планшетные персональные компьютеры, электронные книги, различные бытовые и промышленные роботы, игровые VR-шлемы, совершенствуются технологии искусственного интеллекта.

В связи с этим меняется и сам подход к образованию, современными ценностями становятся мотивация к обучению, обучение в непривычной для людей среднего и старшего поколения, но удобной для обучающихся диалоговой, интерактивной, стимулирующей, где-то и игровой среде, в том числе обучение в метавселенной. В метавселенной установлены свои правила, можно достигать определенного уровня результатов, можно предусмотреть поощрение вымышленными призами, автоматически осуществлять перевод набранных баллов в оценки обучающихся. Использование метавселенной в процессе обучения позволит в игровой нестандартной форме получить ценные для обучающегося самостоятельно достигнутые знания, умения и навыки при поддержке преподавателя. В мировой практике создаются вузы, использующие частично метавселенные как форму обучения и полностью перешедшие на такую форму обучения. Например, в Университете штата Аризона (США) [1] успешно применяются платформы виртуальной реальности для обучения биологии, экологии, физиологии животных в виде лабораторных курсов метавселенной и др.

Метавселенная является новой технологией, новой научной областью, вызывающей интерес к ее возможностям в образовательном процессе и правовым проблемам использования. Вопросы метавселенной в сфере образования рассматривались в трудах разных ученых (Г. В. Сориной, Ф. Н. Гурова [2] и др.), в которых делался акцент

на изменение образа и возможностей образовательного пространства с возникновением технологий метавселенной. На проблемы формирования правового регулирования метавселенных, на угрозы для информационной безопасности, конфиденциальности, защиты персональных данных субъектов образовательного процесса обращают внимание работы Н. Н. Ковалевой [3], Э. И. Лескиной [4] и др.

Однако внедрение метавселенной в образовательный процесс вуза сопровождается правовыми проблемами и отсутствием регулирования метавселенных в правовом поле.

Теоретический анализ

Цифровизация образования выражается в создании единой цифровой образовательной среды вуза. Федеральная программа «Цифровая образовательная среда» (ЦОС) национального проекта «Образование» была утверждена приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды». ЦОС способствует реализации образовательных программ школ, колледжей и вузов в условиях применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учетом функционирования электронной информационно-образовательной среды.

В состав информационно-образовательной среды вуза входят:

- электронные информационные ресурсы (официальный сайт вуза, библиотечные системы и др.);
- электронные образовательные ресурсы (образовательный портал вуза, образовательные ресурсы);
- совокупность информационных и телекоммуникационных технологий, соответствующих технических средств, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся. Примером такой системы явля-

ется система дистанционного обучения Moodle для организации обучения и контроля знаний обучающихся вуза [5].

Система образования в настоящее время подвергается цифровой трансформации, меняются технологии обучения, разрабатываются различные проекты, позволяющие вовлечь обучающихся в процесс усвоения и закрепления новых знаний. К новейшим технологиям, возможным в применении в обучении относятся иммерсивные технологии, включающие дополненную (AR) реальность, виртуальную (VR), смешанную реальность (MR). Смешанная реальность представляет собой взаимодействие физических и цифровых объектов в реальном времени. Технологии виртуальной реальности постепенно переходят из области новейших научных разработок и фантастики в различные области деятельности человека, в том числе и в образование.

Понятие концепции метавселенной в научной литературе рассматривается как единство виртуального и физического миров, обеспечение их функциональной совместимости [6]. Виртуальное пространство метавселенной характеризуется ощущением погружения, интерактивностью в реальном времени, идентификацией пользователей [7]. Метавселенная развивается в двух направлениях: игровые и неигровые варианты использования. Метавселенная включает взаимодействие между платформами и устройствами, одновременное взаимодействие тысяч людей, варианты использования, охватывающие человеческую деятельность за пределами игр.

При использовании такого рода технологий в образовании возникают проблемы этического, психологического, технического, правового характера. Перспективы в сфере виртуальной реальности для науки и образования находятся в области проведения тех проектов и задач, которые бы были недостижимы, решаясь они в обычной объективной реальности. К ним можно отнести 3D-проекцию, эксперименты, экскурсии в прошлое и будущее, выставки, разработка и использование модели объектов, траектории и др.

Метавселенная представляет собой объединение различных платформ дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности, доступной при использовании специальных вспомогательных устройств, таких как смартфон, VR-гарнитуры для смартфонов, VR-шлем, VR-очки, VR-перчатки-контроллеры.

В итоге под метавселенной в образовательном процессе вуза может пониматься вирту-

альное пространство, размещенное в облаках гибридных систем, объединяющее преподавателей и обучающихся в процессе обучения с использованием дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности.

Предполагается, что каждый пользователь метавселенной образовательного процесса вуза будет владеть своим аватаром и управлять им; должен быть авторизован в метавселенной, иметь определенные права и обязанности, прописанные в локальных нормативно-правовых актах вуза.

Можно предложить следующие модели практико-ориентированных кейсов: 3D-проекция объектов, эксперименты, различные симуляции для обучения врачей и прочих специалистов (тренажеры с тактильной обратной связью), виртуальные экскурсии в прошлое и будущее (исторические аспекты, музеи и т.д.), выставки, индивидуальные траектории, для обучения будущих юристов – обследование места преступления (3D-объекты), проведение судебных заседаний.

Совершенствование методов и форм образовательного процесса может осуществляться в развитии метакampusов вузов, где станет возможным проводить различные мероприятия, мастер-классы, которые в будущем принесут инвестиции.

В 2023 г. в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта (БФУ) планируется открыть виртуальный кампус или метакampus, в котором можно будет приобрести место для организации научных конференций и выставок бизнеса [8].

Компания Meta* (признана в России экстремистской организацией и запрещена на территории России с 21 марта 2023 г.) организовала разработку метавселенных для обучающихся 10 зарубежных университетов, взяла на себя расходы по проектированию и разработке метавселенных. Самая крупная виртуальная площадка Глобального кампуса Университета Мэриленда (UMGC) рассчитана на размещение 45 000 обучающихся и проведение 5 дисциплин на базе метавселенной. Пока компания терпит значительные убытки, так как только создание одного виртуального кампуса в среднем стоит около 50 тыс. долл., а в рамках проекта выделено 150 млн долл., часть которых предназначена для поставки гарнитур Meta Quest [9]. Использование метавселенной в процессе обучения в ближайшем будущем может привлечь инвестиции и повысить заинтересованность поступления абитуриентов.

В результате анализа использования виртуального пространства метавселенной в процессе обучения вуза можно выделить положительные качества:

- 1) повышение мотивации к изучению достаточно сложных предметов вуза;
- 2) создание эффекта полного погружения;
- 3) снижение стоимости экспериментов;
- 4) снижение рисков, прогнозирование результата действий.

Эмпирический анализ

Развитие, внедрение и использование технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности в образовательные процессы вуза осложняются правовыми рисками, возникают проблемы этического, психологического, технического, правового характера.

Выделим правовые проблемы применения метавселенной в образовательном процессе вуза.

1. Проблемы кибербезопасности, относящиеся к защите информации, содержащейся в метавселенной. Защита информации, содержащейся в информационных системах, должна обеспечиваться комплексом организационных, технических мер защиты: выдача логина, пароля, обслуживание сервера, предназначенного для работы с объектами метавселенной, обеспечение технической защиты персональных данных, которые должны быть закреплены в нормативно-правовых актах вуза.

Существуют проблемы безопасности передаваемой и получаемой информации в виртуальном пространстве метавселенной. Киберпреступники могут перехватить программно-техническими средствами информацию метавселенной и воспользоваться ею для перепродажи, искажения данных или для их полного уничтожения.

2. Проблемы конфиденциальности персональных данных. Без согласия субъекта персональных данных или иного законного основания нельзя допускать распространения персональных данных.

К правовым рискам режима персональных данных автоматизированной информационной системы относят проблему защиты информации, содержащейся в автоматизированных информационных системах, которая решается применением комплекса организационных, технических мер защиты. При создании профиля обучающегося в метавселенной будут вводиться персональные данные, которые должны быть защищены режимом персональных данных по Федеральному закону от 27 июля

2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) [10].

Правительство Российской Федерации в п. 3 ст. 19 Закона о персональных данных в качестве меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке с учетом возможного вреда субъекту персональных данных, объема и содержания обрабатываемых персональных данных, вида деятельности, при осуществлении которого обрабатываются персональные данные, актуальности угроз безопасности персональных данных устанавливает: уровни защищенности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных в зависимости от угроз безопасности этих данных; требования к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, исполнение которых обеспечивает установленные уровни защищенности персональных данных; требования к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных.

С 2022 г. вступили в силу поправки в Закон о персональных данных (ред. от 14.07.2022), запрещающие операторам размещать и распространять персональные данные субъекта без его согласия. Предоставление биометрических персональных данных не может быть обязательным, кроме определенных случаев, указанных в ст. 11, к которым не относится, в частности, регистрация в таких системах, как метавселенная. Оператор не вправе отказывать в обслуживании в случае отказа субъекта персональных данных предоставить биометрические персональные данные, однако современные технологии предусматривают использование биометрических данных при аутентификации пользователя VR-гарнитуры, подключаемой к компьютеру или смартфону. Субъект персональных данных решает, какие данные могут использоваться публично, а что остается приватным при заполнении согласия на обработку персональных данных. Возникает правовая проблема идентификации пользователя-обучающегося. При осуществлении входа под определенным логином виртуальный шлем и контроллеры может использовать другое физическое лицо, а результаты обучения при прохождении аттестации могут принадлежать другому физическому лицу, зарегистрированному в системе. Возможность данного нарушения может создать проблемы психологического, педагогического и правового характера.

В частности, для оператора административное наказание назначается в виде штрафа за нарушение безопасности, несанкционированный доступ к персональным данным при хранении материальных носителей персональных данных; за невыполнение оператором обязанности по обезличиванию персональных данных; за невыполнение обязанности по обеспечению записи, систематизации, накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения) или извлечения персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации (п. 6, 7, 8 ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ) [11]; за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 Уголовного кодекса РФ) [12]. Установленные обязанности в отношении персональных данных оператор должен соблюдать применительно к метавселенным, но правовые риски будут постоянно присутствовать в сфере существующих проблем информационной безопасности.

3. Проблемы с автоматизированными системами сбора данных Big Data связаны со сбором сведений о подключенных устройствах, сведений об интернете вещей (IoT), различных показателей метавселенных. Система Big Data позволяет устройствам и программам собирать, анализировать, обрабатывать, передавать данные другим объектам через программное обеспечение, приложения или технические устройства без участия человека. Решением этой проблемы могло бы стать ограничение Big Data в части сбора данных из метавселенных.

4. Проблемы использования иностранного оборудования и программного обеспечения. Технологии AR/VR разработаны зарубежными компаниями и используют иностранное программное обеспечение для их функционирования в гибридных облаках. Например, Oculus (Oculus VR) – бренд компании Facebook Technologies, дочерняя компания Meta* выпускает аппаратное и программное обеспечение для виртуальной реальности.

С 1 марта 2023 г. п. 9 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2022) [13] запрещается подключение к информационным системам и программам для электронных вычислительных машин, принадлежащих иностранным юридическим лицам и иностранным гражданам, обеспечивающее возможность перевода денежных средств граждан Российской Федерации в

рамках применяемых форм безналичных расчетов. На настоящий момент в вузах по наличию должны преобладать персональные компьютеры российского производства, но вместе с тем использование в вузах качественного отечественного программного обеспечения в ближайшее время не представляется возможным. До сих пор самый используемый офисный пакет для работы с документами – Microsoft Office, а российские офисные пакеты, более или менее приближающиеся к нему, – аналоги удобного и привычного зарубежного программного обеспечения.

Также с 1 марта 2023 г. п. 8 ст. 10 данного Закона запрещается использование информационных систем и программ для электронных вычислительных машин, принадлежащих иностранным юридическим лицам и (или) иностранным гражданам, которые предназначены и используются для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационных систем и программ для электронных вычислительных машин для государственных компаний. Информацию из указанных систем нельзя размещать пользователям в общем доступе сети Интернет; нельзя использовать иностранное программное обеспечение. На настоящий момент ведутся разработки VR-шлемов российского производства, но основное базовое оборудование и программное обеспечение – иностранное.

Результаты

Стремительное развитие технологий VR и AR применительно к процессу обучения вуза создаст условия для повышения мотивации обучающихся, качественно улучшит знания, умения и навыки по практическим темам, что немаловажно, привлечет инвестиции в образование. Применение метавселенной в образовательном процессе вуза позволит лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам получать высшее образование наравне с другими.

Для полноценного обучения в вузе нельзя полностью подменять классическое обучение обучением в виртуальном пространстве метавселенной, поскольку это нанесет психологический и физический ущерб здоровью обучающихся. Положительный эффект даст только дозированное использование виртуального пространства метавселенной в виде отдельных курсов дисциплин, занятий, несущих функции интерактива.

Необходимо совершенствование действующего законодательства высшего образования в области внедрения метавселенной как метода

обучения в вузе и обеспечения информационной безопасности в части терминологии и особенностей использования в процессе обучения.

Необходима также разработка правовых актов локального характера, регламентирующих особенности использования метавселенных при обучении конкретного специалиста. Модельные локальные правовые акты должны быть не только задекларированы, но и подкреплены соответствующим терминологическим аппаратом, эффективными мерами по их созданию. Решение правовых проблем использования виртуального пространства метавселенной в образовательном процессе вуза совершенствованием правового регулирования приведет к повышению конкурентной способности российских вузов на мировом рынке образования.

Список литературы

1. New study shows that students who participated in ASU's Dreamscape Learn lab course performed better, were more engaged // *ASU News*. 2022. October 21. URL: <https://news.asu.edu/20221021-creativity-vr-biology-lab-experience-leads-student-success> (дата обращения: 10.06.2023).
2. Сорина Г. В., Гуров Ф. Н. Метавселенная и проблемы современного образования // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2022. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2022-3-9-23>, EDN: XYRPPW
3. Ковалева Н. Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // *Право.by*. 2022. № 5 (79). С. 81–84. EDN: EVJOCI
4. Лескина Э. И. Метавселенная и сфера образования: возможности и угрозы // *Юридическое образование и наука*. 2023. № 4. С. 32–36. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-4-32-36>
5. Ереско П. В. Использование цифровых технологий для организации контроля знаний образовательного процесса вуза в условиях дистанционного обучения // *Актуальные тренды в современном образовании* : сб. науч. тр. : в 2 ч. Ч. 1 (А–К). Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 193–197.
6. Юхно А. С. Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // *Мир новой экономики*. 2022. Т. 16, № 4. С. 6–19. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-6-19>
7. Value Creation in the metaverse // *McKinsey & Company*. 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/marketing%20and%20sales/our%20insights/value%20creation%20in%20the%20metaverse/Value-creation-in-the-metaverse.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).
8. Кампус в метавселенной: ректор Александр Федоров прочитал лекцию об университетах будущего // *Новости БФУ*. 2022. 7 сентября. URL: <https://kantiana.ru/news/kampus-v-metavselennoy-rektor-aleksandr-fedorov-prochital-lektsiyu-ob-universitetakh-budushchego/> (дата обращения: 15.06.2023).

ru/news/kampus-v-metavselennoy-rektor-aleksandr-fedorov-prochital-lektsiyu-ob-universitetakh-budushchego/ (дата обращения: 15.06.2023).

9. Meta* запустит 10 виртуальных кампусов в университетах США // *Сетевое издание iXBT.com*. 2022. 6 сентября. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/09/06/meta-zapustit-10-virtualnyh-kampusov-v-universitetah-ssha.html> (дата обращения: 15.06.2023).
10. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1996. № 25, ст. 2954.
13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

References

1. New study shows that students who participated in ASU's Dreamscape Learn lab course performed better, were more engaged. *ASU News*. 2022. October 21. Available at: <https://news.asu.edu/20221021-creativity-vr-biology-lab-experience-leads-student-success> (accessed June 10, 2023).
2. Sorina G. V., Gurov F. N. The Metaverse and the Problems of Modern Education. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2022, no. 3, pp. 9–23 (in Russian). <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2022-3-9-23>, EDN: XYRPPW
3. Kovaleva N. N. Legal aspects of digital enhancement of metaverses. *Pravo.by*, 2022, no. 5 (79), pp. 81–84 (in Russian). EDN: EVJOCI
4. Leskina E. I. Metaverse and the field of education: Opportunities and threats. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal Education and Science], 2023, no. 4, pp. 32–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-4-32-36>
5. Eresko P. V. The use of digital technologies to organize the control of knowledge of the educational process of the university in the context of distance learning. In: *Aktual'nye trendy v sovremennom obrazovanii: sbornik nauchnykh trudov. Chast' 1 (A–K)* [Current trends in modern education: A collection of scientific papers. Part 1 (A–K)]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2022, pp. 193–197 (in Russian).
6. Yuhno A. S. The concept, features and prospects for the metaverse construct development. *The World of the New Economy*, 2022, T. 16, no. 4, pp. 6–19 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-6-19>
7. Value Creation in the metaverse. *McKinsey & Company*. 2022. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/>

- mckinsey/business%20functions/marketing%20and%20sales/our%20insights/value%20creation%20in%20the%20metaverse/Value-creation-in-the-metaverse.pdf (accessed June 15, 2023).
8. Campus in the Metaverse: Rector Alexander Fedorov gave a lecture on the universities of the future. *Novosti BFU* (BFU News), 2022. September 7. Available at: <https://kantiana.ru/news/kampus-v-metavselennoy-rektor-aleksandr-fedorov-prochital-lektsiyu-ob-universitetakh-budushchego/> (accessed June 15, 2023) (in Russian).
 9. Meta* to Launch 10 Virtual Campuses at US Universities. *Setevoe izdanie iXBT.com* (Online edition iXBT.com), 2022. September 6. Available at: <https://www.ixbt.com/news/2022/09/06/meta-zapustit-10-virtualnyh-kampusov-v-universitetah-ssha.html> (accessed June 15, 2023) (in Russian).
 10. On personal data. Federal Law 152-FZ of July 27, 2006 (an edition of February 6, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt. I), art. 3451 (in Russian).
 11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses 195-FZ of December 30, 2001 (an edition of June 13, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. I), art. 1 (in Russian).
 12. Criminal Code of the Russian Federation 63-FZ of June 13, 1996 (an edition of June 13, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954 (in Russian).
 13. On information, information technologies and information protection. Federal Law 149-FZ of July 27, 2006 (an edition of December 29, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt. I), art. 3448 (in Russian).

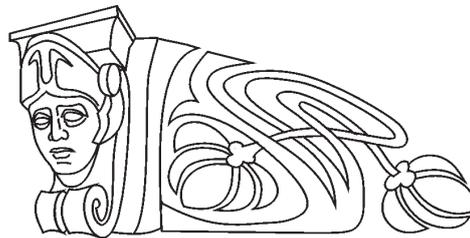
Поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 20.09.2023
The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 20.08.2023

Научная статья
УДК 340

Пропаганда бизнес-этики в России: правовые основы

Е. Н. Тогузаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тогузаева Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Аннотация. Введение. В контексте значимости развития российской экономики приобретает особую важность культура деловых коммуникаций субъектов предпринимательской деятельности, повышение которой и стимулирование всячески поддерживается государством, а популяризация предпринимательства и формирование положительного имиджа предпринимателя среди населения становятся важнейшим направлением деятельности по достижению государственных целей и задач, хотя процессы формирования бизнес-этики и правового регулирования пропаганды бизнес-этики в российском законодательстве все еще находятся на этапе активного становления. **Теоретический анализ.** В современном правовом поле, в первую очередь, нашли отражение пропаганда ценностей конкуренции, пропаганда среди предпринимателей норм социальной ответственности, пропаганда легального предпринимательства и формирования положительного имиджа предпринимателя. Однако все чаще законодатель создает предпосылки для желаемого бизнесом поведения в имеющихся правовых условиях, не закрепляя напрямую «пропаганду бизнес-этики», и примеры из действующего законодательства и правоприменительной практики являются тому подтверждением. **Эмпирический анализ.** Фрагментарное правовое регулирование пропаганды бизнес-этики как на федеральном, так и на региональном уровнях подчеркивает отсутствие системного подхода к пониманию бизнес-этики, что, в свою очередь, может сказаться на эффективности формирования в дальнейшем добросовестной коммерческой практики. **Результат.** В правовом поле бизнес-этику следует рассматривать как понятие комплексное, собирательное и еще развивающееся, включающее отношение к социальной ответственности субъекта предпринимательской деятельности, к коррупции, здоровой конкуренции, соединяющее в себе элементы управленческой этики, корпоративной культуры, этику взаимодействия с государственными структурами, экологической осознанности и др. Введение в правовое поле пропаганды бизнес-этики – закономерный процесс. Эффективной мерой в пропаганде бизнес-этики среди субъектов предпринимательской деятельности остается правовое просвещение, преследующее превентивные цели, причем только в совокупности с мерами поддержки и поощрения такой деятельности в настоящее время, поскольку обеспечение норм деловой этики тесно связано с отсутствием незаконных форм экономической борьбы, с выстраиванием мер экономической безопасности в условиях корпоративной социальной ответственности, неприятия коррупции и др.

Ключевые слова: пропаганда, бизнес-этика, деловые коммуникации, правовое регулирование, здоровая конкуренция

Для цитирования: Тогузаева Е. Н. Пропаганда бизнес-этики в России: правовые основы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 478–483. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-478-483>, EDN: XTEKXQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Promoting business ethics in Russia: Legal framework

E. N. Toguzayeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina N. Toguzayeva, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Abstract. Introduction. In the context of the significance of the development of the Russian economy, the culture of business communications of business entities is of particular importance. Its enhancement and stimulation are supported in every possible way by the state, and popularization of entrepreneurship and formation of a positive image of the entrepreneur among the population become the most important area of activity in achieving state goals and objectives. Though, the process of forming business ethics and legal regulation of the promotion of business ethics in the Russian legislation are still at the stage of active development. **Theoretical analysis.** The modern legal field primarily reflects promotion of the values of competition, promotion of social responsibility norms among entrepreneurs, promotion of legal entrepreneurship and formation of a positive image of the entrepreneur. However, most often, the legislator creates the prerequisites for the behavior desired by business in the

existing legal conditions, without directly enshrining the “propaganda of business ethics”, with examples from current legislation and law enforcement practice being confirmation of that. **Empirical analysis.** Fragmented legal regulation of the promotion of business ethics, both at the federal and regional levels, emphasizes the lack of a systematic approach to understanding business ethics, which, in turn, may affect the effectiveness of the future formation of fair commercial practices. **Result.** In the legal field, business ethics should be considered as a complex, collective and still developing concept, including an attitude to the social responsibility of a business entity, corruption, healthy competition, combining elements of management ethics, corporate culture, ethics of interaction with government agencies, environmental awareness, etc. Introduction to the legal field of promoting business ethics is a natural process. Legal education remains an effective measure to promote business ethics among business entities, that pursues preventive goals, and only in conjunction with measures to support and encourage such activities at the present time, since ensuring the standards of business ethics is closely related to the absence of illegal forms of economic struggle, to building measures of economic security in the context of corporate social responsibility, rejection of corruption, etc.

Keywords: propaganda, business ethics, business communications, legal regulation, healthy competition

For citation: Toгузаева Е. Н. Promoting business ethics in Russia: Legal framework. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 478–483 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-478-483>, EDN: XTEKXQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

За последнее десятилетие в российском законодательстве стали получать правовое регулирование новые виды пропаганды, ранее не находившие отражения в правовом поле. Так, в 2014 г. в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года получила правовое закрепление пропаганда традиционных семейных ценностей, в 2020 г. в связи с ограничением оборота закиси азота была запрещена пропаганда закиси азота Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 472-Ф «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации», а в 2023 г. Законом Республики Мордовия от 2 августа 2023 г. № 58-З «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия» запрещена пропаганда абортов. И это лишь некоторые примеры. Свое отражение в российском законодательстве начинает получать и такой новый вид пропаганды, как пропаганда бизнес-этики.

Необходимость закрепления на законодательном уровне пропаганды бизнес-этики на первый взгляд может показаться излишней и необоснованной. Однако не будем спешить с выводами.

Важным документом в истории межгосударственного согласования этических ориентиров в области бизнеса многие исследователи называют принятый в декабре 1980 г. Генеральной Ассамблеей ООН «Комплекс согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой», обеспечивающих равенство и справедливость в торговле, свободу конкуренции, контроль за концентрацией капитала и/или экономической мощи, осуждающих недопустимую практику соглашений о

распределении рынков и покупателей, участие в торгах по тайному сговору, установление дискриминационных цен и условий поставки или покупки товаров и услуг и т.д. [1, с. 71].

Обращение в настоящее время к пропаганде бизнес-этики в российском современном обществе связано не только с тем, что данная сфера стала предметом интересов Российского государства, но не менее любопытно данное направление стало для самих представителей бизнес-структур, которые в период беспрецедентных санкций и других кризисных проявлений понимают важность повышения как правовой культуры, так и культуры бизнес-коммуникаций, соблюдения этических норм профессионального сообщества, поскольку бизнес-этика закладывает фундамент длительного сотрудничества. Выступая на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «в рамках масштабной модернизации страны идет выстраивание новых правил игры в экономике без очевидных монополий и вопиющей коррупции. Нашей первоочередной задачей является поддержка предпринимательства и улучшение бизнес-климата с целью максимальной защиты прав инвесторов, стабильности и предсказуемости» [2].

Теоретический анализ

В условиях глобализационной экономики трансформационные изменения бизнес-этики и ее пропаганда стали актуальными для многих государств. В настоящее же время и в России в контексте значимости развития российской экономики особую важность приобретает культура деловых коммуникаций субъектов предпринимательской деятельности, повышение которой и стимулирование всячески поддерживается

государством, а популяризация предпринимательства и формирование положительного имиджа предпринимателя среди населения стали важнейшим направлением деятельности по достижению государственных целей и задач.

Безусловно, на сегодняшний день следует говорить еще только о периоде становления процесса бизнес-этики, который непосредственно связан и с повышением правовой культуры представителей бизнес-сообщества, экологической осознанностью, управленческой культурой, развитием корпоративной коммуникативистики, становлением социального предпринимательства и т.д.

Долгое время российская наука не уделяла должного внимания исследованию деловой этики, в отличие от настоящего времени, когда появилось достаточно научных работ, посвященных как деловой этике в целом, так и бизнес-этике в частности. Однако считаем, что с позиций права бизнес-этику следует понимать как понятие комплексное и еще развивающееся, включающее отношение к социальной ответственности субъекта предпринимательской деятельности, к коррупции, здоровой конкуренции, соединяющее в себе элементы управленческой этики, корпоративной культуры, этику взаимодействия с государственными структурами и др. Поэтому полагаем, что для юриспруденции (возможно, в отличие от экономики и коммуникативистики) пропаганда бизнес-этики остается широким собирательным понятием.

Сложность введения в правовое поле данного понятия объясняется целым рядом объективных причин: длительным процессом легитимации бизнеса в его историческом становлении и развитии в России; отличными от других стран культурными традициями России; непопулярностью за долгий период времени разработки внутренних этических норм коммерческими организациями. Современные авторы подчеркивают, что важным элементом, отражающим национальные особенности бизнес-этики, являются нормативы этического поведения, которые для разных стран могут быть различными (от этических кодексов, диктуемых бизнес-сообществом, до банального усмотрения руководителя организации, когда потребности бизнеса и государства могут отходить на второй план. Именно последняя модель длительное время и была характерна для России) [3, с. 164].

Эмпирический анализ

В правовом поле среди первых нашли отражение пропаганда ценностей конкуренции

(упоминания о ней можно встретить, например, в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. (утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013)) и пропаганда среди предпринимателей норм социальной ответственности (см.: Соглашение о сотрудничестве между Федеральной антимонопольной службой и Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, Указание Генпрокуратуры РФ от 25.06.2009 № 212/20 «Об организации исполнения Соглашения о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Торгово-промышленной палатой Российской Федерации»), а также в нормативных актах федерального и регионального уровней встречаются такие виды пропаганды, как пропаганда легального предпринимательства и формирования положительного имиджа предпринимателя, пропаганда социальной значимости предпринимательства. Примеры можно найти и в законодательстве СНГ, в котором в числе договаривающихся стран значится и Россия, – пропаганда правил «честного бизнеса» (Решение Совета глав правительств СНГ «О Концепции формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств-участников СНГ и Плана мероприятий по ее реализации» (принято в г. Минске 28.10.2016) [4]).

Множество подобных примеров такого точечного правового регулирования пропаганды бизнес-этики и ее элементов в российском законодательстве на сегодняшний день сложно привести, однако все чаще законодатель создает предпосылки для желаемого бизнесом поведения в имеющихся правовых условиях, не закрепляя напрямую «пропаганду бизнес-этики», такой вывод напрашивается исходя из проделанного системного анализа российского законодательства. Помимо открытого закрепления в правовых нормах возможностей пропаганды бизнес-этики и ее поощрения, считаем, что с помощью других конструкций законодатель также старается юридически закрепить пропаганду бизнес-этики, зачастую не называя ее прямо в нормативных актах. Так, например, Л. Г. Щербакова, исследуя актуальные вопросы разрешения споров, возникающих при оптовой торговле сельскохозяйственным сырьем, подчеркивает, что претензионный порядок по договору контрактации не является обязательным исходя из положений Гражданского кодекса РФ о контрактации, однако стороны могут внести его в договор, и тогда проведение претензионной работы станет необходимым условием для

обращения в арбитражный суд. Однако норма ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ устанавливает, что претензионный порядок является обязательным для всех случаев, когда спор касается взыскания денежных средств, что, в первую очередь, направлено на стимулирование налаживания деловых связей, пропаганду бизнес-этики и экологических взаимоотношений между сторонами [5, с. 36]. Конечно, нельзя забывать и о цели разгрузить суды таким образом, однако, учитывая дух АПК РФ, следует говорить и о заложенной в нем важности формирования бизнес-этики и культуры деловых отношений. С 2010 г. взятый курс на развитие института медиации в России также должен внести свою лепту в гармонизацию социальных отношений и последовательное формирование бизнес-этики.

Принципы деловой этики как основы отношений в предпринимательском сообществе стали укореняться в правовом поле и переплетаться, что можно проследить на развитии концепции добросовестности в гражданском праве. Расширяются возможности поощрения добросовестной коммерческой практики как в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности, так и в их отношениях при взаимодействии с государством. В 2018 г. Верховный Суд РФ, давая разъяснения по вопросам заключения и толкования договоров, в продолжение раскрытия п. 4 ст. 1 ГК РФ, подчеркнул, что условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения, а также толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду (см. п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 [6]). Множественные примеры подтверждения презумпции добросовестности в ведении бизнеса можно найти и в правоприменительной практике: субъективная добросовестность руководителя должника по вопросу наличия долга либо признаков неплатежеспособности, в частности, неочевидность для добросовестного и разумного директора кризисной ситуации ведения бизнеса, освобождает последнего от привлечения к субсидиарной ответственности (см., например, [7, 8]).

Обратимся к другой составляющей бизнес-этики – социально ответственному предпринимательству. Современные представители экономических наук все чаще отмечают, что сегодня успешный бизнес характеризуется не

только уровнем полученной прибыли, но и уровнем вклада в экономическое развитие общества, проведением мероприятий по сохранению и улучшению окружающей природы, качеством жизни как сотрудников предприятия, так и местного сообщества, а для того чтобы оставаться конкурентоспособным, бизнес должен следовать принципам корпоративной социальной ответственности, быть заметным в социально значимых сферах жизни общества [9].

На сегодняшний день отсутствуют нормативно-правовые акты, которые обязывали бы предпринимателя вести социально ответственный бизнес, однако это не означает, что государство не стимулирует данную деятельность и не пропагандирует ее в российском обществе. Так, весной 2023 г. в рамках поручений Президента РФ по итогам пленарного заседания съезда и встречи с членами бюро Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» (РСПП) Правительству РФ было поручено в числе прочего рассмотреть вопросы ежегодной публикации крупными российскими компаниями публичной нефинансовой отчетности, содержащей в том числе информацию о соблюдении ими принципов ответственного ведения бизнеса, таких как стабильное стратегическое развитие в РФ, забота о сотрудниках и членах их семей, поддержка социальных программ, реализация проектов, связанных с охраной окружающей среды, укрепление своей страны [10], в рамках этой же встречи РСПП было рекомендовано в срок до 1 ноября 2023 г. учредить премию в области предпринимательской деятельности для российских компаний, соблюдающих принципы ответственного ведения бизнеса.

Анализируя нормативное закрепление пропаганды бизнес-этики, нельзя не упомянуть значимость этических нормативов компаний. В настоящее время набирает обороты деятельность по разработке этических нормативов компаний (так называемых этических кодексов), раскрывающих не только стратегии и миссии развития организации, но и описывающих систему общих ценностей и этических установок организаций.

Показательным в этом плане, на наш взгляд, является кодекс деловой этики ОАО «РЖД» [11], в котором предусматривается назначение президентом ОАО уполномоченного по вопросам деловой этики, а также устанавливаются этические принципы и ценности, правила социальной ответственности компании, культура неприятия коррупции.

Результаты

Из вышеизложенного считаем возможным сделать вывод, что введение в правовое поле пропаганды бизнес-этики – закономерный процесс. При этом эффективной мерой пропаганды бизнес-этики среди субъектов предпринимательской деятельности остается правовое просвещение, преследующее превентивные цели, причем только в совокупности с мерами поддержки и поощрения такой деятельности в настоящее время, поскольку обеспечение норм деловой этики тесно связано с отсутствием незаконных форм экономической борьбы, с выстраиванием мер экономической безопасности в условиях корпоративной социальной ответственности, неприятия коррупции и др. Кроме того, следует поддержать необходимость развития практики публичной нефинансовой отчетности, однако не путем использования карательных мер, а, наоборот, обращаясь к поощрительным санкциям, активизируя инструменты правового стимулирования субъектов предпринимательской деятельности с целью формирования и корректирования верной системы ценностей в сфере ведения бизнеса.

Список литературы

1. Иванов А. С. Этика бизнеса // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 7. С. 70–73. EDN: LKRBWN
2. Выступление Владимира Путина на пленарном заседании юбилейного, XXV Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Черепанова Н. В. Российская этика бизнеса в контексте национальных особенностей // Вестник науки Сибири. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. № 1 (7). С. 163–167.
4. О Концепции формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств-участников СНГ и Плана мероприятий по ее реализации : решение Совета глав правительств СНГ (Принято в г. Минске 28.10.2016) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Щербак Л. Г. К вопросу о государственном регулировании внесудебных и досудебных способов разрешения экономических споров в гражданско-правовой и публичной сфере, возникающих при оптовой торговле сельскохозяйственным сырьем // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 34–39. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-03-34-39>, EDN: HZXNCE

6. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.06.2022 № Ф01-2372/2022 по делу № А28-4461/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.
9. Клычова Г. С., Салахутдинова Э. Р. Теоретические подходы к формированию корпоративной социальной ответственности бизнеса // Международный бухгалтерский учет. 2022. Т. 25, № 1. С. 45–57. <https://doi.org/10.24891/ia.25.1.45>, EDN: XBCCBL
10. Перечень поручений по итогам пленарного заседания съезда и встречи с членами бюро РСПП (утв. Президентом РФ 29.04.2023 № Пр-872). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О Кодексе деловой этики открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (вместе с «Кодексом...», утв. решением совета директоров ОАО «РЖД» от 30.03.2015, протокол № 3) : распоряжение ОАО «РЖД» от 06.05.2015 № 1143р // Экономика железных дорог. 2015. № 7.

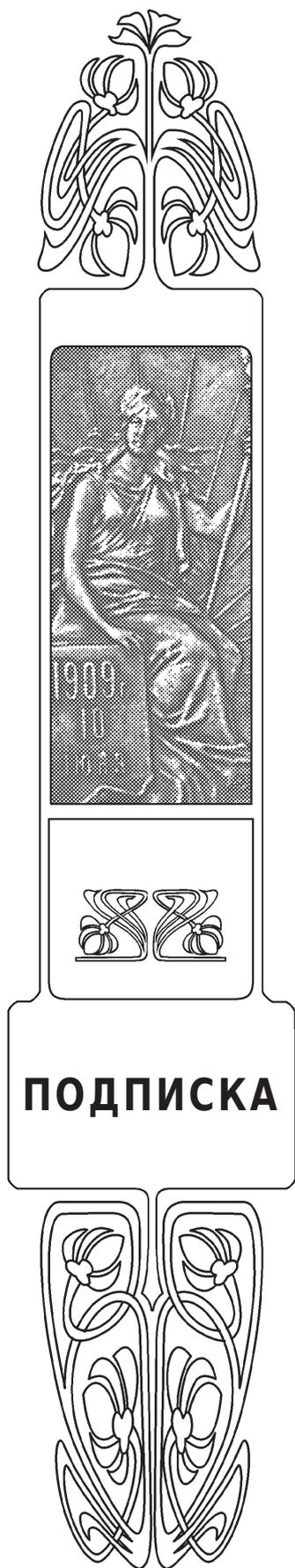
References

1. Ivanov A. S. Business ethics. *Russian Foreign Economic Journal*, 2008, no. 7, pp. 70–73 (in Russian). EDN: LKRBWN
2. *Vystuplenie Vladimira Putina na plenarnom zasedanii yubileynogo, XXV Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* (Speech by Vladimir Putin at the plenary session of the XXV anniversary St. Petersburg International Economic Forum). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (accessed April 20, 2023) (in Russian).
3. Cherepanova N. V. Russian business ethics in the context of national characteristics. *Vestnik nauki Sibiri. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of Science of Siberia. Series: Economics and Management], 2013, no. 1 (7), pp. 163–167 (in Russian).
4. On the Concept for the Formation and Development of the Intellectual Property Market of the CIS Member States and the Action Plan for its Implementation. Decision of the Council of Heads of Government of the CIS (Adopted in Minsk on October 28, 2016). *Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS*. Available at: <http://cis.minsk.by/> (accessed April 20, 2023) (in Russian).
5. Shcherbakova L. G. On the state regulation of extra-judicial and pre-judicial methods of resolution of economic

- disputes in the civil-legal and public sphere arising in wholesale trade in agricultural raw materials. *Bulletin of the Russian Academy of Law*, 2022, no. 3, pp. 34–39 (in Russian). <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-34-39>, EDN: HZXNCE
6. On some issues of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 49 of December 25, 2018. *Byulleten' Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2019, no. 2 (in Russian).
 7. Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District no. F01-2372/2022 of June 7, 2022 in case no. A28-4461/2016. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 8. Review of judicial practice on issues related to the participation of authorized bodies in bankruptcy cases and the bankruptcy procedures used in these cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 20, 2016) (an edition of December 26, 2018). *Byulleten' Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2017, no. 9 (in Russian).
 9. Klychova G. S., Salakhutdinova E. R. Theoretical approaches to the development of corporate social responsibility of business. *International Accounting*, 2022, vol. 25, no. 1, pp. 45–57 (in Russian). <https://doi.org/10.24891/ia.25.1.45>, EDN: XBCCBL
 10. List of instructions following the results of the plenary session of the congress and meeting with members of the Bureau of the RSPP (approved by the President of the Russian Federation on April 29, 2023 no. Pr-872). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 11. On the Code of Business Ethics of the Open Joint-Stock Company Russian Railways (together with the “Code ...”, approved by the decision of the Board of Directors of Russian Railways JSC of March 30, 2015, Protocol no. 3). Decree of Russian Railways JSC of May 6, 2015 no. 1143r. *Ekonomika zheleznykh dorog* [Economics of Railways], 2015, no. 7 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 28.06.2023
The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 28.06.2023

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36012
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru, publ@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
экономический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38
E-mail: sgu-eup@rambler.ru
юридический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-17
E-mail: kulikovasveta@inbox.ru
Website: <https://eup.sgu.ru>

ISSN 1994-2540

23004

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Том 23, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право**

